

SDU LAW JOURNAL

**SDU CENTRAL ASIAN
RESEARCH CENTER**

SDU Law Journal

№3 (6)/ 2026

Жылына 4 рет шығады

Published 4 times a year

Выходит 4 раза год

Қаскелең / Kaskelen / Каскелен
2026

Бас редактор
Марат Естемиров, PhD, ассистент профессор, SDU University
Жауапты редактор
Дархан Орынбасаров, MA, ғылыми қызметкер, SDU University
Техникалық редактор
Жұлдызай Кубашева, Ғылым департаментінің маманы, SDU University

Редакциялық алқа:

Айгуль Касенова	з.ғ.к., ассистент профессор, SDU University (Қазақстан)
Айжан Көпбаева	PhD, ассистент профессор, SDU University (Қазақстан)
Майгүл Абилова	PhD, қауымдастырылған профессор, SDU University (Қазақстан)
Ғайни Серім	PhD, қауымдастырылған профессор, SDU University (Қазақстан)
Жасулан Ахметов	PhD, ассистент профессор, SDU University (Қазақстан)
Шатлық Аманов	PhD, ассистент профессор, SDU University (Қазақстан)
Абай Мағауия	MA, аға оқытушы, SDU University (Қазақстан)
Абай Нажимов	MA, аға оқытушы, SDU University (Қазақстан)
Марат Ахмади	PhD, ассистент профессор Maksut Narikbayev University (Қазақстан)
Камал Сабилов	PhD, ҚР Сот әкімшілігі (Қазақстан)
Сергей Саяпин	PhD, профессор, KIMEP University (Қазақстан)
Рустам Атаджанов	PhD, қауымдастырылған профессор, KIMEP University (Қазақстан)
Антъе Химмельрайх	PhD, Шығыс Еуропа құқығы институты (Германия)
Ханс-Йоахим Шрамм	PhD, профессор, Висмар Университеті (Германия)
Алан Ма	PhD, профессор, Birmingham City University (Ұлыбритания)
Чингис Джекебаев	з.ғ.к., ҚР Республикалық жеке сот орындаушылар палатасы (Қазақстан)

Редакцияның мекенжайы: Алматы облысы, Қарасай ауданы
040900, Қаскелең қаласы, Абылай хан көшесі 1/1
*e-mail: lj@sdu.edu.kz

SDU Law Journal

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігінде тіркелген

30.06.2025, № KZ65VPY00123310 есепке қою туралы куәлігі

ISSN 3105-2649

SDU University

Сайт: <https://lj.sdu.edu.kz/index.php/lj>

© SDU University

Editor-in-chief

Marat Yestemirov, PhD, Assistant Professor, SDU University

Managing Editor

Darkhan Orynbassarov, MA, Research Fellow, SDU University

Technical editor

Zhuldyzay Kubasheva, Science Department specialist, SDU University

Editorial board:

Aigul Kassenova	Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, SDU University (Kazakhstan)
Aizhan Kopbayeva	PhD, Assistant Professor, SDU University (Kazakhstan)
Maigul Abilova	PhD, Associate Professor, SDU University (Kazakhstan)
Gaini Serim	PhD, Associate Professor, SDU University (Kazakhstan)
Zhassulan Akhmetov	PhD, Assistant Professor, SDU University (Kazakhstan)
Shatlyk Amanov	PhD, Assistant Professor, SDU University (Kazakhstan)
Abay Magauiya	MA, Senior Lecturer, SDU University (Kazakhstan)
Abay Nazhimov	MA, Senior Lecturer, SDU University (Kazakhstan)
Marat Akhmadi	PhD, Assistant Professor, Maksut Narikbayev University (Kazakhstan)
Kamal Sabirov	PhD, Court Administration of the Republic of Kazakhstan
Sergey Sayapin	PhD, Professor, KIMEP University (Kazakhstan)
Rustam Atadjanov	PhD, Associate Professor, KIMEP University (Kazakhstan)
Antje Himmelreich	PhD, Institute of Eastern European Law (Germany)
Hans-Joachim Schramm	PhD, Professor, Wismar University (Germany)
Alan Ma	PhD, Professor, Birmingham City University (United Kingdom)
Chingis Dzhekebayev	Candidate of Legal Sciences, Republican Chamber of Private Bailiffs of the Republic of Kazakhstan

Address of the editorial office: Almaty region, Karasay district
040900, Kaskelen, 1/1 Abylai Khan street

*e-mail: lj@sdu.edu.kz

SDU Law Journal

Registered by the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan

Certificate of registration No KZ65VPY00123310 from 30.06.2025

ISSN 3105-2649

SDU University

Site: <https://lj.sdu.edu.kz/index.php/lj>

© SDU University

Главный редактор
Марат Естемиров, PhD, ассистент профессор, SDU University
Ответственный редактор
Дархан Орынбасаров, MA, научный сотрудник, SDU University
Технический редактор
Жулдызай Кубашева, специалист департамента науки, SDU University

Редакционная коллегия:

Айгуль Касенова	к.ю.н., ассистент профессор, SDU University (Казахстан)
Айжан Копбаева	PhD, ассистент профессор, SDU University (Казахстан)
Майгүл Абилова	PhD, ассоциированный профессор, SDU University (Казахстан)
Ғайни Серім	PhD, ассоциированный профессор, SDU University (Казахстан)
Жасулан Ахметов	PhD, ассистент профессор, SDU University (Казахстан)
Шатлык Аманов	PhD, ассистент профессор, SDU University (Казахстан)
Абай Мағауия	MA, старший преподаватель, SDU University (Казахстан)
Абай Нажимов	MA, старший преподаватель, SDU University (Казахстан)
Марат Ахмади	PhD, ассистент профессор, Maksut Narikbayev University (Казахстан)
Камал Сабыров	PhD, Судебная администрация Республики Казахстан
Сергей Саяпин	PhD, профессор, KIMEP University (Казахстан)
Рустам Атаджанов	PhD, ассоциированный профессор, KIMEP University (Казахстан)
Антъе Химмельрайх	PhD, Институт восточноевропейского права (Германия)
Ханс-Йоахим Шрамм	PhD, профессор, Висмарский университет (Германия)
Алан Ма	PhD, профессор, Birmingham City University (Великобритания)
Чингис Джекебаев	к.ю.н., Республиканская палата частных судебных исполнителей РК (Казахстан)

Адрес редакции: Алматинская область, Карасайский район
040900, г. Каскелен, ул. Абылай хана 1/1
*e-mail: lj@sdu.edu.kz

SDU Law Journal
Зарегистрирован Министерством культуры и информации Республики Казахстан
Свидетельство о постановке на учет № KZ65VPY00123310 от 30.06.2025
ISSN 3105-2649
SDU University
Сайт: <https://lj.sdu.edu.kz/index.php/lj>

МАЗМҰНЫ / CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ

Жария құқық, жеке құқық және халықаралық құқық ғылымы
The science of public law, private law, and international law
Наука публичного, частного и международного права

Қазақстан Республикасындағы қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтын талдау <i>Шынар Рысмендиева</i>	6
Недействительность сделок, совершенных с пороком воли <i>Жәмила Келденбаева</i>	25
The Rise of AI Training Data Licensing: Reassessing Fair Use and Market Harm <i>Aisha Zhaksylyk</i>	43
Виктимблейминг как фактор нарушения прав потерпевших: правовые и социальные аспекты <i>Аманлык Гулимов, Аружан Төрехан</i>	62

DOI: <https://doi.org/10.47344/kvc2cs84>

FTAMP: 10.63.59

Қазақстан Республикасындағы қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтын талдау

Шынар Рысмендиева

SDU University, Қаскелең, Қазақстан

email: shynarrysmendiyeva@gmail.com

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан Республикасындағы қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтының құқықтық мәселелері кешенді түрде зерттелді. Зерттеудің өзектілігі 2024 жылы Қазақстанда қашықтан жұмыс істейтіндер санының 46,7 мың адамға жетіп, жылдан жылға 18,6%-ға өсіп отыруымен, сондай-ақ еңбек заңнамасындағы осы форматқа арналған арнайы нормалардың бейімделмеуімен негізделеді. Осыған байланысты Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасы қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілік нормаларын қолдануға қаншалықты бейімделген деген зерттеу сұрағы туындайды. Зерттеудің мақсаты- қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтының проблемалық тұстарын айқындап, оларды жетілдіру бойынша ғылыми негізделген ұсыныстар жасау. Зерттеуде формальды- құқықтық, салыстырмалы- құқықтық, доктриналық әдістер, сондай-ақ Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2021- 2024 жылдардағы статистикалық деректерін және сот шешімдерін талдау қолданылды. Зерттеу нәтижесінде «себепсіз жұмыста болмау» ұғымының дәстүрлі мазмұнын қашықтан жұмыс форматына бейімдеу қажеттігі, сондай-ақ жеке өмірге қол сұқпаушылық пен цифрлық бақылау арасындағы теңгерімді сақтау қажеттілігі негізделді. Зерттеу нәтижелері Еңбек кодексінің 52 және 22-баптарына толықтырулар енгізу қажеттігін дәлелдейді. Алынған қорытындылар еңбек заңнамасын жетілдіруге және сот тәжірибесін бірыңғайландыруға практикалық негіз бола алады.

Кілт сөздер: еңбек кодексі, қашықтан жұмыс, тәртіптік жауапкершілік, цифрлық бақылау, себепсіз жұмыста болмау

Кіріспе

Соңғы бес жылда қашықтан жұмыс әлемдік еңбек нарығында тұрақты еңбек моделіне айналууда. Халықаралық еңбек ұйымының (ILO, 2021) деректеріне сәйкес, пандемия кезеңінде дамыған елдерде жұмыскерлердің 30- 50%-ға жуығы уақытша қашықтан жұмыс форматына көшкен. Бұл пандемияның жұмыс форматының өзгеруіне елеулі ықпал еткенін көрсетеді.

Халықаралық бизнес- консалтинг және кадрлық стратегиялар саласындағы жетекші сарапшы компания FMC Group (2026) деректері бойынша, дүниежүзінде 330 миллион адам толық немесе аралас қашықтан жұмыс істейді. Офис жұмыскерлері арасындағы үлес бойынша 52%- аралас, 26%- толықтай қашықтан және 21%- тек кеңседе жұмыс істейді. Сонымен қатар, осы форматтағы жұмысқа көбіне IT (67,8%), қаржы және сақтандыру (52,8%), маркетинг, HR салалары бейімделген.

Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі Ұлттық

статистика бюросының деректері бойынша, 2024 жылы Қазақстан экономикасының түрлі салаларында 9,2 млн адам жұмыспен қамтылды, оның ішінде 7 млн адам (76,6%)- жалдамалы жұмыскерлер, 2,1 млн адам (23,4%)- өзін- өзі жұмыспен қамтыған тұлғалар. Жалдамалы жұмыскерлердің саны жыл сайын 100 мыңнан астам адамға өсіп отырғаны байқалады, бұл ресми еңбек қатынастары секторының кеңейіп жатқанын көрсетеді (Ұлттық статистика бюросы, 2025). Осы 9 млн- нан астам жұмыспен қамтылған адамның ішінде 2024 жылы Қазақстанда қашықтан жұмыс істейтіндер саны 46,7 мың адамға жетіп, 2023 жылмен салыстырғанда 18,6 пайызға өскен (Ranking.kz, 2025). Бұл көрсеткіштер жалпы жұмыспен қамтылғандар санының небәрі 0,5%- ын құрағанымен, пандемияға дейінгі кезеңге қарағанда тұрақты өсуін көрсетеді. Аймақтық тұрғыдан қашықтан жұмыс істеу форматында көшбасшы өңірлерде Ақтөбе облысы- 11,3 мың адам, Жетісу облысы- 7 мың адам, Маңғыстау облысы- 6,6 мың адамды құрайды. 2024 жылы hh.kz рекрутингтік платформасында жарияланған 52,2 мың вакансияның 1,5 мыңы қашықтан жұмыс істеу мүмкіндігін көрсеткен. Экономика салаларының ішінде қашықтан жұмыс істеу форматындағы бос жұмыс орындарының ең көп үлесі 11,6%- бен IT саласында байқалды, ал 9,6%- бизнеске арналған қызмет көрсету секторы, үшінші орында 8,5%- бен ақпараттық сала- БАҚ, PR, жарнама және дизайн орналасты (Ranking.kz, 2025).

Аталған сандардың салыстырмалы пайыздық үлесі төмен болғанымен, қашықтан жұмыспен қамтылған 46,7 мың адам- еңбек қатынастары шеңберіндегі үлкен әлеуметтік топ. Егер бұл санды цифрлық технологияларды қарқынды пайдаланатын IT, қаржы, БАҚ және консалтинг секторларындағы аралас (гибридтік) форматта еңбек ететін жұмыскерлермен бірге қарастырсақ, цифрлық еңбек ортасында жұмыс істейтін нақты адамдар саны әлдеқайда көп болады. Бұл өз кезегінде қашықтан жұмыстағы тәртіптік жауапкершілік институтын жүйелі құқықтық реттеудің өзектілігін айқын көрсетеді.

Бизнесті стратегиялық жоспарлау және қаржылық талдау саласындағы әлемдік сарапшы компания Vena Solutions (2026) және Стэнфорд университеті жанындағы WFH Research зерттеу тобының «The Evolution of Working from Home» атты соңғы деректеріне сүйенсек, 2030 жылға қарай әлемде қашықтан жұмыс істеуге болатын вакансия саны 25%- ға артып, 92 миллионға жетеді, ал қашықтан жұмыс істеуге қажетті сервистер (бұлтты технологиялар, киберқауіпсіздік және байланыс құралдары) нарығының көлемі 58,5 млрд долларды құрайды деп болжанады.

Осы көрсеткіштерден көрінетіндей, еңбек нарығында қашықтан жұмыс үлесі көбейіп келеді. Сол себепті оны құқықтық тұрғыда жүйелеу, цифрлық технологиялардың дамуына және бәсекеге қабілетті мамандарды даярлау қажеттігі туындайды.

Зерттеу проблемасы. Қазақстан Республикасында қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану тетіктерінің жеткілікті түрде регламенттелмеуі еңбек қатынастары саласында құқықтық белгісіздік пен даулы жағдайлардың артуына әкелуде. Бұл проблеманың сандық өлшемі ҚР Жоғарғы Соты жүргізген сот тәжірибесін қорытудан көрінеді: 2021 жылы соттарға 6,7 мың, 2022 жылы 6,1 мың, 2023 жылы 5,3 мың еңбек дауы түскен (ҚР Жоғарғы Соты, 2024). Олардың арасында тәртіптік жаза қолдану және жұмыстан негізсіз шығару бойынша даулар маңызды үлес алады, алайда қашықтан жұмыс істеу форматындағы даулар жеке статистикалық санат ретінде көрсетілмейді, бұл проблематиканы эмпирикалық тұрғыдан бағалауды қиындатады.

Гипотеза. Егер қашықтан жұмыс форматы үшін тәртіптік жауапкершілікті қолдану институты нақты құқықтық нормалармен толықтырылып, бірыңғай құқық қолдану стандарты қалыптастырылса, онда еңбек дауларының жиілігі азайып, жұмыс беруші мен

жұмыскер құқықтары неғұрлым теңгерімді қорғалады.

Мақаланың мақсаты- Қазақстан Республикасындағы қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтын кешенді талдау арқылы оның проблемалық тұстарын айқындап, оларды жетілдіру бойынша ғылыми негізделген ұсыныстар жасау.

Қазақстан Республикасында қашықтан жұмыс істеу практикасы пандемиядан кейін де сақталып, бірқатар салаларда тұрақты форматқа айналғанымен, еңбек тәртібін бұзғаны үшін тәртіптік жауапкершілікті қолдану тетіктері қашықтан жұмысқа толық бейімделген жоқ. Атап айтқанда, Еңбек кодексінің 52- бабы 1- тармағының 8) тармақшасында бекітілген «Себепсіз жұмыста болмау» (жұмыста дәлелсіз себептермен қатарынан үш және одан да көп сағат болмау) «офистік» логикаға негізделген және қашықтан жұмыс істеу режимінің ерекшеліктерін ескермейді. Қашықтан жұмыс істейтін жұмыскердің «жұмыс орнында болмауын» қалай саралау керек: «Корпоративтік жүйеге кірмеуі бойынша ма, хабарламаларға жауап бермеуі бойынша ма, әлде тапсырманы орындамауы бойынша ма?»- деген сұраққа заңнамада нақты жауап жоқ. Жұмыс берушілер үшін қашықтан жұмыс жағдайындағы «себепсіз жұмыста болмау» ұғымын айқындау, соған сәйкес келетін тәртіптік жаза түрін таңдау және оны рәсімдеу тәртібі жиі түсіндірмелі сипатта қалып отыр. Жұмыскерлер тұрғысынан алғанда, онлайн- бақылау құралдарының жеке өмірге қол сұқпаушылық құқығымен шектесуі қосымша құқықтық коллизиялар туғызады. Осыған байланысты қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтын кешенді талдау- заңнаманың олқылықтарын, құқық қолдану тәжірибесіндегі қайшылықтарды және жұмыс беруші мен жұмыскер мүдделерін теңгерімдеудің оңтайлы үлгілерін айқындау үшін уақтылы әрі ғылыми- практикалық тұрғыдан жоғары деңгейде өзекті зерттеу бағыты болып табылады.

Негізгі дәйек. Қашықтан жұмыстың кеңеюі, Еңбек кодексіндегі нормалардың жалпы сипатта қалуы тәртіптік жауапкершіліктің қолданыстағы моделін қашықтан жұмыс ерекшеліктеріне сай қайта қараудың объективті қажеттілігін дәлелдейді.

Мақала құрылымы логикалық түрде бірнеше өзара байланысты бөлімнен тұрады. Кіріспеден кейінгі әдебиетке шолуда қашықтан жұмыс институтын зерттеген халықаралық және отандық ғалымдардың зерттеулеріндегі басты идеялар талқыланып, мәселелер бойынша топтастырылды. Зерттеу әдіснамасы бөлімінде қолданылған нормативтік- құқықтық, салыстырмалы- құқықтық, доктриналық әдістер сипатталып, деректер көздері мен талдау логикасы ашылады. Негізгі талдау бөлімінде Еңбек кодексінің қашықтан жұмыс пен тәртіптік жауапкершілікке қатысты нормалары, 2021 және 2026 жылдардағы заңнамалық түзетулер қарастырылып, қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікке тартуға байланысты сот істері талқыланды. Зерттеу нәтижелері мен қорытынды бөлімде талдау нәтижелері жинақталып, қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілік институтын жетілдіру бойынша нақты ұсыныстар тұжырымдалады.

Әдебиетке шолу

Пандемиядан кейін және еңбек нарығында цифрлық технологиялардың жаппай қолданылуына байланысты еңбек құқығы доктринасында қашықтан жұмыс және оның жекеленген аспектілері соңғы бес жылда белсенді зерттеле бастады. Құқық доктринасындағы ғалымдардың көтерген мәселелерін зерттеу аясы бойынша бөліп, үш бағытта топтастыруды жөн көрдік.

Ғалымдардың зерттеулеріндегі алғашқы бағыт ретінде тәртіптік жауапкершілік институтының дәстүрлі еңбек құқығындағы моделін қашықтан жұмысқа бейімдеу мәселесін қарастыруға болады. Жалпы тәртіптік жауапкершілік туралы соңғы зерттеулердің бірі-отандық ғалымдар А. Тұрлыханқызы, Ж. Хамзина, Е. Бөрібаев (2025) еңбек заңнамасындағы еңбек тәртібін қамтамасыз ету мен тәртіптік жауапкершілікті қолданудың құқықтық негіздерін дәстүрлі құқықтық модельде талдаған. Авторлар еңбек тәртібі мен тәртіптік жауапкершіліктің жалпы құқықтық тетіктерін жан- жақты талдағанымен, бұл мәселелер қашықтан жұмыс жағдайында қарастырылмаған. Тәртіптік жауапкершілік нормаларын қашықтан жұмыс жағдайында қолданудың жеке мәселелерін Ресейлік ғалымдар- А.Д. Абалонскаяның (2025), М.В. Чудиновских және О.А. Кожевниковтың (2020) зерттеу жұмыстарынан көре аламыз. Авторлар «себеппіз жұмыста болмау» ұғымының цифрлық ортада трансформациялануын сот тәжірибесі негізінде талдап, оны қашықтан жұмысқа бейімдеуге ғылыми ұсыныстарын жазады.

Келесі ғалымдардың зерттеулерін қашықтан жұмыс жағдайындағы еңбек тәртібін реттеудегі еңбек заңнамасының нормалары мен жұмыс берушінің актілерінің, ішкі ережелерінің арақатынасы тұрғысынан бөліп қарастыруға болады. Отандық ғалымдар - Г. Кайшатаева мен А. Баязитова (2023) қашықтан жұмыс көбіне жұмыс берушінің ішкі локальды актісімен реттелетінін айта отырып, жұмыс уақытының режимі мен бақылау ерекшеліктерінің еңбек шартында немесе жұмыс берушінің актісімен белгіленуі жұмыскердің жұмыс берушіге тәуелділігін күшейтетінін жазған. Бұл пікірге қарама- қарсы ойды ұстанатын Ресей ғалымы О. А. Курсова (2021) тәртіптік жауапкершілік нормаларын қашықтан жұмыс форматына біршама бейімдеу қажеттігін негізге ала отырып, көп мәселелерді жұмыс берушінің ішкі актісінде, ережелерінде көрсетуді ұсынады. Алайда, бұл жағдай жұмыс берушіге үлкен ықпал беріп, жұмыскердің жағдайын нашарлатуы мүмкін. Еуропалық Одақ елдерінің тәжірибесін талдаған Румыния ғалымы Е. Марика (Marica, 2023) да мемлекеттің еңбек қатынастарының барлық нормаларын егжей- тегжейлі реттей алмауымен негіздей отырып, осы пікірді ұстанады.

Халықаралық деңгейде көп зерттелген цифрлық мониторинг пен адамның жеке өміріне қол сұқпаушылық мәселесі де ерекше орын алады. Халықаралық құқық доктринасында алгоритмдік басқару мен автоматтандырылған бақылау еңбек қатынастарының өзекті мәселесі ретінде қарастырылады. Осы мәселелер бойынша Польша ғалымы И. Сиероцка (Sierocka, 2024) қашықтан жұмыс жағдайында жұмыскердің жұмыс берушімен толық бақыланатынын, бірақ бұл бақылау дәстүрлі емес, цифрлық технологиялар арқылы жүзеге асатынын жазады. Мұндай бақылау нысандары тәртіптік жауапкершілікті қолдануда жаңа дәлелдемелік базаның қалыптасуына алып келеді. Алайда, ғылыми еңбектерде көрсетілгендей, бақылаудың шамадан тыс болуы еңбек жағдайының сапасын төмендетіп, жұмыскердің жеке өміріне қол сұғу тәуекелін арттырады.

Жүргізілген әдеби шолу көрсеткендей, отандық еңбек құқығы доктринасында қашықтан жұмыс жағдайындағы тәртіптік жауапкершілік мәселелері жеке институт ретінде зерттелмеген. Ғылыми әдебиет қашықтан жұмыс институтының жалпы эволюциясын, еңбек нарығындағы құрылымдық өзгерістерді, цифрлық платформалар мен алгоритмдік басқарудың әсерін, сондай- ақ еңбек жағдайларын бағалау мәселелерін жеткілікті дәрежеде сипаттағанымен, Қазақстан Республикасындағы қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтының еңбек тәртібін бұзғаны үшін ең қатаң жаза- еңбек шартын бұзу (Еңбек кодексінің 52- бап, 1- тармағының 8) тармақшасын қолданылғанда және цифрлық бақылау мен жұмыскердің жеке өміріне қол сұғылмаушылық құқығы ескерілуі тиіс

арнайы кепілдіктерін жүйелі әрі кешенді түшпирде талдамағанын байқаймыз.

Осы зерттеу олқылықтары «Қазақстан Республикасындағы қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтын талдау» атты мақаланың теориялық- әдіснамалық негізін айқындайды. Отандық және шетелдік әдебиеттерге сыни тұрғыдан шолу жасай отырып, мақала қашықтан жұмыстағы тәртіптік жауапкершілік институтын қайта түсіндіруге жаңа доктриналық үлгісін ұсынуға бағытталады.

Зерттеу әдіснамасы

Зерттеу Қазақстан Республикасындағы қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтын кешенді құқықтық талдау қағидатына негізделді.

Ең алдымен еңбек нарығындағы қашықтан жұмыс істейтін жұмыскерлердің үлесін және осы форматтағы жұмыстың болашағын анықтау үшін Халықаралық еңбек ұйымының, бизнес- консалтинг компанияларының және Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі Ұлттық статистика бюросының 2023- 2025 жылдардағы статистикалық деректері жиналып, талданды. Сондай- ақ, Қазақстан Республикасының Жоғарғы Соты жүргізген 2021-2023 жылдардағы еңбек дауларын сот тәжірибесінде қорытудың сандық көрсеткіштері пайдаланылды. Бұл деректер негізінде зерттеудің өзектілігі негізделді. Сонымен қатар, зерттеу әдістері ретінде доктриналық және нормативтік- құқықтық талдау, мазмұндық- құрылымдық талдау қолданылды.

Зерттеудегі формальды- заңдық әдіс арқылы Қазақстан Республикасының Еңбек кодексінің 1, 11, 22, 52, 65, 66, 79 және 138-баптары, Конституция нормалары және дербес деректерді қорғау туралы заңнама жүйелі түрде талданды. Бұл әдіс құқықтық нормалардың өзара байланысын және қашықтан жұмыс жағдайында қолданылу ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді.

Эмпирикалық әдіс Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2024 жылғы 28 қарашадағы №1 нормативтік қаулысы мен сот тәжірибесін талдау, және сот шешімдерін зерттеу арқылы жүзеге асырылды. Зерттеу барысында Алматы қаласы Бостандық аудандық сотының 2023 жылғы 24 шілдедегі сот шешімі (Еңбек кодексінің қашықтан жұмыс істейтін жұмыскерді 52- баптың 1- тармағының 8) тармақшасы бойынша жұмыстан шығаруға қатысты) және Ресей Федерациясының Санкт- Петербург қалалық сотының 2024 жылғы 17 қаңтардағы № 33-3119/2024 ісі бойынша апелляциялық сот шешімі талданады (Абалонская, 2025). Бұл құқық қолдану тәжірибесіндегі нақты мәселелерді айқындауға мүмкіндік берді.

Жалпы, аталған әдістерді кешенді қолдану зерттеу тақырыбын жан- жақты талдауға және құқықтық реттеудегі негізгі мәселелерді анықтауға мүмкіндік берді.

Зерттеу нәтижелері

Жүргізілген талдау қашықтан жұмыс жағдайында «Себепсіз жұмыста болмау» ұғымын уақыт пен кеңістікке емес, еңбек қызметінің нәтижесіне және қолжетімділік режимін сақтауға негізделген функционалдық критерий арқылы қайта тұжырымдауды қажет ететінін көрсетті.

1. «Себепсіз жұмыста болмау» ұғымын қашықтан жұмыс жағдайына бейімдеу.

Еңбек кодексінің 52- бабының 1- тармағының 8) тармақшасына («себепсіз жұмыста болмау») 8-1) тармақшасымен толықтыру ұсынылады: *«Қашықтан жұмыс режимінде*

жұмыста болмау- жұмыскердің еңбек шартында белгіленген қолжетімділік режимін дәлелді себептерсіз бұзуы және/ немесе еңбек шартында айқындалған еңбек функциясын белгіленген мерзімде дәлелді себептерсіз жүйелі түрде орындамауы танылады».

Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2024 жылғы 28 қарашадағы № 1 нормативтік қаулысының 20- тармағын да осы функционалдық тәсілді ескере отырып толықтыру қажет: соттар қашықтан жұмыс істейтін жұмыскердің себепсіз жұмыста болмауын бағалағанда оның белгілі бір жерде физикалық болу фактісіне емес, еңбек нәтижелеріне, тапсырмаларды орындау динамикасына және келісілген қолжетімділік режимін сақтауына басымдық беруі керек.

2. Цифрлық бақылау мен жеке өмірге қол сұқпаушылық арасындағы теңе- теңдік.

Жасырын мониторингке тыйым салу және жеке өмірге қол сұқпаушылықты қамтамасыз ету үшін Еңбек кодексінің 22- бабының 1- тармағын жаңа 26) тармақшамен толықтыруды ұсынамыз: «26) жұмыс беруші пайдаланатын цифрлық бақылау құралдарының (оның ішінде еңбек қызметін уақыт бойынша тіркеу жүйелерінің, экран мониторингі бағдарламаларының, өнімділікті өлшеу құралдарының, аудио- бейнебақылау құрылғыларының, биометриялық сәйкестендіру жүйелерінің, корпоративтік байланыс арналарын талдайтын бағдарламалардың) барлық түрлері, олардың жұмыс істеу принциптері, жиналатын деректер санаттары, осы деректерді сақтау мерзімдері мен пайдалану мақсаттары туралы толық, анық және уақтылы ақпарат алуға құқылы».

Талқылау

«Себепсіз жұмыста болмау» ұғымын қашықтан жұмысқа бейімдеу мәселесі.

Қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолданудағы негізгі мәселе- еңбек құқығында «Себепсіз жұмыста болмау» ұғымының дәстүрлі офистік модельге негізделгендігі және оның қашықтан жұмыс жағдайына нақты бейімделмеуі. Еңбек кодексінің 52- бабы 1- тармағының 8) тармақшасы «Себепсіз жұмыста болмау» ұғымын бір жұмыс күні ішінде дәлелді себептерсіз жұмыста үш және одан көп сағат бойы болмау деп айқындайды. Бұл норма еңбек құқығының классикалық моделінен- жұмыскердің кеңістіктік тұрғыдан анықталған жұмыс орнында физикалық тұрғыдан болуға міндетті болуынан туындайтын құқықтық түсінікті бекітеді. Еңбек кодексінің 138- бабы қашықтан жұмыс істеуді жұмыс берушінің, қабылдаушы тараптың және олардың объектілерінің тұрған жерінен тыс жерде еңбек процесін цифрлық технологияларды пайдалана отырып жүзеге асыру нысаны ретінде таниды, бірақ 52- баптағы «Себепсіз жұмыста болмау» ұғымы қашықтан жұмыспен үйлестіру механизмі заңда айқындалмаған.

Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2024 жылғы 28 қарашадағы № 1 «Соттардың еңбек дауларын шешу кезінде заңнаманы қолдануының кейбір мәселелері туралы» нормативтік қаулысының 20- тармағында себепсіз жұмыста болмауды «жұмыскердің бір жұмыс күні (жұмыс ауысымы) ішінде қатарынан үш және одан астам сағат бойы дәлелсіз себептермен жұмыста болмағаны, атап айтқанда ол еңбек міндеттеріне сәйкес өзіне тапсырылған жұмысты орындауға тиіс жұмыс орнынан тыс жерде болғаны» деп нақтылайды. Бұл түсіндірме классикалық кеңселік логикадан шығады: заң қолданушыдан жұмыскердің кеңістіктік тұрғыдан анықталған жұмыс орнында физикалық тұрғыдан «бар- жоғын» белгілеу талап етіледі. Алайда қашықтан жұмыс істейтін жұмыскердің жұмыс орны, Еңбек кодексінің 138- бабында, не мүлдем жоқ, не оның тұрғын үйімен сәйкес келеді. А.Д.

Абалонская (2025) дұрыс атап өткендей, қашықтан жұмыс жағдайында «жұмыс орны» жұмыскерді бағалаудың кеңістіктік нысанасынан, оның еңбек қызметінің нәтижесі қалыптасатын ұйымдастырушылық категорияға айналады. Яғни, Еңбек кодексінің 52- бабы 1- тармағының 8) тармақшасын және Жоғарғы Соттың 2024 жылғы 28 қарашадағы № 1 нормативтік қаулысының 20- тармағын қашықтан жұмыс істейтін жұмыскерге формальды түрде қолдану логикалық тұрғыдан мүмкін емес, өйткені «жұмыс орнында болмау» фактісін «жұмыс орны жоқ» жерде белгілеу мүмкін емес. М.В. Чудиновских және О.А. Кожевников (2020) бұл тұжырымды нақтылай отырып көрсетеді: қашықтан жұмыс жағдайында себепсіз жұмыста болмау құрамының объективтік жағы өзгереді- физикалық қатыспаудан еңбек функциясын орындамауға ауысады, ал бұл өзгеріс заңнамалық деңгейде бекітілмесе, себепсіз жұмыста болмау туралы норма қашықтан жұмыс істейтін жұмыскерге қатысты қолданылмайды.

Бұл олқылық қазақстандық сот тәжірибесінде эмпирикалық тұрғыдан расталған. sudebnik.bestprofi.com алынған Алматы қаласы Бостандық аудандық сотының 2023 жылғы 24 шілдедегі № 7514-23-00-2/4842 азаматтық іс бойынша шешімі маңызға ие. Іс талапкер Ж. мен жауапкер Е. арасындағы еңбек дауы бойынша қаралған. Талапкер еңбек шартына сәйкес қашықтан жұмыс істеген, бірақ аптасына 1-2 рет филиалға баруға міндетті болған. Жұмыс беруші жұмыскердің бас офиске келмеуін Еңбек кодексінің 52- бабы 1- тармағының 8) тармақшасы бойынша себепсіз жұмыста болмау деп бағалап, еңбек шартын бұзған. Сот талапкердің еңбек функциясын филиалда нақты орындағанын анықтап, жұмыс берушінің әрекеттерін заңсыз деп таныды. Бұл шешім бірнеше принциптік қорытынды жасауға мүмкіндік береді. Біріншіден, сот «жұмыс орны» ұғымын дәстүрлі түрде жұмыс берушінің бас офисімен теңестіруден бас тартты, бұл Еңбек кодексінің 138- бабының қашықтан жұмыс істейтін еңбектің құқықтық табиғаты- еңбек процесін кеңістіктен ажыратуға сәйкес келеді. Екіншіден, себепсіз жұмыста болмауды дәлелдеу үшін жұмыс беруші жұмыскердің еңбек функциясын нақты орындамағанын дәлелдеуі тиіс- тек физикалық қатыспау фактісі себепсіз жұмыста болмау құрамын қалыптастыруға жеткіліксіз. Үшіншіден, шешім Еңбек кодексінің 52- бабы 1- тармағының 8) тармақшасын және Жоғарғы Соттың 2024 жылғы 28 қарашадағы №1 нормативтік қаулысының 20- тармағын себепсіз жұмыста болмаудың функционалдық критерийлерімен толықтыру қажеттігін негіздейді.

Бұл сот шешімі көрші мемлекеттің сот тәжірибесінде де орын алған. Ресей Федерациясының Санкт- Петербург қалалық сотының 2024 жылғы 17 қаңтардағы № 33-3119/2024 ісі бойынша апелляциялық сот шешімінде қашықтан жұмыс істейтін бухгалтерді себепсіз жұмыста болмау үшін жұмыстан шығару заңсыз деп танылды: сот қашықтан жұмыс істейтін жұмыскер үшін кеңістіктің белгілі бір нүктесінде физикалық тұрғыдан болуы емес, еңбек қызметінің нәтижесі айқындаушы болып табылады деп шешті (Санкт-Петербург қалалық соты, 2024). А.Д. Абалонская (2025) бұл тәжірибеге сүйене отырып, қашықтан жұмыс жағдайында «себепсіз жұмыста болмаудың классикалық кеңістіктік критерийі дәлелдеме мәнін жоғалтады» және оны функционалдық критериймен- еңбек функциясын орындамаумен- алмастыру қажет деп негіздейді.

Себепсіз жұмыста болмауды мерзімі бойынша есептеу мәселесі қашықтан жұмыс жағдайында айрықша күрделі сипатқа ие. Еңбек кодексінің 52-бабы 1-тармағының 8) тармақшасы себепсіз жұмыста болмауды «бір жұмыс күні ішінде үш және одан көп сағат» деп өлшейді. Дәстүрлі офистік ортада бұл уақыт аралығы тіркелу журналдары немесе кіру-шығу жүйелері арқылы дәл өлшенеді. Қашықтан жұмыс жағдайында, керісінше, жұмыскердің «жұмыс істемеген» уақытын дәл өлшеу мүмкін емес: ол корпоративтік жүйеге

қосылмаса да, есепті дайындап жатуы мүмкін; ол жүйеде «онлайн» статусында болса да, нақты тапсырмаларды орындамауы мүмкін. А.Д. Абалонская (2025) бұл проблеманы талдай отырып, қашықтан жұмыс жағдайында себепсіз жұмыста болмауды уақытпен өлшеудің жарамсыздығын көрсетеді: жұмыс уақыты қашықтан жұмыс жағдайында «процесс» емес, «нәтиже» категориясымен өлшенуі тиіс. Бұл ұстаным Еңбек кодексінің 138- бабының 5-тармағында көзделген «жұмыс көлемі бойынша» есепке алу мүмкіндігімен үйлеседі, ол қашықтан еңбекке табиғи түрде қолданылады. Демек, қашықтан жұмыс істейтін себепсіз жұмыста болмау ұғымы уақыт критерийін емес, нәтиже критерийін негізге алуы тиіс: жұмыскер еңбек шартында бекітілген тапсырмаларды белгіленген мерзімде орындамаған кезде себепсіз жұмыста болмау құрамы қалыптасады, ал нақты қанша сағат бойы «жұмыс істемегені» дербес мағынаға ие болмайды.

Қашықтан жұмыс жағдайында жұмыс уақытының режимінің себепсіз жұмыста болмауды анықтауда туындайтын негізгі құқықтық қайшылықтар төмендегі кестеде 1- де жүйеленген:

Кесте 1.

Қашықтан жұмыс режимдері мен себепсіз жұмыста болмауды анықтаудағы құқықтық қайшылықтар.

Жұмыс уақытының режимі	Себепсіз жұмыста болмаудың өлшемі	Нақты қайшылық
Қашықтан «жұмыс уақытының тіркелген есебі»	3 сағаттан артық жүйеде жоқ, қоңырауға жауап бермеді, онлайн статус жоқ → жұмыс беруші «жұмыста болмау» деп бағалай алады.	Жұмыскер 3 сағат жүйеде жоқ, бірақ офлайн режимде (Word-та, басқа базада) жұмыс істеп отыруы мүмкін. Уақыт бойынша- «жоқ», нәтиже бойынша- «жұмыс істеді». Бұл жерде «жұмыста болмау» тек онлайн- статус па, әлде функцияны орындамау ма?
Қашықтан икемді жұмыс уақыты	«3 сағат бойы жұмыста болмады» дегенді сағатпен өлшеу қиын, өйткені нақты «міндетті болу» уақыты жоқ.	Себепсіз жұмыста болмау «бір жұмыс күні ішінде 3 сағат болмау» дейді, ал икемді режимде жұмыс уақыты бөлшектеніп, ыңғайлы уақытта орындалады. Нақты сұрақ: қай 3 сағатты «жұмыс уақыты» деп санап, одан «себепсіз жоқ болуын» өлшейміз?
Қашықтан жұмыс уақытын «жұмыс көлемінің орындалуы» арқылы есепке алу	Уақыт өлшенбейді, тек «тапсырма орындалды/ орындалмады» деген критерий бар.	Себепсіз жұмыста болмау нормасы (3 сағат жоқ болды) техникалық тұрғыдан қолданылмай қалады, себебі нақты қай 3 сағатты санаймыз? Мұнда жалғыз логика- жұмыс уақыты «нәтиже»

		категориясымен өлшенуі тиіс.
--	--	------------------------------

Ескерту: Автордың зерттеуі негізінде құрастырылды.

Қашықтан жұмыс істейтін себепсіз жұмыста болмау ұғымын құқықтық нақтылау тек жеке нормаларды жетілдіру міндеті емес, Қазақстан Республикасының Конституциясының 14, 18 және 24- баптарында бекітілген базалық кепілдіктерді цифрлық еңбек ортасында сақтаудың жүйелік шарты болып табылады. Жүргізілген талдау қашықтан жұмыс жағдайында себепсіз жұмыста болмау ұғымын бейімдеудің көп қырлы талаптар жиынтығын құрайтынын көрсетеді. Заңнамалық деңгейде Еңбек кодексінің 52- бабы 1- тармағының 8) тармақшасын қашықтан жұмыс істейтін себепсіз жұмыста болмаудың арнайы ұғымымен толықтыру қажет: бұл ұғым функционалдық критерийге сүйеніп, еңбек шартында айқындалған еңбек функциясын дәлелді себептерсіз жүйелі түрде орындамауды себепсіз жұмыста болмау құрамының негізі ретінде белгілеуі тиіс. Сот қолдану деңгейінде Жоғарғы Соттың 2024 жылғы 28 қарашадағы №1 нормативтік қаулысының 20- тармағын қашықтан жұмыс істейтін жұмыскерлерге қатысты түсіндірмемен толықтыру қажет, ол соттарға бірыңғай практика қалыптастыруға мүмкіндік береді. Бостандық аудандық сотының № 7514-23-00-2/4842 ісі бойынша шешімі бұл бағыттың ең басынан- ақ дұрыс екенін эмпирикалық тұрғыдан растайды: «жұмыс орны» ұғымын кеңістіктік емес, функционалдық тұрғыдан түсіндіру қашықтан жұмыс істейтін жұмыскердің еңбек құқықтарын тиімді қорғаудың жалғыз заңнамалық жолы болып табылады. Демек, Еңбек кодексін қашықтан жұмыс істейтін себепсіз жұмыста болмау нормасымен толықтыру және Жоғарғы Сот тәжірибесін бірыңғайландыру цифрлық экономиканың еңбек құқығына қоятын талаптарын орындаудың алғышарты болып табылады. Ұсынылып отырған шешім- Еңбек кодексінің 52- бабына «қашықтан жұмыс жағдайындағы себепсіз жұмыста болмаудың» арнайы ұғымын енгізу, ол екі заңды фактіге байланысты болады: еңбек функциясын жүйелі түрде орындамау және Еңбек кодексінің 138- бабы тәртібімен еңбек шартында белгіленген қол жетімділік режимін бұзу. Мұндай тәсіл Закалюжнаяның (2015) еңбек тәртібін функционалдық тұрғыдан түсіну туралы ұстанымына және А.Д. Абалонскаяның (2025) еңбек нәтижесінің еңбекті ұйымдастыру нысанынан басымдығы туралы тұжырымдарына сәйкес келеді. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2024 жылғы 28 қарашадағы №1 нормативтік қаулысының 20- тармағын қатар толықтыру құқық қолдану практикасының бірыңғайлығын қамтамасыз етеді.

Цифрлық бақылау мен жеке өмірге қол сұқпаушылық арасындағы тепе-теңдік.

Қашықтан жұмыста тәртіптік жауапкершілікті қолданудың тағы бір күрделі мәселесі- жұмыскердің жеке өмірі мен дербес деректерін қорғау мен жұмыс берушінің еңбек міндеттерінің орындалуын бақылау құқығы арасындағы тепе- теңдік. Қазақстан Республикасының Конституциясының 18- бабында әркімнің жеке өміріне қол сұғылмауына құқығы бекітілген, ал Еңбек кодексінің 22- бабының 1- тармағының 24) тармақшасында жұмыскердің «жұмыс берушіде сақталатын дербес деректерін қорғауды қамтамасыз ету» құқығына кепілдік беріледі.

Қашықтан жұмыс режимінде жұмыскердің еңбегі жұмыс берушінің тікелей қадағалауынан тыс орындалады. Бұл жағдай жұмыс берушіні басқарушылық билігін жүзеге асырудың жаңа- цифрлық- құралдарын қолдануға ынталандырады: экранды жазып алу

бағдарламалары, пернетақтадағы әрекеттерді тіркейтін кейлоггерлер, веб- камера арқылы үздіксіз бақылау, географиялық орналасуды анықтау, биометриялық қол қою және жасанды интеллектке негізделген өнімділік талдау жүйелері. Осы құралдардың әрқайсысы жұмыс берушінің еңбек заңнамасында бекітілген жұмыскерді басқару құқығын (Еңбек кодексінің 23-бабының 1- тармағының 5) тармақшасы) іс жүзінде кеңейтеді, бірақ сонымен бір мезгілде Қазақстан Республикасының Конституциясының 18- бабының 1- тармағында кепілдік берілген жеке өмірге қол сұқпаушылық құқығына, 18- бабының 2- тармағында бекітілген жеке салымдар мен жинақтардың, хат жазысудың, телефон арқылы сөйлесудің, пошталық, телеграфтық және өзге де хабарламалардың құпиясына, сондай- ақ 39- баптың 1- тармағында көзделген конституциялық құқықтарды шектеу режиміне тікелей қатер төндіреді. Осыдан жұмыс беруші мен жұмыскер мүдделерінің қазіргі еңбек құқығының өзекті теориялық және қолданбалы мәселелерінің біріне айналған тепе-теңдік проблемасы туындайды. Бұл мәселенің өзектілігі цифрлық технологиялардың таралуы мен Еңбек кодексінің 138- бабын реттеудің фрагменттік сипаты жұмыскердің құқықтары мен жұмыс берушінің мүддесі арасындағы құқықтық тепе- теңдікті бұзу қаупін тудырады.

Бұл қарама- қайшылықтың құқықтық мәнін түсіну үшін жұмыс берушінің бақылау құқығы абсолютті емес екенін атап өту қажет. Еңбек кодексінің 22- бабының 1- тармағының 24) тармақшасына сәйкес, жұмыскер «жұмыс берушіде сақталатын дербес деректерді қорғауды қамтамасыз етуге» құқылы. Ал Еңбек кодексінің 23- бабының 2- тармағының 24) тармақшасы жұмыс берушіге Қазақстан Республикасының дербес деректер және оларды қорғау туралы заңнамасына сәйкес жұмыскердің дербес деректерін жинау, өңдеу және қорғау міндетін жүктейді. Бұл норма «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» 2013 жылғы заңмен өзара тығыз байланысты. Еңбек кодексі жұмыс беруші жұмыскердің дербес деректерін тек еңбек қатынастарын реттеу шеңберінде ғана өңдеуге құқылы екендігі бекітілген. Бұл нормалардың жиынтығы императивтік сипатқа ие: жұмыс беруші бақылау жүргізуді ұйымдастыру кезінде осы шектеулерді сақтауға міндетті. Алайда осы екі норма цифрлық мониторингке қатысты *lex specialis* функциясын атқара алмайды, өйткені олар деректерді қорғаудың жалпы режимін белгілейді, ал бақылау құралдарын шектемеген, биометриялық немесе эмоционалдық күй талдауға қатысты арнайы режим белгілемеген, сондай- ақ жұмыскерді осындай құралдар туралы хабардар ету міндетін бекітпеген.

Алайда қашықтан жұмысты тікелей реттейтін Еңбек кодексінің 138- бабының өзіне нақты талдау жүргізген кезде бұл императивтік кепілдіктердің цифрлық бақылау контекстінде толық емес түрде көрсетілгені айқын болады. 138- баптың 5- тармағының 1- абзацында мынадай норма бекітілген: «қашықтан жұмысқа қатысты жұмыскерлер үшін күн сайынғы жұмыс уақытының ұзақтығы шектеулерін сақтай отырып, белгіленген жұмыс уақытын есепке алу белгіленеді, оны бақылаудың ерекшеліктері еңбек шартында немесе жұмыс берушінің актісінде айқындалады». Осы редакция жұмыс берушіге бақылау құралдарын, оның көлемі мен әдістерін біржақты тәртіппен айқындау құқығын беретін диспозитивтік норма болып табылады. Заң шығарушы бұл бапта жасырын мониторингке тыйым салмаған, бақылау құралдарының өзін шектемеген, биометриялық немесе эмоционалдық күй талдауға қатысты арнайы режим белгілемеген. Демек, *lex lata* (қолданыстағы заң) деңгейінде жұмыс берушінің мониторинг бойынша дискрециясы тек жалпы конституциялық және азаматтық- құқықтық кепілдіктермен ғана шектеледі, бірақ еңбек заңнамасында арнайы шектеулермен қамтамасыз етілмеген. Бұл құрылымдық олқылық жұмыскерді әлсіз тарап ретінде қорғау қағидатына- еңбек құқығының іргелі қағидаттарының біріне- қайшы келеді, өйткені диспозитивтік норма іс жүзінде еңбек қатынастарының экономикалық тұрғыдан күштірек

тарабына (жұмыс берушіге) бақылау режимін біржақты белгілеу мүмкіндігін береді.

Қашықтан жұмыс уақытын есепке алу мәселесі бойынша 138- баптың 5- тармағының 5- абзацы ерекше маңызды: «қашықтан жұмыс кезінде, жұмыстың орындалуы жұмыс берушімен, қабылдаушы тараппен нақты уақытпен тіркеле алмаған кезде, жұмыс уақытын есепке алу құжатында жұмыс уақыты еңбек шартында, жұмыс берушінің актісінде белгіленген жұмыс көлемін орындау ретінде белгіленеді». Бұл норма Еңбек кодексінің 79- бабының 4- тармағымен жүйелі түрде өзара байланысты, ол да жұмыс уақыты нақты тіркеле алмайтын жағдайда нәтижеге негізделген есепке алу әдісін көздейді. Marica (Marica, 2023) ажыратылу құқығы мен қашықтан жұмыс жағдайында жұмыскердің құқықтарын талдай отырып, нәтижеге бағдарланған еңбек уақытын есепке алу әдісін цифрлық қадағалаудың интрузивтік сипатын азайтудың негізгі құқықтық механизмі ретінде ұсынады және цифрлық бақылауды реттеудің іргелі қағидаттарын тұжырымдайды: ашықтық, жұмыскердің хабардар болуы және жұмыс беруші мен жұмыскер мүдделерінің мөлшерлестігі. Алайда Еңбек кодексіне нәтижеге бағдарлану диспозитивті сипатқа ие- ол тек уақытты нақты тіркеу мүмкін болмаған жағдайда қолданылады, әрі жұмыс беруші мен жұмыскердің таңдауына қалдырылмай, фактілік жағдайға байланысты болады. Бұл тәсіл императивтік басымдық деңгейіне көтерілмеген, нәтижесінде жұмыс беруші техникалық тұрғыдан мониторинг арқылы уақытты тіркей алатын жағдайда нәтижеге негізделген есепке алу режимін таңдамай, үздіксіз бақылау режимін қолдануға толық құқығын сақтайды.

Цифрлық бақылау құралдарының арнайы санаттары, әсіресе жасанды интеллект негізіндегі мониторинг жүйелері, қазіргі Еңбек кодексіне мүлдем реттелмеген. Sierocka (Sierocka, 2024) Еуропалық Одақтың 2024 жылғы Жасанды интеллект туралы регламентін (AI Act) талдай отырып, жұмыс орнындағы AI- мониторинг жүйелерін «жоғары тәуекелді» санатқа жатқызу қажеттігін негіздейді және эмоционалдық күйді талдау, биометриялық сәйкестендіру арқылы үздіксіз қадағалау, өнімділікті алгоритмдік бағалау сияқты практикаларға тікелей тыйым салуды немесе аса қатаң шектеу режимін енгізуді ұсынады. Осы тәсіл бойынша мониторинг құралдары олардың интрузивтік дәрежесіне қарай үш деңгейге бөлінеді: жалпы рұқсат етілген (мысалы, кіру- шығу уақытын тіркеу), шартты рұқсат етілген (жұмыскердің ақпараттандырылған келісімі мен мақсаттың айқындығы талап етіледі) және тыйым салынған (адам қадір- қасиетін кемсіту әлеуеті бар жүйелер). Қазақстан заңнамасында мұндай саралау жоқ- Еңбек кодексінің 138- бабы кез келген цифрлық бақылау құралын - қарапайым жұмыс уақытын есепке алу жүйесінен бастап, эмоция AI- ға дейін- бірдей құқықтық режимде, яғни «еңбек шартында немесе жұмыс берушінің актісінде» айқындалатын құрал ретінде қарастырады. Бұл саралаудың болмауы тепе- теңдікті жұмыс беруші пайдасына ауыстыратын құрылымдық олқылық болып табылады, өйткені ол жұмыскердің конституциялық құқықтарына әртүрлі дәрежеде қол сұғатын құралдарға бірдей құқықтық қорғаныс деңгейін орнатуды мүмкін емес етеді.

2026 жылғы 9 қаңтардағы Еңбек кодексінің 138- бапқа енгізілетін өзгерістер тек терминологиялық сипатқа ие: «ақпараттандыру нысандары», «байланыс қызметтері» сияқты ұғымдар «цифрлық технологиялар» жалпылама ұғымымен біріктіріледі. Жаңа Заң жұмыскердің дербес деректерін қосымша қорғауға, мониторинг шектерін айқындауға немесе ажыратылу құқығын күшейтуге бағытталған материалдық кепілдіктер енгізбейді. Демек, заң шығарушы цифрлық еңбек реттеудің реформасын негізінен заңнамалық тілді жаңарту шеңберінде жүзеге асырды, бірақ Sierocka (2024) ұсынатын жоғары тәуекелді AI- жүйелерге қойылатын талаптарға- ашықтыққа, адамзаттық қадағалауға, сенімділікке, дәлдікке және қауіпсіздікке, сондай-ақ Marica (2023) тұжырымдаған цифрлық бақылауды реттеудің іргелі

қағидаттарына- негізделген мазмұндық реформаны жүргізген жоқ. Осыған байланысты еңбек құқығының цифрлық трансформацияға бейімделу процесі әлі толық аяқталмаған, ал терминологиялық жаңарту материалдық кепілдіктерді күшейтудің орнын баса алмайды.

Жоғарыда жүргізілген талдау негізінде Еңбек кодексінің 22- бабының 1- тармағын жаңа 26) тармақшамен толықтыруды ұсынамыз: *«26) жұмыс беруші пайдаланатын цифрлық бақылау құралдарының (оның ішінде еңбек қызметін уақыт бойынша тіркеу жүйелерінің, экран мониторингі бағдарламаларының, өнімділікті өлшеу құралдарының, аудио-, бейнебақылау құрылғыларының, биометриялық сәйкестендіру жүйелерінің, корпоративтік байланыс арналарын талдайтын бағдарламалардың) барлық түрлері, олардың жұмыс істеу принциптері, жиналатын деректер санаттары, осы деректерді сақтау мерзімдері мен пайдалану мақсаттары туралы толық, анық және уақтылы ақпарат алуға құқылы».*

Бұл ұсыныс үш құрылымдық дәйектен тұрады. Біріншіден, ол ҚР Конституциясының 18- бабында бекітілген жеке өмірге қол сұқпаушылық құқығын еңбек қатынастары контекстінде нақтылайды. Екіншіден, ол ҚР «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңының жалпы нормаларын еңбек құқығының арнайы саласына бейімдейді: жалпы дербес деректерді қорғау нормалары жұмыс беруші мен жұмыскер арасындағы билік асимметриясын ескермейді, ал жұмыскер цифрлық бақылау құралдары туралы білуге заңды мүддеге ие тұлға ретінде арнайы құқықтық қорғауды қажет етеді. Үшіншіден, ол тәртіптік жауапкершілік институтының заңды жұмыс істеуін қамтамасыз етеді: жұмыс беруші тарапынан жұмыскерге қатысты тәртіптік жаза цифрлық бақылау нәтижелері негізінде қолданылған жағдайда, жұмыскер өзіне қатысты қандай құралдардың пайдаланылғанын білуге және оларға дау айтуға толық құқылы болады.

Қорытындылай келе, цифрлық бақылау мен жеке өмірге қол сұқпаушылық арасындағы тепе- теңдік мәселесі еңбек құқығының жүйелік олқылықтарының бірі болып табылады. Еңбек кодексінің 138- бабы цифрлық мониторингтің мәніне сәйкес арнайы режимді көздемейді, ал жалпы дербес деректерді қорғау нормалары (22- баптың 1- тармағының 24) тармақшасы және 23- баптың 2- тармағының 24) тармақшасы еңбек қатынастарының цифрлық трансформациясының ерекше қатерлерін толық қамтымайды. Ең басты олқылық- жұмыскердің өзіне қатысты қолданылатын цифрлық бақылау құралдары туралы ақпарат алу құқығының арнайы бекітілмеуі. Көрсетілген ұсыныстарды іске асыру еңбек заңнамасын Marica (2023) және Sierocka (2024) шығармаларында тұжырымдалған халықаралық еңбек құқығының заманауи стандарттарына жақындатуға және цифрлық дәуірде жұмыскердің конституциялық құқықтарының тиімді қорғалуын қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

Қорытынды

Қорытындылай келе, қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтын талдау еңбек құқығының дәстүрлі категориялары мен цифрлық трансформацияның арасындағы қайшылықты айқын көрсетті. Еңбек кодексінің қолданыстағы редакциясы қашықтан жұмыс институтын тануға және оны ұйымдастыруға қажетті базалық нормаларды қамтығанымен, тәртіптік жауапкершілік өлшемінде құқықтық анықтық пен болжамдылық деңгейі жеткіліксіз екені зерттеу барысында негізделді. Осы олқылықтарды жою үшін заңнамалық және құқық қолданушылық деңгейлерде кешенді шаралар қажет, олардың ішінде ең маңыздылары- қашықтан жұмысқа қатысты арнайы

дефиницияларды нақтылау, цифрлық бақылаудың шектерін заң деңгейінде белгілеу. Осындай тәсіл ғана жұмыскердің құқықтарын сақтай отырып, жұмыс берушінің еңбек тәртібін қамтамасыз ету мүддесін теңгерімдеуге және цифрлық экономика жағдайында әлеуметтік әріптестіктің жаңа үлгісін қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Зерттеу нәтижесінде Қазақстан Республикасындағы қашықтан жұмыс кезінде тәртіптік жауапкершілікті қолдану институтына қатысты мынадай жаңа қорытындылар тұжырымдалды:

Біріншіден, құқықтық ұғым деңгейінде қашықтан жұмыс жалпы еңбек режимдерінің бірі ретінде қарастырылғанымен, тәртіптік жауапкершіліктің нақты механизмдері әлі де «офлайн» модельге негізделген.

Екіншіден, қашықтан жұмыста тәртіптік теріс қылықтың негізгі өлшемшарты ретінде жұмыскердің цифрлық міндеттері мен онлайн- қолжетімділігіне негізделген, нәтижеге бағдарланған үлгі қалыптасуда. Осыған байланысты тәртіптік жауапкершілік институты «уақытқа негізделген» көзқарастан «цифрлық нәтиже мен мінез- құлыққа негізделген» көзқарасқа эволюциялық түрде өтуде, бұл эволюцияны заңнамалық деңгейде бекіту қажет.

Үшіншіден, цифрлық мониторинг пен жеке өмірге қол сұқпаушылық арасында жаңа құқықтық шекаралар қалыптастыруды талап етеді. Қазіргі таңда бұл шекаралар негізінен ұйымышilik регламенттер арқылы айқындалуда және ұлттық құқықта жүйелі түрде бекітілмеген, бұл қашықтан жұмыстағы тәртіптік даулардың тәуекелін күшейтеді.

Төртіншіден, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты деректерінің көрсетуі бойынша, 2021 жылы 6,7 мың, 2022 жылы 6,1 мың, 2023 жылы 5,3 мың еңбек дауы сотта қаралған. Жалпы еңбек дауларының жалпы санында сандық төмендеу үрдісі байқалғанымен, қашықтан жұмысқа байланысты шағымдар мен даулар жеке статистикалық санат ретінде көрсетілмейді. Бұл заңнаманы жетілдіру үшін дәлелді эмпирикалық база қалыптастыруға кедергі келтіреді және нормативтік реформаларды көбіне реактивті сипатта қалдырады. Сондай-ақ, Қазақстанда жалпы 9,2 млн жұмыспен қамтылған адамның 7 млн-ы жалдамалы жұмыскерлер екенін, ал қашықтан жұмыс істейтіндер саны 46,7 мың адамға жетіп, жыл сайын 18,6%-ға өсіп отырғанын ескерсек (Ұлттық статистика бюросы, 2025; Ranking.kz, 2025), қашықтан жұмыс даулары санының өсуі статистикалық сипатқа ие болуы- уақыт мәселесі ғана.

Осылайша, зерттеу нәтижелері қашықтан жұмыс жағдайында тәртіптік жауапкершілік институтының қазіргі күйін сипаттап қана қоймай, оның нормативтік және институционалдық трансформациясының негізгі бағыттарын айқындады.

Әдебиеттер тізімі

- Абалонская А.Д. (2025). Дистанционная работа в России: общая характеристика и основные проблемы правового регулирования. Epomen.Global, 36–42. <https://cyberleninka.ru/article/n/distsantsionnaya-rabota-v-rossii-obschaya-harakteristika-i-osnovnye-problemy-pravovogo-regulirovaniya/viewer>
- Алматы қаласының Бостандық аудандық соты. (2023, 24 шілде). Талапкер Б. Мен жауапкер Е-ге талап қоюы бойынша № 7514-23-00-2/4842 азаматтық іс жөніндегі шешімі, sudebnik.bestprofi.com, <https://sudebnik.bestprofi.com/app/document/view/52faf0a7-f5d2-477d-ad5b-2e533bf2eb96?document=e862a0c2-2b12-4ba9-8186-91415dc9bceb>

- Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 17 января 2024 г. по делу № 33-3119/2024 // СПС «Гарант».
https://www.garant.ru/files/9/6/1728569/apellyatsionnoe_opredelenie_sk_po_gragdanskim_delam_sankt_peterburgskogo_gorodskog.pdf?ysclid=malhx3l11v783057084
- Закалюжная, Н. В. (2015). Дистанционная работа и схожие правоотношения. Право. Журнал Высшей школы экономики, 2, 76–91. <https://cyberleninka.ru/article/n/dstantsionnaya-rabota-i-shozhie-pravootnosheniya>
- Кайшатаева А.К., Баязитова Р.Т. (2023). Towards the development of remote work in Kazakhstan: the effectiveness of legislative opportunities. Гумилев атындағы ЕҰУ хабаршысы. Құқық сериясы, 143(2), 135–148. <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-143-2-135-148>
- Курсова О.А. Реализация норм о дисциплинарной ответственности работника в условиях удаленной работы. Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. С. 166–170. <https://elib.utmn.ru/jspui/handle/ru-tsu/7077>
- Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты, 2024, Сот алқасы 2021–2023 жылдардағы еңбек даулары бойынша сот тәжірибесін қорытты. <https://sud.gov.kz/rus/news/vs-obobshchena-sudebnaya-praktika-po-trudovym-sporam>
- Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2024 жылғы 28 қарашадағы № 1 нормативтік қаулысы «Соттардың еңбек дауларын шешу кезінде заңнаманы қолдануының кейбір мәселелері туралы». <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P240000001S>
- Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі Ұлттық статистика бюросы, 2025, Еңбек нарығындағы жағдай (2024 жыл), <https://stat.gov.kz/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/publications/301781/>
- Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі, 2015 ж. 23 қараша. Adilet.zan.kz. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414>
- Қазақстан Республикасының Еңбек кодексіне қашықтан жұмыс істеудің құқықтық реттелуін жетілдіру мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы, 2021 ж. 1 шілде, Adilet.zan.kz. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2100000061>
- Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы, 2026 ж. 9 қаңтар, Adilet.zan.kz. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2600000256>
- Тұрлыханқызы Қ., Хамзина Ж.А., Бөрібаев Е.А. Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасында еңбек тәртібін сақтау және тәртіптік жауапкершілік тетіктері. Eurasian Scientific Journal of Law. 2025; 51-60. <https://esjl.turan-edu.kz/jour/article/view/359/96>
- Чудиновских М. В., Кожевников О. А. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2020. — Т. 11. — Вып. 3. — С. 563–583. DOI: 10.21638/spbu14.2020.303.// URL: <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/5417>
- Bayazitova, R., Kaishatayeva, A., & Vasilyev, A. (2023). Working from home, telework, equality and the right to privacy: A study in Kazakhstan. Social Sciences, 12(1), 42. <https://doi.org/10.3390/socsci12010042>
- FMC Group, 2026, How Many People Work Remotely? Global Statistics and Trends, <https://fmcgroup.com/how-many-people-work-remotely/>
- International Labour Organization, 2021: Working from home: From invisibility to decent work, https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_765806/lang--en/index.htm

- Marica E. The legal framework of on-call duty for teleworkers. *Juridical Tribune*. 2023. № 13(1) 5–21 66.
https://www.researchgate.net/publication/369892555_The_legal_framework_of_on_call_duty_for_teleworkers
- Ranking.kz., 2025, Численность удалённых работников в Казахстане выросла на 19%,
<https://ranking.kz/reviews/socium/chislennost-udalennyh-rabotnikov-v-kazahstane-vyroslo-na-19-odnako-eto-lish-0-5-ot-vseh-zanyatyh.html>
- Sierocka I. Control of Remote Workers by Means of Artificial Intelligence. *Bialystok Legal Studies (Białostockie Studia Prawnicze)*. 2024. № 29(2) 89–105 66.
<https://bsp.uwb.edu.pl/issue/download/58/40>
- Vena Solutions, 2026, Remote Work Statistics: The Future of Hybrid Work,
<https://www.venasolutions.com/blog/remote-work-statistics>
- WFH Research (Stanford University), 2026, The Evolution of Working from Home,
<https://wfhresearch.com/>

References

- Abalonskaya A. D. (2025). Remote work in Russia: General characteristics and main problems of legal regulation [Distsionnaya rabota v Rossii: obshchaya kharakteristika i osnovnye problemy pravovogo regulirovaniya]. *Epomen.Global*, 36–42.
<https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnaya-rabota-v-rossii-obshchaya-kharakteristika-i-osnovnye-problemy-pravovogo-regulirovaniya/viewer>
- Bayazitova, R., Kaishatayeva, A., & Vasilyev, A. (2023). Working from home, telework, equality and the right to privacy: A study in Kazakhstan. *Social Sciences*, 12(1), 42.
<https://doi.org/10.3390/socsci12010042>
- Bostandyk District Court of Almaty. (2023, July 24). *Decision in civil case No. 7514-23-00-2/4842 on the claim of plaintiff B. against defendant E.* sudebnik.bestprofi.com.
<https://sudebnik.bestprofi.com/app/document/view/52faf0a7-f5d2-477d-ad5b-2e533bf2eb96?document=e862a0c2-2b12-4ba9-8186-91415dc9bceb>
- Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2025). *Labour market situation (2024)* [Eńbek narıǵındaǵı jaǵdai].
<https://stat.gov.kz/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/publications/301781/>
- Chudinovskikh, M. V., & Kozhevnikov, O. A. (2020). Regulation of telework in Russia and abroad [Regulirovanie truda distantsionnykh rabotnikov v Rossii i za rubezhom]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 11(3), 563–583. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.303>
- FMC Group. (2026). *How many people work remotely? Global statistics and trends.*
<https://fmcgroup.com/how-many-people-work-remotely/>
- International Labour Organization. (2021). *Working from home: From invisibility to decent work.*
https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_765806/lang--en/index.htm
- Kaishatayeva, A. K., & Bayazitova, R. T. (2023). Legal regulation of remote work: Issues of labour discipline and employer control [Qashıqtan jumıs isteýdi quqıqtıq retteý: eńbek tártibi men jumıs berýshiniń baqylaý máseleleri]. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National*

- University. Law Series, 2(143), 135–148.
<https://bullaw.enu.kz/index.php/main/article/view/164>
- Kursova, O. A. (2021). Implementation of norms on disciplinary liability of employees under remote work conditions [Realizatsiya norm o distsiplinarnoy otvetstvennosti rabotnika v usloviyakh udalennoy raboty]. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 166–170. <https://elib.utmn.ru/jspui/handle/ru-tsu/7077>
- Labour Code of the Republic of Kazakhstan, No. 414-V of 23 November 2015 [Qazaqstan Respublikasınıń Eńbek kodeksi]. Adilet.zan.kz. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414>
- Law of the Republic of Kazakhstan of 1 July 2021 No. 61-VII "On Amendments and Additions to the Labour Code of the Republic of Kazakhstan on Issues of Improving the Legal Regulation of Remote Work" [Qazaqstan Respublikasınıń Eńbek kodeksine qashıqtan jumıs isteýdiń quqıqtıq rettelıyın jetildirý máseleleri bounsha ózgerister men tolıqtırýlar engizý týralı]. Adilet.zan.kz. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2100000061>
- Law of the Republic of Kazakhstan of 9 January 2026 No. 256-VIII "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan" [Qazaqstan Respublikasınıń kebir zańnamalıq aktilerine ózgerister men tolıqtırýlar engizý týralı]. Adilet.zan.kz. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2600000256>
- Marica, E. (2023). The legal framework of on-call duty for teleworkers. *Juridical Tribune*, 13(1), 5–21.
https://www.researchgate.net/publication/369892555_The_legal_framework_of_on_call_duty_for_teleworkers
- Normative Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan No. 1 of 28 November 2024 "On Certain Issues of the Application of Legislation by Courts in Resolving Labour Disputes" [Sottardıń eńbek daýların sheshý kezinde zańnamanı qoldanıınıń kebir máseleleri týralı]. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2400000015>
- Ranking.kz. (2025). *The number of remote workers in Kazakhstan increased by 19%* [Chislennost' udalyonnykh rabotnikov v Kazakhstane vyrosła na 19%].
<https://ranking.kz/reviews/socium/chislennost-udalyonnyh-rabotnikov-v-kazahstane-vyrosła-na-19-odnako-eto-lish-0-5-ot-vseh-zanyatyh.html>
- Saint Petersburg City Court, Civil Division. (2024, January 17). Appellate ruling in case No. 33-3119/2024. SPS Garant.
https://www.garant.ru/files/9/6/1728569/apellyatsionnoe_opredelenie_sk_po_gragdanskim_delam_sankt_peterburgskogo_gorodskog.pdf
- Sierocka, I. (2024). Control of remote workers by means of artificial intelligence. *Bialystok Legal Studies [Białostockie Studia Prawnicze]*, 29(2), 89–105.
<https://bsp.uwb.edu.pl/issue/download/58/40>
- Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (2024). *The judicial board has summarised case law on labour disputes for 2021–2023* [Sot alqası 2021–2023 jıldardağı eńbek daýları bounsha sot tájiribesin qorıttı]. <https://sud.gov.kz/rus/news/vs-obobshchena-sudebnaya-praktika-po-trudovym-sporam>
- Turlykhankyzy, K., Khamzina, Zh. A., & Boribayev, Ye. A. (2025). Mechanisms of labour discipline observance and disciplinary liability in the labour legislation of the Republic of Kazakhstan [Qazaqstan Respublikasınıń eńbek zańnamasında eńbek tártibin saқтаý jáne tártiptik jáýapkershilik tetikteri]. *Eurasian Scientific Journal of Law*, 3(12), 51–60.
<https://esjl.turan-edu.kz/jour/article/view/359/96>

- Vena Solutions. (2026). *Remote work statistics: The future of hybrid work*. <https://www.venasolutions.com/blog/remote-work-statistics>
- WFH Research, Stanford University. (2026). *The evolution of working from home*. <https://wfhresearch.com/>
- Zakalyuzhnaya, N. V. (2015). Remote work and similar legal relations [Distsionnaya rabota i shozhie pravootnosheniya]. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*, 2, 76–91. <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnaya-rabota-i-shozhie-pravootnosheniya>

IRSTI: 10.63.59

Analysis of the Institute of Disciplinary Liability under Remote Work Conditions in the Republic of Kazakhstan

Shynar Rysmendiyeva
SDU University, Kaskelen, Kazakhstan
email: shynarrysmendiyeva@gmail.com

Abstract

The article comprehensively examines the legal issues of applying the institution of disciplinary liability in the context of remote work in the Republic of Kazakhstan. The relevance of the study is determined by the fact that in 2024 the number of remote workers in Kazakhstan reached 46.7 thousand and continues to grow annually by 18.6%, as well as by the insufficient adaptation of labor legislation to this format. In this regard, the research question arises: to what extent is the labor legislation of the Republic of Kazakhstan adapted to the application of disciplinary liability norms in remote work conditions? The purpose of the study is to identify problematic aspects of applying the institution of disciplinary liability in remote work and to develop scientifically grounded recommendations for its improvement. The study employs formal-legal, comparative-legal, and doctrinal methods, as well as an analysis of statistical data and court decisions of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan for 2021- 2024. The findings substantiate the need to adapt the traditional concept of “absence from work without valid reason” to the remote work format, as well as the need to maintain a balance between the right to privacy and digital monitoring. The findings substantiate the need to introduce additions to Articles 52 and 22 of the Labour Code. The conclusions drawn may serve as a practical basis for improving labour legislation and unifying judicial practice.

Keywords: labor Code, remote work, disciplinary liability, digital monitoring, absence from work without valid reason.

МРПТИ: 10.63.59

Анализ института применения дисциплинарной ответственности в условиях дистанционной работы в Республике Казахстан

Шынар Рысмендиева

SDU University, Каскелен, Казахстан
email: shynarrysmendiyeva@gmail.com

Аннотация

В статье комплексно исследованы правовые проблемы применения института дисциплинарной ответственности в условиях дистанционной работы в Республике Казахстан. Актуальность исследования обусловлена тем, что в 2024 году число дистанционно работающих в Казахстане достигло 46,7 тыс. человек и ежегодно увеличивается на 18,6%, а также недостаточной адаптацией трудового законодательства к данному формату. В связи с этим возникает исследовательский вопрос: насколько трудовое законодательство Республики Казахстан адаптировано к применению норм дисциплинарной ответственности в условиях дистанционной работы? Цель исследования - выявление проблемных аспектов применения института дисциплинарной ответственности в условиях дистанционной работы и разработка научно обоснованных предложений по их совершенствованию. В исследовании использованы формально-правовой, сравнительно-правовой, доктринальный методы, а также анализ статистических данных и судебных решений Верховного Суда Республики Казахстан за 2021- 2024 годы. В результате исследования обоснована необходимость адаптации традиционного понимания категории «отсутствие на работе без уважительных причин» к формату дистанционной работы, а также необходимость соблюдения баланса между правом на неприкосновенность частной жизни и цифровым контролем. Результаты исследования обосновывают необходимость внесения дополнений в статьи 52 и 22 Трудового кодекса. Полученные выводы могут служить практической основой для совершенствования трудового законодательства и унификации судебной практики.

Ключевые слова: трудовой кодекс, дистанционная работа, дисциплинарная ответственность, цифровой контроль, отсутствие на работе без уважительных причин

Келіп түсті: 13 мамыр, 2026

DOI: <https://doi.org/10.47344/84mt9c19>

MPHTI: 10.27.41

Недействительность сделок, совершенных с пороком воли

Жэмила Келденбаева

Помощник нотариуса, Туркестан, Казахстан

email: 251401001@sdu.edu.kz

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию института недействительности сделок, совершённых с пороком воли, — одному из наиболее практически значимых и вместе с тем недостаточно разработанных направлений гражданского права Казахстана. В работе анализируются основные виды пороков воли, предусмотренные пунктом 9 статьи 159 Гражданского кодекса Республики Казахстан: обман, насилие, угроза и кабальные условия. Особое место занимает исследование проблемы признания сделки недействительной в связи с правомерной угрозой — то есть угрозой совершить действия, которые сами по себе не являются незаконными. Именно этот вопрос остаётся наименее изученным как в казахстанской правовой доктрине, так и в судебной практике. На основе анализа норм действующего законодательства, доктринальных источников и материалов судебной практики в статье предлагаются критерии разграничения допустимого переговорного давления и недобросовестной угрозы. Сформулированы конкретные рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования и правоприменительной практики в данной сфере. Результаты исследования имеют практическую ценность для юристов, судей и участников гражданского оборота.

Ключевые слова: недействительность сделок; порок воли; угроза; правомерная угроза; кабальная сделка; оспоримые сделки.

Введение

Гражданский оборот строится на сделках. Каждый день миллионы людей подписывают договоры, принимают на себя обязательства, передают имущество — и все это с опорой на то, что их решения являются свободными и осознанными. Свобода воли — это не просто декларативный принцип: это один из фундаментальных начал частного права, закрепленный в пункте 2 статьи 2 Гражданского кодекса Республики Казахстан (ГК РК, 1994). Согласно ему граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Автономия воли является не только конститутивным признаком сделки как волевого акта, но и непременным условием её действительности.

Вместе с тем в реальной жизни эта свобода нередко нарушается. Человека могут обмануть, запугать, применить к нему физическое или психологическое давление, воспользоваться его беспомощным положением. Во всех этих случаях говорят о сделке с пороком воли — то есть о сделке, при совершении которой воля лица была деформирована внешним воздействием. Закон в таких ситуациях предоставляет пострадавшему право оспорить сделку в суде и добиться её признания недействительной. Тем самым правопорядок стремится восстановить справедливое положение дел, нарушенное вследствие

недобросовестных действий другой стороны.

Актуальность темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, в условиях динамичного развития рыночной экономики Казахстана число сделок, заключаемых в сфере предпринимательского оборота, постоянно растет. Вместе с этим растёт и число конфликтных ситуаций, в которых стороны прибегают к различным формам давления. Во-вторых, Казахстан последовательно интегрируется в международные экономические структуры – прежде всего в ЕАЭС – и стремится привести свое гражданское законодательство в соответствие с лучшими международными стандартами. В этом контексте анализ механизмов защиты автономии воли приобретает новую практическую значимость. В-третьих, казахстанская судебная практика по отдельным видам пороков воли – прежде всего по правомерной угрозе – по-прежнему не сложилась, что порождает правовую неопределённость как для участников оборота, так и для правоприменителей.

Рост числа корпоративных конфликтов, усиление конкурентного давления в бизнесе, сложные переговорные ситуации – все это создает почву для давления на участников сделок. При этом далеко не всегда такое давление принимает явно незаконные формы. Всё чаще встречаются ситуации, когда одна сторона угрожает другой совершить вполне законные действия – например, обратиться в суд, сообщить о нарушениях в контролирующие органы или использовать иные правовые инструменты, – но делает это исключительно с целью вынудить контрагента подписать невыгодный договор.

Именно в этом заключается один из центральных исследовательских вопросов настоящей статьи: может ли правомерная угроза – то есть угроза совершить действия, не запрещённые законом, – служить основанием для признания сделки недействительной? Этот вопрос остаётся открытым как в казахстанской правовой доктрине, так и в судебной практике. Как констатирует Сулейменов (2024), в Казахстане фактически отсутствуют как специальные научные исследования, так и сколько-нибудь значимая судебная практика по данной проблеме.

Второй исследовательский вопрос – более широкий: каковы общие правовые основания и условия признания сделок с пороком воли недействительными по казахстанскому праву, и насколько действующее регулирование отвечает современным вызовам?

Гипотеза исследования состоит в следующем: правомерная угроза при определённых условиях должна признаваться основанием недействительности сделки, поскольку она, несмотря на внешнюю законность угрожаемых действий, нарушает автономию воли другой стороны так же, как и угроза незаконными действиями. Критерием для разграничения допустимого переговорного давления и недопустимой правомерной угрозы должен служить принцип добросовестности.

Цель статьи – системно проанализировать институт недействительности сделок с пороком воли, уделив особое внимание проблеме правомерной угрозы, и выработать практически применимые рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменения. В соответствии с этой целью статья построена следующим образом: после обзора литературы и описания методологии следуют основные результаты исследования, включающие анализ каждого вида порока воли и системный разбор проблемы правомерной угрозы, затем – раздел обсуждения и заключение с практическими рекомендациями.

Обзор литературы

Проблематика недействительности сделок с пороком воли имеет долгую историю в правовой науке. Тем не менее ряд ее аспектов по сей день остаётся дискуссионным и недостаточно освещённым – особенно применительно к казахстанскому праву. Изложение строится по принципу внутренней иерархии: от историко-теоретических и советских основ учения о сделке – через современную российскую доктрину – к казахстанской цивилистике как наиболее специфичной для темы статьи и далее к зарубежному сравнительно-правовому материалу. Такая последовательность позволяет наглядно показать тот пробел, на восполнение которого направлено настоящее исследование, – отсутствие системного анализа критериев правомерной угрозы применительно к казахстанскому праву.

Историческую основу понимания пороков воли заложила дореволюционная российская цивилистика: Г. Ф. Шершеневич (1995) рассматривал волеизъявление в традиции римского частного права как необходимое условие действительности сделки. В советской правовой науке данная тема получила глубокое доктринальное осмысление. И. Б. Новицкий (1954) разработал основополагающее учение о сделке, в котором воля и волеизъявление рассматриваются как взаимосвязанные, но самостоятельные категории. О. С. Иоффе (1967) развил это учение, показав, что пороки воли представляют собой самостоятельный класс оснований недействительности, принципиально отличающийся от иных дефектов сделок. Красавчиков (1985) систематизировал данные идеи в рамках общего учения о гражданско-правовых отношениях. Классическое исследование Рабиновича (1960) остается единственной в советской цивилистике монографией, специально посвященной последствиям недействительности сделок. Современный взгляд на проблему представлен в работе Скловского (2015), который показывает, что при оценке пороков воли необходимо учитывать не только субъективную составляющую, но и объективный контекст ситуации.

Применительно к казахстанской цивилистике доктринальную основу понимания недействительности сделок заложили работы Ю. Г. Басина (1998) и А. Г. Диденко (2006). Басин (1998) разработал общую концепцию сделки как волевого акта и обосновал, что действительность сделки предполагает не просто наличие волеизъявления, но и его соответствие подлинной, свободно сложившейся воле лица. Диденко (2006) системно проанализировал недействительность сделок в контексте общей части казахстанского гражданского права, разграничив ничтожные и оспоримые сделки и выявив критерии квалификации тех или иных пороков.

Наиболее полное исследование данной темы применительно к действующему казахстанскому праву представлено в работе Сулейменова (2024). Автор последовательно разбирает каждый вид порока воли, предусмотренный пунктом 9 статьи 159 ГК РК, и прямо констатирует, что в казахстанской правовой науке отсутствуют специальные исследования по вопросу признания сделок недействительными при угрозе совершить правомерные действия, а судебная практика по данному вопросу фактически не сложилась. Тем самым ученый фиксирует существенный пробел в доктрине и практике. Фундаментальную основу для понимания природы пороков воли создают постатейные комментарии Сулейменова (2007, 2022) к Гражданскому кодексу РК.

Проблема правомерной угрозы наиболее детально рассмотрена в российской доктрине. Карапетов (2016) представил развернутый политико-правовой анализ и пришел к выводу, что наиболее сбалансированным критерием является принцип добросовестности: правомерная угроза должна влечь недействительность сделки лишь тогда, когда её использование в конкретных обстоятельствах признаётся недобросовестным. Довбыш и Надворная (2024) акцентируют внимание на правоприменительных трудностях, указывая,

что высокий стандарт доказывания и отсутствие чекх-критериев оценки существенно затрудняют защиту прав пострадавших.

Важным практическим источником служит Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 162 (2013), в пункте 14 которого разъяснено, что угроза совершить правомерные действия может стать основанием для признания сделки недействительной при соблюдении определённых условий. Это разъяснение стало важным ориентиром для судебной практики России.

В сравнительно-правовом отношении принципиальное значение имеют Модельные правила европейского частного права – DCFR (von Bar & Clive, 2009), в которых признаётся, что угроза правомерными действиями при определённых условиях является основанием оспаривания сделки. Схожий подход закреплён в Принципах УНИДРУА (UNIDROIT, 2016) и в Принципах европейского договорного права (Lando & Beale, 2000). Треител (Treitel, 2003) детально анализирует английское учение о duress – принуждении при заключении договора – и показывает, что правомерное давление при определённых условиях также может иметь юридические последствия. Историческую основу данной концепции освещает Циммерманн (Zimmermann, 1996) в контексте римской традиции. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский (2001) систематизировали общее учение о договоре, включая вопросы его недействительности, применительно к современному российскому праву. Общеметодологическую основу для такого сопоставления континентальной и общеправовой традиций создает классический труд К. Цвайгерта и Х. Кетца (2000), показывающих, что, несмотря на различия юридической техники, институты, защищающие автономию воли от недобросовестного давления, выполняют функционально сходную роль в разных правовых семьях.

Анализ перечисленных источников позволяет выявить следующий исследовательский пробел: несмотря на то что проблема правомерной угрозы поставлена в научной литературе, до сих пор отсутствует системный анализ конкретных критериев её разграничения с допустимым переговорным давлением применительно к казахстанскому праву. Настоящая работа призвана восполнить именно этот пробел.

Методология исследования

Исследование выполнено с применением комплекса методов, характерных для юридической науки.

Формально-юридический метод составил основу анализа нормативно-правовой базы. В рамках данного метода изучался текст пункта 9 статьи 159 ГК РК (1994) и смежных норм – статей 147, 157–162, 380 ГК РК, а также положений Уголовного кодекса РК (УК РК, 2014) и Гражданского процессуального кодекса РК (ГПК РК, 2015). Формально-юридический анализ позволил установить структуру правового регулирования и выявить имеющиеся пробелы.

Историко-правовой метод применялся при изучении генезиса института недействительности сделок с пороком воли – от классической романистики и дореволюционной российской цивилистики (Шершеневич, 1995) до советской правовой науки (Новицкий, 1954; Иоффе, 1967; Рабинович, 1960) и современного казахстанского права. Этот метод позволил выявить преемственность и трансформацию правовых подходов.

Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении подходов

казахстанского, российского и европейского права к регулированию сделок с пороком воли. Особое внимание уделялось разъяснениям Президиума ВАС РФ (2013), а также DCFR (von Bar & Clive, 2009), Принципам УНИДРУА (UNIDROIT, 2016) и Принципам европейского договорного права (Lando & Beale, 2000). Сравнительный анализ позволил выявить общие тенденции и определить направления совершенствования казахстанского регулирования.

Телеологический метод применялся при толковании нормы пункта 9 статьи 159 ГК РК (1994): понятие «угроза» анализировалось с учётом цели соответствующего правового регулирования – защиты автономии воли участников гражданского оборота. Именно телеологическое толкование позволяет обосновать применимость данной нормы к случаям правомерной угрозы (Сулейменов, 2024; Карапетов, 2016).

Метод моделирования применялся для демонстрации практической значимости проблемы правомерной угрозы: в разделе «Правомерная угроза: постановка проблемы» смоделированы типичные деловые ситуации (переговоры о продаже доли в бизнесе под угрозой обращения в налоговый орган; взыскание долга под угрозой обращения в суд), на примере которых показано, как формально законное действие может деформировать волю стороны сделки. Моделирование позволило перейти от абстрактного нормативного анализа к конкретной иллюстрации актуальности темы.

SWOT-анализ использовался для оценки действующего казахстанского регулирования угрозы как основания недействительности сделки (пункт 9 статьи 159 ГК РК) в сравнении с международным ориентиром – статьей 3.2.6 Принципов УНИДРУА (UNIDROIT, 2016). Данный метод позволил систематизировать сильные и слабые стороны действующей нормы, а также возможности и риски её дальнейшего развития (см. раздел «Результаты исследования», Таблица 3).

Сбор данных осуществлялся путём изучения нормативных правовых актов, доктринальных источников, материалов судебной практики, а также открытых юридических баз данных – Параграф, КонсультантПлюс и Закон.ру. Анализ носил качественный характер: систематизация нормативного материала, выявление противоречий и пробелов, сопоставление позиций различных авторов, формулирование выводов и рекомендаций.

Результаты исследования

Изложение результатов строится не как простое описание видов пороков воли, а как последовательный ответ на поставленные во введении исследовательские вопросы. Сначала раскрывается общее понятие сделки и значение свободы воли, затем последовательно анализируется каждый вид порока – обман, насилие, неправомерная угроза, кабальная сделка, – и, наконец, центральное место занимает разбор наименее изученной проблемы: может ли угроза правомерными действиями служить самостоятельным основанием недействительности сделки.

Понятие сделки и значение свободы воли

Согласно статье 147 ГК РК (1994), сделка – это действие граждан и юридических лиц, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Из этого определения следует, что сделка есть прежде всего волевой акт: за каждым договором стоит решение человека, принятое им осознанно и свободно. Это положение лежит в фундаменте всего учения о недействительности сделок, восходящего к классической романистике и подробно разработанного в трудах Шершеневича (1995),

Новицкого (1954) и Иоффе (1967).

Принцип автономии воли – один из краеугольных камней частного права. Он означает, что никто не может быть принуждён к совершению сделки против своей воли. Статья 380 ГК РК (1994) прямо закрепляет принцип свободы договора и запрет на понуждение к его заключению. Однако одного лишь внешнего согласия – подписи на договоре – недостаточно для признания сделки действительной. Как указывает Скловский (2015), волеизъявление имеет юридическую силу лишь постольку, поскольку оно адекватно внутренней воле: в противном случае сделка порождает лишь видимость правовой связи.

Порок воли – это ситуация, когда между внутренней волей человека и его внешним волеизъявлением существует разрыв, либо когда сама воля была сформирована под воздействием недопустимых внешних факторов (Сулейменов, 2022). В обоих случаях закон предоставляет пострадавшей стороне право оспорить сделку. Все сделки с пороком воли, предусмотренные пунктом 9 статьи 159 ГК РК (1994), являются оспоримыми: для признания их недействительными необходимо обратиться в суд с соответствующим иском, право на подачу которого принадлежит исключительно потерпевшей стороне. Данное обстоятельство принципиально отличает оспоримые сделки от ничтожных, которые не порождают правовых последствий вне зависимости от предъявления иска.

Сделки, совершённые под влиянием обмана

Обман как основание недействительности сделки предполагает умышленное введение другой стороны в заблуждение с целью побудить её к заключению сделки. Принципиальное отличие обмана от обычного заблуждения (пункт 8 статьи 159 ГК РК, 1994) – наличие умысла: обманывающая сторона сознательно создаёт у контрагента неверное представление об обстоятельствах, существенных для принятия решения (Сулейменов, 2007). При заблуждении неверное представление могло сложиться по вине самого заблуждающегося, по неосторожности другой стороны или в силу случайных обстоятельств; при обмане же за искажённым восприятием стоит чужой умысел – что и обуславливает качественно иную правовую оценку.

Обман может выражаться как в активных действиях – сообщении ложных сведений, – так и в бездействии: намеренном умолчании об обстоятельствах, которые другая сторона имела право знать. Предметом обмана могут быть характер сделки, её субъекты, предмет, цена или иные существенные условия. При этом обман должен быть существенным: незначительное преувеличение достоинств товара при продаже, как правило, не образует достаточного основания для оспаривания. Если обман приобретает уголовно значимый характер, виновный может быть привлечен к ответственности по статье 190 УК РК (2014). При этом отсутствие уголовного производства не лишает потерпевшего права на гражданско-правовую защиту.

Сделки, совершённые под влиянием насилия

Насилие при совершении сделки – это применение к участнику физического или психического воздействия с целью принудить его к заключению сделки. Физическое насилие включает любые формы причинения физических страданий: побои, истязания, лишение свободы. Психическое насилие выражается в причинении душевных страданий – например, путём физического воздействия на близких жертвы (Сулейменов, 2007). По выражению Иоффе (1967), насилие представляет собой наиболее грубую форму воздействия на волю: пострадавший лишается всякой возможности свободного самоопределения, формально выражая согласие, которое является по существу вынужденным.

Насилие может исходить как непосредственно от другой стороны сделки, так и от

третьих лиц – при условии, что сторона сделки знала или должна была знать о применяемом насилии. Наличие уголовного дела не является обязательным условием для подачи гражданского иска: потерпевший может обратиться непосредственно в суд в порядке гражданского судопроизводства (ГПК РК, 2015). Уголовная ответственность за принуждение к совершению сделки предусмотрена статьёй 248 УК РК (2014). Совпадение субъектного состава гражданского и уголовного дела не является обязательным: гражданская недействительность сделки и уголовная ответственность виновного – самостоятельные правовые последствия, которые могут наступать независимо друг от друга.

Сделки, совершённые под влиянием угрозы

Угроза – это форма психического воздействия на человека, при которой ему или его близким обещают причинить вред в случае отказа от совершения сделки. В отличие от насилия, угроза воздействует на волю через страх: опасение лишиться жизни, свободы, здоровья, имущества или деловой репутации. В подавляющем большинстве случаев угроза является противоправной и влечёт уголовную ответственность – например, по статьям 115, 194, 248, 249 или 362 УК РК (2014).

Вместе с тем в законе отсутствует указание на то, что угроза непременно должна быть неправомерной. Пункт 9 статьи 159 ГК РК (1994) говорит просто об «угрозе» – без какого-либо ограничения по характеру угрожаемых действий. Как указывает Сулейменов (2024), это и открывает возможность для применения данной нормы к ситуациям правомерной угрозы. Согласно сложившимся в доктрине критериям, для признания сделки недействительной угроза должна быть: реальной (объективно осуществимой), существенной (её реализация причинила бы значительный ущерб), а также причинно обусловившей совершение сделки (Брагинский & Витрянский, 2001). При этом снизу представлены основные виды пороков воли для систематизации анализа:

Таблица 1

Основные виды пороков воли по п. 9 ст. 159 ГК РК (1994)

Вид порока воли	Характер воздействия	Форма выражения	Уголовная ответственность (УК РК, 2014)
Обман	Интеллектуальное (ложное представление)	Активные действия или умолчание	Ст. 190 (мошенничество)
Насилие	Физическое или психическое	Причинение страданий	Ст. 248 (принуждение к сделке)
Угроза (неправомерная)	Психическое запугивание незаконными действиями	Слова, письма, жесты	Ст. 194, 248, 249
Угроза (правомерная)	Психическое давление законными действиями	Обещание законных действий	Как правило, отсутствует

Кабальные условия	Использование тяжёлого положения стороны	Сделка на крайне невыгодных условиях	Ст. 248 (при наличии признаков)
-------------------	--	--------------------------------------	---------------------------------

Примечание. Составлено автором на основе ГК РК (1994), УК РК (2014), Сулейменов (2024).

Кабальная сделка

Кабальной признается сделка, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжёлых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, причём другая сторона этим воспользовалась. Для признания сделки кабальной необходимо одновременное наличие трех условий: стечение тяжёлых обстоятельств у пострадавшего (серьезная болезнь, потеря работы, срочная необходимость погасить долг); крайняя невыгодность условий сделки (явное несоответствие цены реальной стоимости имущества, существенный дисбаланс взаимных предоставлений); осознанное использование контрагентом этих обстоятельств (Сулейменов, 2022). При отсутствии хотя бы одного из указанных условий сделка кабальной признана быть не может.

Принципиальное отличие кабальной сделки от сделки, совершенной под угрозой, состоит в следующем: при кабальной сделке воля лица в целом совпадает с его волеизъявлением – оно понимает невыгодность условий и сознательно соглашается на них, однако делает это не свободно, а под давлением тяжёлых обстоятельств. Именно поэтому такая воля признается порочной. Согласно позиции Сулейменова (2024), кабальной может быть признана любая сделка – не только купля-продажа, но и аренда, займ, цессия и даже дарение. Концепция кабальной сделки соотносится с доктриной *unconscionability* в английском праве и *laesio enormis* в романской традиции (Zimmermann, 1996; Treitel, 2003), хотя и не совпадает с ними по содержанию, поскольку казахстанское право дополнительно требует осознанного использования чужих затруднений.

Правомерная угроза: постановка проблемы

Среди всех оснований недействительности сделок с пороком воли именно правомерная угроза вызывает наибольшее число вопросов. Применяя метод моделирования, рассмотрим несколько типичных ситуаций. Владелец бизнеса в ходе переговоров о продаже своей доли слышит: «Если вы не продадите долю по нашей цене, мы передадим в налоговую службу материалы о ваших нарушениях». Обращение в налоговый орган – законное право любого лица. Тем не менее продавец под давлением угрозы подписывает договор на невыгодных условиях. Другой пример: кредитор говорит должнику: «Заключи новый договор на моих условиях – или я подам в суд с требованием о взыскании долга и аресте имущества». Подача в суд – законное право кредитора (пункт 2 статьи 349 ГК РК, 1994). Но должник соглашается на невыгодный договор.

Сулейменов (2024) выделяет особо сложный случай: когда сторона, обладающая административным ресурсом или коррупционными связями, угрожает инициировать уголовное преследование контрагента как рычаг давления при переговорах о продаже бизнеса. Формально это может выглядеть как правомерная угроза обратиться в правоохранительные органы. Но по существу – это злоупотребление правом, которое автор называет «латентной неправомерной угрозой»: угроза лишь внешне выглядит правомерной, поскольку реальный умысел направлен на незаконное принуждение. Данный феномен наглядно демонстрирует, что граница между правомерной и неправомерной угрозой может

быть весьма тонкой и зависит от конкретного умысла угрожающего.

Во всех описанных ситуациях угрожающее лицо действует формально в рамках закона. Однако другая сторона лишается подлинной свободы выбора: она подписывает договор не потому, что хочет этого, а потому что боится последствий отказа. Это означает, что ее воля деформирована в той же мере, что и при неправомерной угрозе, – а значит, цель нормы о пороке воли требует предоставления ей правовой защиты.

Правовые основания для оспаривания сделки при правомерной угрозе

Ключевой аргумент в пользу возможности оспаривания сделки при правомерной угрозе – систематическое толкование пункта 9 статьи 159 ГК РК (1994). Данная норма не содержит указания на то, что угроза должна быть неправомерной. Если бы законодатель хотел ограничить данное основание только случаями неправомерной угрозы, он прямо указал бы на это. Кроме того, в той же норме рядом стоит «кабальная сделка»: условия кабального договора могут быть вполне законными, однако это не лишает пострадавшего права на оспаривание. По аналогии, законность угрожаемых действий сама по себе не должна служить препятствием для признания сделки недействительной.

Помимо буквального, важен и телеологический аргумент: цель нормы – защита автономии воли. Правовое значение имеет не столько характер угрожаемых действий, сколько то воздействие, которое угроза оказала на волю потерпевшего. Аналогичный подход закреплен в российской судебной практике: Президиум ВАС РФ (2013) в пункте 14 Информационного письма № 162 разъяснил, что угроза совершить правомерные действия является основанием для признания сделки недействительной, если она деформировала волю другой стороны и если угрожаемые действия не связаны напрямую с существом оспариваемого договора.

Принцип добросовестности, закрепленный в статье 8 ГК РК (1994), обязывает участников гражданского оборота действовать добросовестно и не допускать злоупотребления правом. Использование правомерных инструментов в целях, не соответствующих их назначению, – как раз и есть такое злоупотребление. Карапетов (2016) предлагает прямо закрепить этот критерий: правомерная угроза должна квалифицироваться как основание недействительности лишь тогда, когда ее использование в данных обстоятельствах являлось недобросовестным переговорным рычагом. Принципы УНИДРУА (UNIDROIT, 2016) в статье 3.2.6 и DCFR (von Bar & Clive, 2009) придерживаются схожей позиции, признавая, что угроза правомерными действиями может признаваться основанием оспаривания сделки при условии ее несправедливого характера с учётом конкретных обстоятельств.

Критерии оценки правомерной угрозы как основания недействительности

Таблица 2

Критерии оценки правомерной угрозы как основания недействительности сделки

Критерий	Содержание	Пример
1. Реальность угрозы (субъективный аспект)	Пострадавший воспринимал угрозу как осуществимую с учетом возможностей	Контрагент располагает административным ресурсом или связями в правоохранительных органах

	угрожающего (Сулейменов, 2024)	
2. Реальность угрозы (объективный аспект)	Угроза была объективно осуществимой исходя из фактических обстоятельств (Довбыш & Надворная, 2024)	Угрожающий действительно мог обратиться в суд или контролирующие органы
3. Несвязанность с существом сделки	Угрожаемые действия не вытекают из существа оспариваемого договора (Президиум ВАС РФ, 2013)	Угроза взыскать долг по одному договору как рычаг при заключении другого, не связанного с первым
4. Деформация воли	Без угрозы сделка не была бы заключена на этих условиях (Карапетов, 2016)	Стороны признают, что до угрозы переговоры зашли в тупик
5. Недобросовестность	Использование угрозы нарушает принципы добросовестности и честной деловой практики (von Bar & Clive, 2009)	Угроза уголовным преследованием как инструмент принудительного поглощения бизнеса

Примечание. Составлено автором на основе Сулейменов (2024), Карапетов (2016), Президиум ВАС РФ (2013), von Bar & Clive (2009).

SWOT-анализ действующего регулирования угрозы как основания недействительности сделки

Для оценки перспектив развития действующего регулирования целесообразно применить SWOT-анализ, сопоставив пункт 9 статьи 159 ГК РК (1994) с международным ориентиром – статьей 3.2.6 Принципов УНИДРУА (UNIDROIT, 2016), которая прямо описывает угрозу неправомерными, а в отдельных случаях и правомерными действиями как основание оспаривания договора. Такое сопоставление позволяет увидеть не только текущие сильные и слабые стороны казахстанской нормы, но и возможности, а также риски её дальнейшего развития (Таблица 3).

Таблица 3

SWOT-анализ п. 9 ст. 159 ГК РК в сравнении со ст. 3.2.6 Принципов УНИДРУА

Фактор	Содержание
Strengths (сильные стороны)	Формулировка п. 9 ст. 159 ГК РК не содержит ограничения по характеру угрожаемых действий, что – при системном и телеологическом толковании – уже сегодня позволяет подвести случаи правомерной

	угрозы под действующую норму без изменения текста закона.
Weaknesses (слабые стороны)	В отличие от ст. 3.2.6 Принципов УНИДРУА, в норме отсутствуют закрепленные критерии (реальность, несвязанность с существом сделки, недобросовестность), а официальные разъяснения и судебная практика по вопросу правомерной угрозы в Казахстане не сложились, что порождает правовую неопределённость.
Opportunities (возможности)	Сближение с УНИДРУА и DCFR через нормативное постановление Верховного суда РК открывает возможность закрепить четкие критерии без изменения текста ГК РК, что укрепит интеграцию казахстанского права в международные стандарты (включая контекст ЕАЭС).
Threats (риски)	Без своевременного закрепления критериев расширительное толкование понятия «правомерная угроза» может создать почву для злоупотреблений недобросовестными должниками и снизить предсказуемость гражданского оборота.

Примечание. Составлено автором на основе ГК РК (1994), UNIDROIT (2016).

Граница между допустимым давлением и недобросовестной угрозой

Признание правомерной угрозы основанием недействительности сделки порождает закономерный вопрос: где проходит граница между допустимым переговорным давлением и недопустимой угрозой? В деловой практике стороны нередко указывают на возможные правовые последствия своих действий – и это обычная, вполне законная тактика. Разграничение допустимого и недопустимого давления принципиально важно для устойчивости гражданского оборота: слишком широкое толкование понятия «правомерная угроза» создаст условия для злоупотреблений со стороны недобросовестных должников.

Анализ доктрины и судебной практики позволяет предложить следующий критерий разграничения. Переговорное давление является допустимым, когда угрожаемые действия прямо связаны с существом заключаемой или уже существующей сделки: например, кредитор предупреждает должника о том, что при неисполнении обязательства обратится в суд за взысканием. Напротив, угроза становится недопустимой, когда угрожаемые действия не имеют связи с заключаемой сделкой и направлены исключительно на то, чтобы вынудить другую сторону согласиться на невыгодные условия (Карапетов, 2016; Президиум ВАС РФ, 2013).

Особый случай, который выделяет Сулейменов (2024), – ситуация, когда сторона угрожает привлечь контрагента к ответственности за нарушение обязательств по уже существующему договору, если тот не заключит новый. Такая ситуация, по его мнению, не должна автоматически влечь недействительность нового договора, поскольку угрожаемые действия прямо связаны с существующими правоотношениями сторон. По существу, это переговорное предложение об обмене: отказ от права требовать ответственности в обмен на заключение нового договора – что соответствует принципу автономии воли (пункт 2 статьи 2 ГК РК, 1994) при условии обоснованности угрожаемых требований.

Дополнительным ориентиром служит сравнительный анализ: в английском праве доктрина *economic duress* (Treitel, 2003) разграничивает *legitimate commercial pressure* и *illegitimate pressure* именно по критерию добросовестности и обоснованности применяемых

средств. Принципы европейского договорного права (Lando & Beale, 2000) также исходят из того, что угроза правомерными действиями не является автоматически допустимой – решающую роль играет то, насколько такое поведение соответствует стандарту разумного участника оборота. Эти подходы свидетельствуют о конвергенции правовых систем в данной области и могут служить методологическим ориентиром для казахстанских судов при формировании соответствующей практики.

Доказывание по делам об оспаривании сделок, совершённых под влиянием угрозы

Практика показывает, что доказывание по делам данной категории является наиболее сложным аспектом применения института (Довбыш & Надворная, 2024). Согласно статье 72 ГПК РК (2015), каждая сторона обязана доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается. Это означает, что бремя доказывания угрозы и её влияния на волю лежит на истце.

Пострадавший должен доказать: факт угрозы; ее реальность как субъективную (угроза воспринималась как осуществимая), так и объективную (угрозу можно было реально осуществить); причинно-следственную связь между угрозой и заключением сделки; деформацию своей воли, то есть то, что без угрозы сделка не была бы заключена на данных условиях. В делах о правомерной угрозе к этому добавляется необходимость доказать несвязанность угрожаемых действий с существом сделки и недобросовестность угрожавшей стороны. Средствами доказывания могут служить переписка (электронная почта, мессенджеры), показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, а также косвенные доказательства – в частности, явная невыгодность условий сделки по сравнению с рыночными (Сулейменов, 2024).

При этом срок исковой давности составляет один год со дня прекращения угрозы либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для оспаривания (пункт 2 статьи 162 ГК РК, 1994). Данный срок является специальным, сокращённым по отношению к общему трёхлетнему сроку исковой давности, что объясняется стремлением законодателя к стабильности гражданского оборота.

Обсуждение

Проведённое исследование позволяет прийти к нескольким важным выводам, имеющим как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, институт недействительности сделок с пороком воли выполняет принципиальную защитную функцию в системе гражданского права. Он обеспечивает реализацию принципа автономии воли – одного из фундаментальных начал частноправового регулирования (ГК РК, 1994). Именно этим объясняется необходимость последовательного применения данного института, в том числе в ситуациях, которые формально не кажутся очевидными, – как в случае с правомерной угрозой.

Во-вторых, настоящее исследование подтверждает выдвинутую гипотезу: правомерная угроза при определенных условиях является основанием для признания сделки недействительной по пункту 9 статьи 159 ГК РК (1994). Этот вывод основан на системном и телеологическом толковании нормы, на общем принципе добросовестности и согласуется с позицией Президиума ВАС РФ (2013), с концепцией Карапетова (2016) и с общеевропейскими тенденциями, отражёнными в DCFR (von Bar & Clive, 2009) и Принципах УНИДРУА (UNIDROIT, 2016).

В-третьих, центральным критерием для разграничения допустимого переговорного давления и недопустимой правомерной угрозы является принцип добросовестности в сочетании с критерием связи угрожаемых действий с существом оспариваемой сделки. Угроза является допустимой, если угрожаемые действия прямо вытекают из существующих правоотношений сторон. Она становится недопустимой, когда используется как самостоятельный инструмент давления, никак не связанный с заключаемой сделкой (Карапетов, 2016; Сулейменов, 2024).

Новизна проведенного исследования состоит в том, что впервые в контексте казахстанского права системно сформулированы критерии разграничения допустимого переговорного давления и недопустимой правомерной угрозы, предложена их классификация и определено соотношение с принципом добросовестности.

Практическая значимость исследования определяется отсутствием в Казахстане единообразной судебной практики и официальных разъяснений по данному вопросу, что создаёт правовую неопределенность для участников оборота. На основе проведённого анализа формулируются следующие практические рекомендации. Верховному суду Республики Казахстан целесообразно дополнить нормативное постановление о недействительности сделок (2016) специальным разделом, посвящённым угрозе правомерными действиями, закрепив критерии её разграничения с допустимым переговорным давлением. Судам при рассмотрении дел данной категории рекомендуется устанавливать как субъективный, так и объективный критерии реальности угрозы (Сулейменов, 2024), а также оценивать наличие признаков недобросовестности с учетом всей совокупности обстоятельств дела. Законодателю целесообразно рассмотреть возможность прямого указания в пункте 9 статьи 159 ГК РК на то, что понятие «угроза» охватывает как правомерные, так и неправомерные действия.

Вместе с тем необходимо оговорить ограничения настоящего исследования. Ввиду отсутствия опубликованной судебной практики казахстанских судов по данному вопросу анализ главным образом опирается на доктринальные источники и сравнительно-правовые данные. По мере формирования казахстанской судебной практики предложенные критерии потребуют эмпирической верификации и возможной корректировки.

Заключение

Недействительность сделок с пороком воли – это не абстрактная теоретическая конструкция. За каждым иском об оспаривании подобной сделки стоит реальная история человека, которого обманули, запугали или воспользовались его беспомощным положением. Именно поэтому данный институт заслуживает пристального внимания как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителей.

Обман, насилие, угроза и кабальные условия образуют систему оснований недействительности сделок с пороком воли, закреплённую в пункте 9 статьи 159 ГК РК (1994). Все эти основания объединяет одно: воля пострадавшего при заключении сделки не была свободной. Каждое из них имеет собственный механизм воздействия на волю и собственную систему условий оспаривания, что требует дифференцированного подхода как в теории, так и в правоприменении.

Центральный вывод исследования касается правомерной угрозы. Угроза совершить правомерные действия может и должна признаваться основанием для оспаривания сделки по

казахстанскому праву при совокупности следующих условий: угроза реально деформировала волю пострадавшего; угрожаемые действия не связаны с существом заключенной сделки; использование угрозы нарушало принципы добросовестности гражданского оборота. Граница между допустимым переговорным давлением и недопустимой угрозой проходит именно по этим критериям (Карапетов, 2016; Сулейменов, 2024; Президиум ВАС РФ, 2013). Данный вывод находит подтверждение в сравнительно-правовом материале: DCFR, Принципы УНИДРУА и Принципы европейского договорного права (Lando & Beale, 2000) придерживаются аналогичных позиций, что свидетельствует о конвергентном характере данной тенденции в международном частном праве.

Существенным является и вывод о пробеле в казахстанском праве: вопрос о правомерной угрозе как основании недействительности сделки остается неурегулированным на уровне официальных разъяснений. Как отмечает Сулейменов (2024), для устранения этого пробела следовало бы дополнить действующее нормативное постановление Верховного суда РК (2016) либо разработать новое, более детально регулирующее все случаи недействительности сделок с пороком воли.

Обозначенные выше направления дальнейшей работы допускают не только постановку, но и конкретизацию в виде самостоятельных авторских предложений.

Применительно к устойчивости судебного подхода предлагается не просто «изучать» практику, а закрепить за Верховным судом РК обязанность обобщать первые дела о правомерной угрозе уже на стадии их появления – по аналогии с обзорами Президиума ВАС РФ, – чтобы критерии разграничения формировались не стихийно, а целенаправленно. В части распределения бремени доказывания целесообразно ввести опровержимую презумпцию недобросовестности угрожавшей стороны при одновременном наличии явного неравенства переговорных позиций и существенной невыгодности условий сделки: это переносит на угрожающую сторону обязанность доказать добросовестность своих действий и снижает чрезмерную нагрузку на пострадавшего. Сравнительное изучение в рамках ЕАЭС предлагается вести не абстрактно, а через конкретный механизм – разработку модельного акта (рекомендательного характера) для государств-членов, унифицирующего критерии правомерной угрозы по подходу, отражённым в DCFR. Соотношение с принципом эстоппель предлагается решать следующим образом: если потерпевшая сторона длительное время добровольно исполняла сделку и не заявляла о пороке воли, она утрачивает право на последующее оспаривание, – такой механизм одновременно защищает автономию воли и стабильность гражданского оборота. Наконец, превентивную роль нотариального удостоверения предлагается реализовать через введение обязательной нотариальной формы для сделок с высокой стоимостью предмета (например, отчуждение доли участия в бизнесе) – именно той категории сделок, в которой, как показано в настоящей статье, риск правомерной угрозы наиболее высок.

Таким образом, необходимость дальнейшего развития и конкретизации данного института в казахстанском праве не вызывает сомнений. Выводы и рекомендации настоящей статьи могут служить отправной точкой как для законотворческой работы, так и для дальнейших научных исследований в данной области.

Список литературы

- Агарков, М. М. (1946). Понятие сделки по советскому гражданскому праву. Советское государство и право, (3–4), 41–55.
- Басин, Ю. Г. (1998). Сделки: Учебное пособие. Адилет-пресс.
- Брагинский, М. И., & Витрянский, В. В. (2001). Договорное право. Общие положения (3-е изд.). Статут.
- Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. (1994). <https://prg.kz/>
- Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. (2015). <https://prg.kz/>
- Диденко, А. Г. (2006). Гражданское право. Общая часть: Курс лекций. Нур-пресс.
- Довбыш, Д. Р., & Надворная, А. А. (2024). Недействительность сделки, совершённой под влиянием обмана, насилия или неблагоприятных обстоятельств. Научные высказывания, 11(58), 93–97.
- Иоффе, О. С. (1967). Советское гражданское право: Курс лекций. В 3 ч. Ч. 1. Ленинградский государственный университет.
- Карпетов, А. Г. (2016, 3 апреля). Угроза совершения правомерных действий как основание для признания сделки недействительной: политико-правовой анализ. Закон.ру. https://zakon.ru/blog/2016/4/3/ugroza_oversheniya_pravomernyh_dejstvij_kak_osnovanie_dlya_priznaniya_sdelki_nedejstvitelnoj_politi_42736
- Красавчиков, О. А. (Ред.). (1985). Советское гражданское право: В 2 т. Т. 1. Высшая школа.
- Lando, O., & Beale, H. (Eds.). (2000). Principles of European Contract Law: Parts I and II. Kluwer Law International.
- Новицкий, И. Б. (1954). Сделки. Исковая давность. Государственное издательство юридической литературы.
- Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 г. № 6 «О некоторых вопросах недействительности сделок и применения судами последствий их недействительности». (2016). https://prg.kz/document/?doc_id=39073607
- Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. (2013). Информационное письмо № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 10 декабря 2013 г. <https://www.consultant.ru/>
- Рабинович, Н. В. (1960). Недействительность сделок и её последствия. Издательство Ленинградского государственного университета.
- Скловский, К. И. (2015). Сделка и её действие. Комментарий главы 9 ГК (Сделки). Статут.
- Сулейменов, М. К. (Ред.). (2007). Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий (постатейный): В 2 книгах. Книга 1 (3-е изд., испр. и доп.). НИИ частного права Каспийского университета.
- Сулейменов, М. К. (Ред.). (2022). Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий (постатейный): В четырёх книгах. Книга 2. НИИ частного права Каспийского университета.
- Сулейменов, М. К. (2024, 22 июня). Основания недействительности сделки, связанные с

пороками воли при её заключении. Параграф.
https://prg.kz/document/?doc_id=39642015

Treitel, G. H. (2003). The law of contract (11th ed.). Sweet & Maxwell.

Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. (2014). <https://prg.kz/>

Цвайгерт, К., & Кёtz, Х. (2000). Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права (Т. 1). Международные отношения.

UNIDROIT. (2016). Принципы УНИДРУА международных коммерческих договоров 2016 года. UNIDROIT. <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/>

von Bar, C., & Clive, E. (Eds.). (2009). Principles, definitions and model rules of European private law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Sellier European Law Publishers.

Шершеневич, Г. Ф. (1995). Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 года). Спарк.

Zimmermann, R. (1996). The law of obligations: Roman foundations of the civilian tradition. Oxford University Press.

References

Agarkov, M. M. (1946). Ponjatie sdelki po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Sovetskoe gosudarstvo i pravo, (3–4), 41–55.

Basin, Ju. G. (1998). Sdelki: Uchebnoe posobie. Adilet-press.

Braginskij, M. I., & Vitrijanskij, V. V. (2001). Dogovornoe pravo. Obshhie polozhenija (3-e izd.). Statut.

Cvajgert, K., & Kjotc, H. (2000). Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava (T. 1). Mezhdunarodnye otnoshenija.

Didenko, A. G. (2006). Grazhdanskoe pravo. Obshhaja chast': Kurs lekcij. Nur-press.

Dovbysh, D. R., & Nadvornaja, A. A. (2024). Nedejstvitel'nost' sdelki, sovershjonnoj pod vlijaniem obmana, nasilija ili neblagoprijatnyh obstojatel'stv. Nauchnye vyskazyvanija, 11(58), 93–97.

Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast') ot 27 dekabrja 1994 g. (1994). <https://prg.kz/>

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 31 oktjabrja 2015 g. (2015). <https://prg.kz/>

Ioffe, O. S. (1967). Sovetskoe grazhdanskoe pravo: Kurs lekcij. V 3 ch. Ch. 1. Leningradskij gosudarstvennyj universitet.

Karapetov, A. G. (2016, 3 aprelja). Ugroza sovershenija pravomernyh dejstvij kak osnovanie dlja priznaniya sdelki nedejstvitel'noj: politiko-pravovoj analiz. Zakon.ru. https://zakon.ru/blog/2016/4/3/ugroza_oversheniya_pravomernyh_dejstvij_kak_osnovanie_dlya_priznaniya_sdelki_nedejstvitel'noj_politi_42736

Krasavchikov, O. A. (Red.). (1985). Sovetskoe grazhdanskoe pravo: V 2 t. T. 1. Vysshaja shkola.

Lando, O., & Beale, H. (Eds.). (2000). Principles of European Contract Law: Parts I and II. Kluwer Law International.

Normativnoe postanovlenie Verhovnogo suda Respubliki Kazahstan ot 7 ijulja 2016 g. № 6 «O nekotoryh voprosah nedejstvitel'nosti sdelok i primenenija sudami posledstvij ih

- nedejstvitel'nosti». (2016). https://prg.kz/document/?doc_id=39073607
- Novickij, I. B. (1954). Sdelki. Iskovaja davnost'. Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoy literatury.
- Prezidium Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. (2013). Informacionnoe pis'mo № 162 «Obzor praktiki primeneniya arbitrazhnymi sudami statej 178 i 179 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» ot 10 dekabrya 2013 g. <https://www.consultant.ru/>
- Rabinovich, N. V. (1960). Nedejstvitel'nost' sdelok i ejo posledstvija. Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Shershenevich, G. F. (1995). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 goda). Spark.
- Sklovskij, K. I. (2015). Sdelka i ejo dejstvie. Kommentarij glavy 9 GK (Sdelki). Statut.
- Sulejmenov, M. K. (2024, 22 iyunja). Osnovaniya nedejstvitel'nosti sdelki, svjazannye s porokami voli pri ejo zakljuchenii. Paragraf. https://prg.kz/document/?doc_id=39642015
- Sulejmenov, M. K. (Red.). (2007). Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast'). Kommentarij (postatejnyj): V 2 knigah. Kniga 1 (3-e izd., ispr. i dop.). NII chastnogo prava Kaspijskogo universiteta.
- Sulejmenov, M. K. (Red.). (2022). Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast'). Kommentarij (postatejnyj): V chetyrjoh knigah. Kniga 2. NII chastnogo prava Kaspijskogo universiteta.
- Treitel, G. H. (2003). The law of contract (11th ed.). Sweet & Maxwell.
- Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 ijulja 2014 g. (2014). <https://prg.kz/>
- UNIDROIT. (2016). Principy UNIDRUA mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov 2016 goda. UNIDROIT. <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/>
- von Bar, C., & Clive, E. (Eds.). (2009). Principles, definitions and model rules of European private law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Sellier European Law Publishers.
- Zimmermann, R. (1996). The law of obligations: Roman foundations of the civilian tradition. Oxford University Press.

FTAMP: 10.27.41

Ерік ақауы бар мәмілелердің жарамсыздығы

Жәмила Келденбаева
Нотариустың көмекшісі, Түркістан, Қазақстан
email: 251401001@sdu.edu.kz

Аңдатпа

Бұл мақала Қазақстан азаматтық құқығындағы практикалық тұрғыдан аса маңызды, сонымен бірге жеткілікті деңгейде зерттелмеген бағыттардың бірі — ерік ақауы негізінде жасалған мәмілелердің жарамсыздығы институтын зерттеуге арналған. Жұмыста Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінің 159-бабының 9-тармағында көзделген ерік ақауларының негізгі түрлері — алдау, күш қолдану, қорқыту және кіріптар мәмілелер жағдайлар талданады. Ерекше назар мәмілені құқыққа сай қатер төндіру негізінде жарамсыз деп тану мәселесіне аударылады, яғни өзі заңсыз

болып табылмайтын әрекеттерді жасау қаупімен байланысты жағдайлар қарастырылады. Дәл осы мәселе қазақстандық құқықтық доктринада да, сот тәжірибесінде де ең аз зерттелген бағыттардың бірі болып табылады. Қолданыстағы заңнама нормаларын, доктриналық дереккөздерді және сот тәжірибесінің материалдарын талдау негізінде мақалада рұқсат етілетін келіссөз қысымы мен адал емес қорқытудың аражігін ажырату критерийлері ұсынылады. Сонымен қатар, осы саладағы нормативтік реттеуді және құқық қолдану тәжірибесін жетілдіруге бағытталған нақты ұсынымдар тұжырымдалады. Зерттеу нәтижелері заңгерлер, судьялар және азаматтық айналым қатысушылары үшін практикалық маңызға ие.

Кілт сөздер: мәмілелердің жарамсыздығы; ерік ақауы; қорқыту; құқыққа сай қорқыту; кіріптар мәміле; дауланатын мәмілелер

IRSTI: 10.27.41

Invalidity of transactions: legal consequences and issues of judicial practice

Zhamilya Keldenbayeva

Notary Assistant, Turkistan, Kazakhstan

email: 251401001@sdu.edu.kz

Abstract

This article is devoted to the study of the institution of invalidity of transactions concluded with defects of will, which represents one of the most practically significant yet insufficiently developed areas of civil law in Kazakhstan. The paper analyzes the main types of defects of will provided for in paragraph 9 of Article 159 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan: fraud, violence, threat, and unconscionable (onerous) terms. Particular attention is paid to the issue of recognizing a transaction as invalid due to a lawful threat—that is, a threat to perform actions that are not unlawful in themselves. This issue remains the least explored both in Kazakh legal doctrine and in judicial practice. Based on the analysis of current legislation, doctrinal sources, and case law materials, the article proposes criteria for distinguishing permissible negotiation pressure from bad-faith threats. Specific recommendations are formulated to improve regulatory provisions and law enforcement practice in this area. The results of the study have practical value for lawyers, judges, and participants in civil turnover.

Keywords: invalidity of transactions; defect of will; threat; lawful threat; unconscionable transaction; voidable transactions.

Дата поступления: 9 май, 2026

DOI: <https://doi.org/10.47344/bbzgtm81>

IRSTI: 10.41.29

The Rise of AI Training Data Licensing: Reassessing Fair Use and Market Harm

Aisha Zhaksylyk

SDU University, Kaskelen, Kazakhstan

email: 251407001@sdu.edu.kz

Abstract

The unlicensed use of copyrighted works to train generative artificial intelligence (AI) systems is among the most contested questions in contemporary copyright law. Courts and scholars remain divided on how the fourth fair use factor should apply to a process spanning data ingestion, model training, and commercial deployment. This article asks how the Factor Four market harm inquiry should be structured as training data licensing markets emerge, and what this means for Kazakhstan, which has adopted an AI training opt-out rule without a developed doctrinal framework. Using doctrinal analysis of United States and European Union copyright law, a comparative method, and a critical synthesis of three scholarly positions, the article reexamines six recent decisions including *Andy Warhol Foundation v. Goldsmith*, *Kadrey v. Meta*, and *Thomson Reuters v. ROSS Intelligence* for what each actually decided. It finds that existing approaches apply one standard of scrutiny to a use occurring in two doctrinally distinct phases, and proposes a phase-sensitive framework: a permissive test for upstream training paired with heightened scrutiny for downstream deployment, supplemented by collective licensing and transparency obligations. Applying this framework to Kazakhstan, the article evaluates Article 23(5) of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Artificial Intelligence” and proposes an institutional design built on existing collective-management infrastructure.

Keywords: AI training, copyright law, fair use, market harm, licensing.

Introduction

Generative artificial intelligence (AI) systems are trained by processing very large quantities of text, images, audio, and video, a substantial share of which is protected by copyright and was never licensed for this purpose (Torrance & Tomlinson, 2023). Whether that processing infringes the reproduction right, and whether it can be excused as fair use, has become a central question in contemporary copyright law (Samuelson, 2023). The dispute is no longer only about principle. As dedicated markets for licensing training data have begun to form, the fourth fair use factor, which asks whether a challenged use harms “the market for or value of” the copyrighted work, has moved from a subordinate consideration to the doctrinal battleground on which most AI training disputes are actually fought (Hardman, 2026; Rosati, 2025). An emerging licensing market changes the market harm inquiry in a way earlier case law did not have to confront: a use that seemed purely technical can be redescribed as harmful simply because a market for licensing it now exists, and rightsholders have an obvious incentive to describe it that way (Ge, 2025; Tang, 2021).

Research problem and thesis. Courts and commentators have generally analyzed AI training as a single, undifferentiated act. Yet training a generative model is a sequence that begins with functional, non-expressive ingestion and processing and ends, if the model is deployed, in outputs that can compete in the same markets as the works the model was trained on (Liu, 2025; Murray,

2023). Treating this as one question produces two symmetrical errors: a blanket fair-use finding risks ignoring genuine deployment-stage substitution, while a blanket licensing requirement risks treating speculative market definitions as if they were the non-speculative markets Factor Four was designed to protect: the “bootstrapping” problem (Ge, 2025; Tang, 2021; Samuelson, 2024). This article’s central thesis is that existing fair use and text-and-data-mining (TDM) doctrine in the United States (U.S.) and the European Union (EU) apply a single standard to a use that in fact occurs in two doctrinally distinct phases, and that Kazakhstan’s newly enacted machine-readable opt-out in Article 23(5) of the Law “On Artificial Intelligence,” which closely resembles the EU’s Article 4(3) rights-reservation mechanism, has adopted a partial solution without the doctrinal or institutional apparatus needed to make it fully workable.

Research question and objectives. This article asks: how should the Factor Four market-harm inquiry be structured to distinguish AI training uses that cause cognizable market harm from those that do not, and what framework should guide Kazakhstan’s own AI training exception? It pursues this by:

- a) establishing, through case-law analysis, what U.S. courts actually decided, as distinct from what commentary often attributes to those decisions;
- b) developing and testing a phase-based framework against the leading positions in the literature;
- c) translating it into institutional recommendations for Kazakhstan.

Research gap and contribution. The literature addresses the doctrinal content of Factor Four, the TDM exception, the bootstrapping critique, and licensing and transparency proposals, but has not combined these into a single operational test, nor connected one to the regulatory choices a civil-law jurisdiction such as Kazakhstan must make; Kazakhstani scholarship, in turn, has addressed AI-generated-output authorship and general AI governance (Akshalova & Muhammad, 2024; Aronov & Idrysheva, 2024; Iskakova & Kashkin, 2020; Temirbekov, 2021) but not the input side of the problem. I make three contributions. I reframe the literature’s disagreement as one about which pipeline stage each position implicitly describes; I propose a phase-based framework – a permissive, evidence-based standard for upstream use and heightened scrutiny for downstream use, paired with collective licensing, transparency, and provenance obligations as governance mechanisms; and I apply that framework to Article 23(5), correcting a recurring imprecision in how the provision is described and proposing an institutional design built on Kazakhstan’s existing collective-management infrastructure, not a new regulator.

Section 2 details the methods used. Section 3 sets out the legal framework. Section 4 critically reviews three scholarly approaches. Section 5 develops the comparative analysis. Section 6 analyzes six recent decisions for what each actually held. Section 7 sets out the phase-based framework I propose. Section 8 applies it to Kazakhstan and Section 9 discusses implications and counterarguments. Section 10 concludes.

Methodology

This is a doctrinal and comparative legal research article. It does not involve empirical data collection, interviews, or statistical analysis. It combines four methods: doctrinal analysis, comparative legal analysis, critical literature synthesis, and structured case-law analysis. Kazakhstan is not a fourth, self-contained case study added at the end. It is the point toward which the first three methods are directed.

1. Doctrinal analysis

The doctrinal component examines the primary sources defining the boundaries of permissible AI training: the fair use provision of the U.S. Copyright Act, 17 U.S.C. § 107; the TDM exceptions in Articles 3 and 4 of Directive EU 2019/790, including the Article 4(3) opt-out; and Articles 22 and 23 of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Artificial Intelligence” (Law No. 230-VIII, 2025), the first addressing machine-readable forms generally and the second addressing copyright specifically. It tests whether recurring concepts such as transformativeness, market substitution as opposed to speculative licensing harm, and the “bootstrapping” problem, whereby a rightsholder’s assertion of a licensing market is used to manufacture the harm that then defeats a fair use defense, operate consistently across the training and deployment stages, the distinction on which the article turns.

2. *Comparative legal analysis*

The United States and the European Union are compared against six criteria: (1) the doctrinal mechanism used to permit or restrict AI training; (2) how the market harm inquiry is structured; (3) the design of any opt-out or rights reservation mechanism; (4) the treatment of licensing markets; (5) transparency and provenance obligations; and (6) the responsible institutional body. These jurisdictions represent the two structurally distinct regulatory models available, and most litigated case law has arisen in one or the other; the comparison is accordingly selected for what it can transplant to Kazakhstan, not exhaustive, and Section 5 draws recommendations directly from the comparative table.

3. *Literature synthesis and the three scholarly approaches*

The synthesis draws on articles, working papers, and legal commentary published primarily in 2021-2026, supplemented by earlier fair use scholarship that remains doctrinally relevant. Sources were selected for direct engagement with Factor Four as applied to AI training, the TDM exception, licensing market bootstrapping, or collective licensing and transparency proposals; general AI law scholarship without a copyright argument was excluded, as was Kazakhstani scholarship on AI generated output authorship, which addresses a different question (ownership of output) than the one I address (lawfulness of input). The literature is sorted into three approaches using five criteria: characterization of training as expressive or non-expressive; weight given to transformative use reasoning; treatment of Factor Four; position on bootstrapping; and preferred regulatory solution. An author is placed in the innovation-oriented category where most criteria favor functional characterization (e.g., Liu, 2025; Torrance & Tomlinson, 2023); in the rightsholder oriented category where they point the other way (e.g., Rosati, 2025; Opderbeck, 2024); and in the nuanced category where a position diverges by pipeline stage (e.g., Fernandes, 2024; Hardman, 2026; de la Durantaye, 2025). The camps are not internally uniform.

4. *Case-law methodology*

Six decisions (Section 6) were selected because each addresses a different point on the training to deployment spectrum, from a foundational non-AI transformative use precedent through the first LLM training merits ruling to an ongoing dispute over downstream substitution. Each is doctrinally important in a different way: *Warhol* supplies the post-2023 framing of Factors One and Four; *Authors Guild* the functional-copying analogy; *Kadrey* the first merits ruling on LLM training; *ROSS* the clearest case of direct market substitution; *Getty* the limits of the “model as copy” theory; and the *New York Times* litigation the leading downstream-substitution claim. Cases concerning only output-similarity without a developed market-harm holding (e.g., *Andersen v. Stability AI*) were excluded from detailed analysis and are noted only in passing. Each selected case is analyzed for its facts, legal issue, actual holding, relevance to fair use and market harm, relevance to AI training, and the limits of the analogy, so cases are compared on equal terms.

Kazakhstan's role in the comparative method

Kazakhstan enters the analysis at three points. In the comparative table (Section 5), Article 23(5) is placed alongside the U.S. and EU mechanisms on each criterion, showing where it resembles the EU model and where its connection to the Law's own general provisions, such as Article 22, remains unconfirmed. In the case-law analysis (Section 6), each case's limits identify which doctrinal assumptions cannot be assumed to transfer to Kazakhstan. The phase-based framework (Section 7) is built so its upstream/downstream distinction can be implemented through an opt-out mechanism of the kind Kazakhstan has already adopted. Section 8 then addresses the specific institutional questions such as standardization of the opt-out format, the responsible authority, the role of collective management organizations (CMOs), and the treatment of foreign developers that this analysis is designed to inform.

Legal Framework: AI Training, Copyright, and the Structure of Fair Use

The training process and the stages of copying

A generative AI model is built by exposing a machine-learning architecture to a large corpus of data so it can adjust internal parameters and later generate new content (Liu, 2025). Three stages matter for copyright analysis: **ingestion**, collecting and reproducing data into a working corpus (Rosati, 2025; Opderbeck, 2024); **storage**, retaining works or intermediate representations for processing; and **processing**, in which the model's parameters are updated as numerical weights encoding statistical regularities, not retrievable copies (Murray, 2023; Quang, 2021). Memorization complicates this picture. A model can sometimes reproduce near-verbatim fragments, which is why courts have treated the possibility of extraction, not only ingestion, as relevant to market harm. Every stage involves reproduction within the meaning of copyright law, even where intermediate (Rosati, 2025; Opderbeck, 2024). The decisive question is not whether copying occurs, but whether an exception excuses it.

Text and Data Mining exceptions and the limits of the TDM analogy

Text and Data Mining (TDM), as codified in Articles 3 and 4 of Directive EU 2019/790, refers to techniques for extracting facts, patterns, or correlations from data sets for analytical purposes, without producing new expressive content competing with the works mined. Article 3 provides a mandatory, non-waivable exception for research organizations (Directive EU 2019/790, art. 3); Article 4 provides a broader exception for any user, subject to a rightsholder's ability to reserve rights "in an appropriate manner," including machine-readable means for online content (Directive EU 2019/790, art. 4(3)). This is the mechanism Kazakhstan's Article 23(5) closely resembles. Generative AI training strains this framework because it is not purely analytical. The resulting model is built to generate new instances resembling the training data's styles and structures (Dornis & Stober, 2025; Ge, 2025). That is why a substantial body of scholarship questions whether Article 4 was ever meant to reach commercial foundation-model training (Buick, 2025; Rosati, 2025).

Fair use and the structure of Factor Four

Under 17 U.S.C. § 107, courts weigh four non-exclusive factors: (1) the purpose and character of the use; (2) the nature of the work; (3) the amount used; and (4) the effect on the potential market for or value of the work (17 U.S.C. § 107(1) (4)). Factor Four § 107(4) has increasingly operated as the point on which AI training disputes turn, since it is where arguments about licensing markets and substitution are channeled (Hardman, 2026). If we treat copying as

harmful merely because a license could have been bought, we are no longer finding fair use; we are assuming it away (Tang, 2021; Samuelson, 2024). A related trap is bootstrapping: because rightsholders can create a licensing market simply by offering one, allowing that market alone to defeat fair use lets rightsholders define their way out of any exception (Ge, 2025; Tang, 2021). Both points are settled outside the AI context, but their application to AI training is what recent litigation has had to work out case by case (Section 6).

Andy Warhol Foundation v. Goldsmith (2023), though not an AI case, supplies the doctrinal backdrop for this litigation by reorienting Factors One and Four toward market proximity and commercial purpose. Every subsequent AI training decision has had to address that shift and to state its limits.

Literature Review

This research builds on the U.S. Copyright Act, Directive EU 2019/790, and case law on transformativeness, market substitution, and the boundaries of TDM exceptions. Kazakhstani scholarship has developed along a different axis, addressing AI's general legal personality and governance (Temirbekov, 2021; Iskakova & Kashkin, 2020) and the authorship of AI-generated output (Akshalova & Muhammad, 2024; Aronov & Idrysheva, 2024), but not the input side of the problem I examine. That is the gap Section 8 builds on directly.

Beyond Kazakhstan, the literature organizes into three positions, sorted using the criteria set out in the Methodology. The three positions do not converge, and I preserve rather than resolve their disagreement here, because Section 7 argues that each camp is strongest precisely where it describes its own stage of the pipeline.

The innovation-oriented approach recharacterizes training related copying as upstream, functional processing rather than exploitation of expression, treating *Authors Guild v. Google* (2015) as a template for the ingestion and processing stages and insisting that Factor Four requires evidence of cognizable substitution, not a bare foregone-licensing claim (Liu, 2025; Torrance & Tomlinson, 2023; Rodriguez Maffioli, 2023; Murray, 2023). It is the camp most committed to the bootstrapping critique (Ge, 2025; Tang, 2021; Hardman, 2026), and *Kadrey v. Meta* (2025), discussed in Section 6, lends it some support by treating the plaintiffs' failure to prove market dilution as decisive. Where it has least to say is the deployment stage, where outputs can plausibly compete with the works trained on. It acknowledges the input/output distinction but does not develop a correspondingly rigorous test for when output-stage substitution becomes cognizable, and it struggles to explain cases of direct commercial competition such as *Thomson Reuters v. ROSS Intelligence* (2025). Applied to Kazakhstan without qualification, it would counsel against giving much weight to Article 23(5) at the pre-training stage but offers no guidance on deployment by commercial products built on Kazakh-language data.

The rightsholder-oriented approach treats training-related copying as squarely within the reproduction right, arguing that TDM style exceptions were built for analytical, non-generative uses and do not comfortably extend to systems trained to produce competing expressive output, and that both lost sales and lost training-data licensing revenue should be cognizable harm (Rosati, 2025; Opderbeck, 2024; Fernandes, 2024; Dornis & Stober, 2025). It is best supported in cases of direct commercial competition, such as *ROSS*, and takes seriously *Warhol's* insistence that commercial purpose and market proximity matter independently of transformativeness. The bootstrapping problem is what this approach never fully resolves. If a licensing market that rightsholders can

create unilaterally is itself enough to establish harm, Factor Four stops doing any independent analytical work. The objection matters precisely because the position is otherwise strong. An unqualified version of this position would require individually licensing training corpora that can run to billions of works, which the literature itself recognizes as unworkable at scale (Fernandes, 2024; Rodriguez Maffioli, 2023). It is the position closest in spirit to Article 23(5) of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Artificial Intelligence”, but applied without institutional support it risks the same transaction cost problem it identifies as unworkable elsewhere.

Between these two sits a third position. **The nuanced approach** argues that the standard should track the pipeline stage: permissive treatment for non-expressive ingestion, closer scrutiny for deployment where substitution risk is concrete (Fernandes, 2024; Hardman, 2026). It treats the uncertainty evident in *Kadrey and Andersen v. Stability AI* as real rather than already resolved by existing doctrine (Guadamuz, 2024). It favors collective licensing, statutory levies, or opt-out registries paired with transparency obligations (de la Durantaye, 2025; Guadamuz, 2024), and seeks a middle path on Factor Four that separates substitutive from complementary effects (Samuelson, 2024; Buick, 2025). Only this position treats "AI training" as more than a single act. However, its diagnosis outruns its design: who would run a registry, in what format, and with what hold over foreign developers all remain open.

The research gap. Across all three camps, two gaps recur: none offers a specific, evidence-based test for distinguishing cognizable substitution from bootstrapped licensing revenue, and none develops a concrete institutional design for a jurisdiction legislating this question without either an open-ended fair use tradition or a mature collective management sector, Kazakhstan’s actual position. Section 7 addresses the first gap by building a phase-based test with explicit evidentiary content; Section 8 addresses the second by specifying the institutional mechanisms the literature identifies as necessary but does not itself design.

Comparative Analysis: United States, European Union, and Kazakhstan

Table 1.
Comparative Framework for Copyright and AI Training in the United States, European Union, and Kazakhstan

Criterion	United States	European Union	Kazakhstan
General legal approach and core exception	Open-ended fair use, 17 U.S.C. § 107; no AI-specific statute; assessed case by case under Factors One and Four (<i>Kadrey v. Meta</i> , 2025; <i>Thomson Reuters v. ROSS Intelligence</i> , 2025)	Enumerated TDM exceptions: Art. 3 (research organizations, non-waivable) and Art. 4 (general purpose, waivable by opt-out), layered with general-purpose AI (GPAI) duties under the AI Act (Directive EU 2019/790, arts. 3-4; Regulation EU 2024/1689)	New sui generis provision: use of works to train AI models is permitted absent a machine-readable prohibition (Law No. 230-VIII, art. 23(5)), operating alongside, but not integrated into, the general Copyright Law (Law No. 6-I, 1996)
Market harm analysis	Factor Four; post- <i>Warhol</i> emphasis on	Not framed as “market harm”; addressed	No statutory market-harm test; Article 23(5)

	commercial purpose and market proximity; U.S. Copyright Office (2025) treats market dilution and lost licensing opportunity as cognizable but context-dependent	indirectly through the opt-out's availability rather than a substitution test (Directive EU 2019/790, art. 4(3))	turns solely on the presence or absence of an opt-out, not on evidence of harm
Licensing mechanisms	Emerging voluntary, individually negotiated licenses; U.S. Copyright Office (2025) favors organic market development	No AI-specific collective licensing regime; general collective management is governed by Directive 2014/26/EU, which does not extend to training-data licensing	CMOs exist for music and other repertoires (Law No. 6-I, arts. 43, 46-2), but none currently administers AI training-data licensing
Opt-out mechanism	None at the federal statutory level	Art. 4(3): rights reservation "in an appropriate manner," including machine-readable means for online content	Art. 23(5): prohibition expressed "in machine-readable form"; Art. 22 delegates the machine-readable-forms procedure generally to the authorized body, but the Law does not confirm this extends to the Art. 23(5) signal specifically (Law No. 230-VIII, art. 22)
Transparency obligations	No federal mandate; California's AB 2013 requires disclosure of copyrighted training content, effective January 1, 2026 (Cal. Assemb. B. 2013, 2024)	AI Act Art. 53(1)(c)–(d): GPAI providers must maintain a copyright-compliance policy and publish a training-content summary (Regulation EU 2024/1689, art. 53)	No comparable obligation; Art. 22's procedure serves transparency purposes generally but does not require training-data disclosure
Institutional implementation	Federal courts; U.S. Copyright Office issuing non-binding reports (U.S. Copyright Office, 2025)	European Commission/AI Office administering GPAI obligations; national courts applying Directive EU 2019/790	The authorized body determines the machine-readable-forms procedure generally (Law No. 230-VIII, arts. 1, 22); a separate authorized body accredits CMOs (Law No. 6-I, art. 46-2);

			neither law names a single body for AI-training copyright questions specifically
Main legal uncertainty	Whether Factor Four treats licensing-market dilution as cognizable absent direct substitution evidence	Whether Art. 4's exception, drafted for analytical extraction, covers commercial generative training at all (Buick, 2025; Rosati, 2025)	Whether Art. 22's procedure extends to the Art. 23(5) signal; scope over foreign developers; absence of a market-harm test comparable to Factor Four

Note. Table compiled by the author from the primary sources cited in each cell.

Two things stand out. The United States and the European Union have converged, from opposite starting points, on the same practical need for a mechanism to signal and price consent at scale, since case-by-case adjudication and a rights-reservation exception with no institutional backing both meet the same transaction-cost problem. The EU has begun closing that gap through the AI Act's transparency duties; the United States has not yet done so by statute, leaving the Copyright Office's advisory 2025 report as the primary institutional statement apart from case law. Kazakhstan's Article 23(5) opt-out, by contrast, closely resembles the EU's Article 4(3) mechanism in doctrinal form, and Article 22 addresses technical standardization in general terms, but the Law does not confirm that this procedure covers the Article 23(5) signal specifically, and it supplies none of the remaining infrastructure the EU has found necessary: no collective-registry design, no transparency duty comparable to AI Act Article 53, and no market-harm test, since the opt-out signal alone is dispositive. A bright-line opt-out has the virtue of predictability an open-ended fair use inquiry lacks, but it currently has no answer to the deployment-stage harms U.S. and EU experience shows rightsholders actually litigate over – the finding Sections 7 and 8 build on directly.

Case Law and Factor Four

These six decisions do not establish a single rule on AI training and copyright.

1. *Andy Warhol Foundation v. Goldsmith*

Lynn Goldsmith photographed Prince in 1981; after Prince's death, the Andy Warhol Foundation licensed a work from its Warhol series based on that photograph to Condé Nast for a magazine cover, without a further license from Goldsmith. The Supreme Court held that Factor One weighed against the Foundation because this 2016 licensing served substantially the same commercial, editorial purpose as Goldsmith's photograph, which she had also licensed. Transformative character must be assessed against the specific challenged use, not the work in the abstract, and a new meaning does not outweigh a shared commercial purpose in an established licensing market. The Court was explicit that its holding addressed only the 2016 transaction, not the 1984 creation of the series (*Andy Warhol Foundation for Visual Arts, Inc. v. Goldsmith*, 2023).

Warhol is not an AI case; it supplies the doctrinal backdrop by reorienting Factors One and Four toward market proximity and commercial purpose. Its facts concern a single human-created

derivative work licensed once, not mass computational processing, so its reasoning transfers to the deployment stage, where outputs compete in a market the rightsholder already occupies, not to ingestion or processing, which it did not address.

2. *Authors Guild v. Google*

Google scanned more than twenty million books to build a full-text search index, displaying limited snippets without a license. The Second Circuit held for Google: the purpose was highly transformative because it created a research tool, not a reading substitute; snippet view prevented reconstructing a usable portion of any book. And the court found no cognizable market harm, declining to treat a hypothetical licensing fee for the indexing as the kind of harm Factor Four protects against (*Authors Guild v. Google, Inc.*, 2015).

The case is the leading authority for treating large-scale, functional copying as transformative, and its refusal to recognize a speculative licensing market bears directly on the bootstrapping problem. It is widely cited as an analogy for AI training's ingestion stage, but the analogy has a limit often elided in that commentary: Google Books did not generate new expressive content, whereas generative AI systems are trained to produce new outputs resembling the training data. It does not, and could not, resolve whether an AI model's outputs raise a separate, downstream substitution risk.

3. *Kadrey v. Meta Platforms*

Book authors alleged that Meta trained its Llama models on their books, obtained from shadow-library sources. In June 2025, Judge Chhabria granted Meta summary judgment on fair use: the training was highly transformative, and the models could reproduce at most a small fragment of any book, limiting substitution risk. Decisively, the plaintiffs had failed to develop a market-dilution theory that a flood of AI-generated works could suppress demand for human-authored works in a genre without word-for-word copying while Meta had shown no effect on book sales. The court was explicit that this reflected these plaintiffs' evidentiary choices, not a general holding that training on copyrighted books is lawful, and that a different record could reach a different result (*Kadrey et al v. Meta Platforms, Inc.*, 2025).

Kadrey is the clearest illustration that Factor Four now turns on the quality of the market-harm evidence before the court. Its market-dilution theory, in which harm does not depend on literal output substitution, directly informs the evidentiary threshold Section 7 proposes for Phase 2. The ruling is narrow and fact-bound, and I do not cite it as authority that AI training is generally fair use.

4. *Thomson Reuters v. ROSS Intelligence*

ROSS Intelligence, building a competing legal-search product after Thomson Reuters refused it a license, obtained roughly 25,000 "Bulk Memos" derived from Westlaw headnotes from a third party and used them for training. On renewed summary judgment, Judge Bibas held all four factors favored Thomson Reuters: the use was commercial and not transformative because ROSS's tool returned the same kind of answers the headnotes provide, making it a direct market substitute, and the intermediate character of the copying did not save the use once the ultimate product competed directly with Westlaw. The court explicitly noted this was not a generative AI case, since ROSS's tool retrieved existing text instead of generating new content (*Thomson Reuters Enterprise Centre GmbH v. ROSS Intelligence Inc.*, 2025).

ROSS is the strongest authority that direct commercial competition combined with an actual data-licensing market defeats fair use regardless of how intermediate the copying appears, but it is frequently cited, imprecisely, as if it resolved fair use for generative AI training generally. It did not: the parties were direct rivals building the same product from the same content, a relationship

starker than that between a foundation-model developer and the universe of authors it trained on. It supports classifying phase by the purpose and market relationship of the copying, not its position in the technical pipeline.

5. *Getty Images v. Stability AI*

Getty alleged that Stability AI's Stable Diffusion model was trained, in part, on watermarked Getty images without a license, bringing claims for copyright, trade mark, and database right infringement. Getty abandoned its primary training-infringement claim before judgment because it could not establish the training occurred within the UK, a territorial limitation, not a ruling on the training's lawfulness. The secondary-infringement claim also failed: the High Court held that a model's weights encode learned statistical patterns rather than retrievable copies, so the model is not itself a copy of the training images. The court found only a narrow and, per the judgment, historic and extremely limited instance of trade mark infringement concerning legacy versions, and rejected the broader claims (*Getty Images v. Stability AI*, 2025).

The point most often lost in secondary commentary is that *Getty* does not resolve whether unlicensed training for image-generation models causes market harm. Its central claim was never decided on the merits, and its holding is confined to the "model as copy" theory under UK doctrine, with no exact U.S. or Kazakhstani equivalent; it should not be cited as authority that AI training is lawful or unlawful in general. Its institutional lesson, taken up in Section 8, is that a rule addressing the legality of training conduct (such as Article 23(5)) is distinct from one addressing whether a distributed model itself infringes.

6. *The New York Times v. Microsoft Corp. and OpenAI*

The New York Times alleges that Microsoft and OpenAI used millions of Times articles without authorization to train GPT-based models, and that resulting products can reproduce Times content closely enough to substitute for visiting the original article. In March 2025 the court denied in substantial part the defendants' motions to dismiss, allowing the central copyright claims to proceed; the parties have continued to litigate through 2025 and into 2026 (*The New York Times Company v. Microsoft Corporation et al.*, 2025). In September 2026 the United States filed a Statement of Interest under 28 U.S.C. § 517 in the consolidated multidistrict proceeding, arguing that training a large language model on copyrighted text is transformative and that the market-dilution theory is doctrinally flawed (Statement of Interest of the United States, 2026). No court has ruled on the fair use merits.

This is the sharpest available example of a downstream-substitution argument, situated against an actual licensing market since other publishers have already entered direct licensing agreements. Because there is no merits ruling, the case cannot be cited for any specific legal conclusion; it illustrates the structure of a downstream-substitution argument as currently litigated, and I do not treat it as settled precedent.

Read individually, not as interchangeable "AI cases," these six decisions point toward a distinction rather than a single rule: fair use or something close to it where the use is functional and unaccompanied by substitution evidence (*Authors Guild v. Google*; *Kadrey* on its record), and findings against the secondary user where the use competes directly (ROSS) or an established licensing market already exists (*Warhol*). *Getty* and the pending *New York Times* litigation, the two most often mischaracterized publicly, have on close reading decided far less than commonly assumed. I build the framework in Section 7 on this pattern.

Results: The Proposed Phase-Based Framework

Sections 5 and 6 point toward a framework that treats the two phases differently. I offer it as my own proposal: the case law supports a phase-sensitive distinction, but no court has established one.

One standard, two phases

As Sections 4 and 6 show, the literature's three camps disagree less about fair use in the abstract than about which pipeline stage they implicitly describe, and the case law's apparent inconsistency tracks the stage of use before each court.

Phase 1: pre-training and upstream use

Phase 1 covers ingestion, storage, and processing undertaken to build a model's parameters, not to generate market-facing content. I propose that, consistent with *Authors Guild v. Google* and *Kadrey*'s treatment of training as highly transformative, ingestion and processing be treated as presumptively lawful, subject to two conditions. The use must not exceed what is technically necessary to train the model, and it must respect a properly implemented opt-out where one exists. Under this proposal, Factor Four plays a minimal role at Phase 1: only a demonstrated, non-speculative effect on an existing training-data licensing market should override the presumption, to avoid the bootstrapping problem identified in Sections 3 and 4.

Phase 2: deployment, output, and downstream use

Phase 2 begins once a model is deployed commercially and can generate outputs offered to end users, where market proximity becomes the central question, as *Warhol* required for Factor One and *ROSS* for Factor Four. I would evaluate Phase 2 uses under a heightened standard requiring one of three showings before market harm is treated as cognizable:

- a) demonstrated output substitution, as alleged in the pending *New York Times* litigation;
- b) established market dilution, the theory *Kadrey* treated as viable but unproven;
- c) determined direct competition, as in *ROSS*.

The deliberate effect is to exclude a fourth: the bare fact that a license could, in principle, be sold, which every camp in the literature including the rightsholder-oriented one recognizes as an unresolved bootstrapping risk if treated as sufficient on its own.

ROSS also shows that phase classification is functional, not chronological: copying that looks intermediate but is undertaken specifically to build a directly competing product should be classified as Phase 2 from the outset, regardless of its position in the technical pipeline.

Horizontal governance mechanisms

A phase distinction is administrable only if paired with mechanisms reducing transaction costs and evidentiary uncertainty. A **machine-readable opt-out**, the mechanism the EU has built into Article 4(3) and Kazakhstan into Article 23(5), lets rightsholders remove works from the Phase 1 presumption without negotiation; Section 8 addresses why Kazakhstan's Article 22 procedure has not yet been confirmed to extend to this signal. **Collective licensing** offers a realistic vehicle for Phase 2 licensing at scale, since individual licensing of the volume of works involved is not administratively feasible. The rightsholder-oriented and nuanced camps agree on that point, even as they disagree on how much weight licensing should carry. **Transparency and provenance obligations**, modeled on AI Act Article 53(1)(c)-(d), supply the evidentiary infrastructure the Phase 2 test requires. **Evidence requirements tied to the three showings above** give both parties a concrete evidentiary target, reducing the kind of underdeveloped record decisive against the plaintiffs in *Kadrey*.

Measured against the alternatives

Unlike an unqualified innovation-oriented rule, the framework I propose accounts for *Warhol* and *ROSS*; unlike an unqualified rightsholder-oriented rule, it avoids extending the bootstrapping problem to a stage where no market-facing product yet exists. It also improves on the EU's Article 4 opt-out standing alone, which has no answer to Phase 2 substitution or dilution questions, and on Article 23(5) as currently drafted, which gives no weight to deployment-stage harm and places the entire burden of protection on rightsholders with no corresponding developer disclosure obligation. Pairing the opt-out with Phase 2 scrutiny and transparency obligations addresses these gaps without abandoning the predictability an opt-out rule provides.

Implications for Kazakhstan

The comparative and case-law analysis in Sections 5 and 6 was constructed to answer institutional questions Kazakhstan's legislature has raised but not yet resolved.

Two statutes and what Article 23(5) actually says

Kazakhstan regulates this problem through two instruments drafted separately. The Law "On Copyright and Related Rights" (Law No. 6-I, 1996) supplies the reproduction right and, under Article 43, the statutory basis for collective management of property rights; Article 46-2 governs the voluntary accreditation of CMOs. The Law "On Artificial Intelligence" separately addresses, in Article 23, copyright questions raised by AI systems, including, in paragraph 5, the use of works to train AI models; Article 22 delegates to the authorized body the procedure for machine-readable forms in the field of AI generally (Law No. 230-VIII, 2025). These statutes are not formally integrated, and even within the 2025 Law, Article 22's procedure is not expressly linked to the Article 23(5) signal. Kazakhstan therefore does not need new institutions. It needs to connect an existing training-data rule, standardization procedure, and collective-management infrastructure that currently operate without reference to one another.

Article 23(5) provides that "the use of works for training artificial intelligence models is permitted only in the absence of a prohibition, expressed in machine-readable form, by the author or the rightholder." It applies to works generally, not to "derivative works" specifically; it closely tracks Article 4(3) of Directive EU 2019/790, without being copied from it. Read against Section 7's framework, Article 23(5) is a workable Phase 1 mechanism, but it says nothing about Phase 2: a model trained in full compliance could still be deployed in ways generating output substitution, dilution, or direct competition. Compliance should therefore be treated as necessary but not sufficient for lawfulness, leaving deployment-stage harm to a separate Phase 2 inquiry.

Standardizing the opt-out

An opt-out is meaningful only if technically implementable across rightsholders from large publishers to individual authors with no technical infrastructure: it should use a simple, machine-parseable protocol interoperable with approaches emerging around the EU's Article 4(3); it should be assertable collectively through a CMO-maintained registry; and it should attach to a work through portable metadata, not the domain it is scraped from, since Kazakh-language content is frequently mirrored across platforms the author does not control.

Article 22 already assigns this procedure to "the authorized body in the field of artificial intelligence" (Law No. 230-VIII, arts. 1, 22), a body the Law defines functionally. It is presumptively the Ministry of Artificial Intelligence and Digital Development, established in 2025, though the Law does not name that ministry by title. The existing framework could provide a basis for closing the remaining gap: that body could exercise its Article 22 mandate to confirm, by

implementing regulation, that the procedure extends to Article 23(5) and publish a technical specification comparable to the AI Act Article 53(1)(d) template, while the body accrediting CMOs under Article 46-2 could certify that a registry-based mechanism satisfies it, subject to appropriate implementing rules and, if necessary, targeted legislative clarification.

Collective management organizations, foreign developers, and transparency

CMOs could, without new legislation beyond an implementing regulation under Article 43, operate the opt-out registry, negotiate standardized Phase 2 licensing terms (Section 4), and serve as an evidentiary intermediary for the market-dilution and substitution showings proposed in Section 7, since an organization aggregating data across its membership is better positioned than an individual author to demonstrate a market-wide effect.

Most foundation-model training occurs outside Kazakhstan, by developers with no local presence. This is the same territorial problem that caused Getty's UK training claim to fail on jurisdictional grounds. Two more realistic points of leverage exist instead. First, since Article 23(5)'s permission is conditioned on the absence of an opt-out, a developer that trains without querying a registry cannot claim the provision's benefit for works that were opted out, since the condition attaches to the work, not the training location. Second, deployment-stage obligations are more enforceable. A developer offering a commercial product to Kazakhstani users can be required to demonstrate compliance with transparency obligations modeled on AI Act Article 53(1)(c)-(d): a copyright-compliance policy and a training-content summary in a format issued by the authorized body under its Article 22 mandate, supplying the evidentiary basis the Phase 2 test requires.

Remaining practical problems

Three problems remain. There is no reliable way, with current technical means, to verify that a foreign-trained model actually queried a registry before training, which is a further reason to place enforcement leverage at deployment. Because accreditation under Article 46-2 is voluntary, not every collective management organization holds it, so the opt-out function would need to be consolidated within accredited organizations to avoid a fragmented registry. And because the Law already permits training absent an opt-out, any later standardization would need transitional provisions for models already trained, an issue my copyright-focused analysis cannot resolve.

In summary, I recommend:

1. Implementing regulation confirming that Article 22 extends to the Article 23(5) signal and specifying a standardized opt-out format;
2. Authorization for accredited CMOs to operate registries and negotiate Phase 2 licensing under their Article 43 functions;
3. A transparency and compliance-disclosure requirement modeled on AI Act Article 53;
4. Confirmation that Article 23(5) compliance governs training lawfulness but not deployment-stage market-harm claims;
5. A preserved, non-waivable research exception paralleling Article 3 of Directive EU 2019/790.

None requires a new regulatory body; each attaches a previously unconfirmed extension to a mandate that already exists (Turetskiy, 2025).

Discussion

a) More than a policy preference

Section 6's pattern supports a claim stronger than "a phased approach seems reasonable". Courts can be read as already applying something like a phase distinction without naming it, since

the four decisions turning on ingestion versus deployment (Section 6) align consistently with that boundary. This doctrinal continuity across different factual contexts is evidence the distinction tracks something the case law treats as significant, though it remains my own synthesis rather than a rule any court has adopted.

b) Two counterarguments and their limits

The most serious counterargument is that a broader ex ante licensing requirement would protect creators more reliably than a permissive Phase 1 standard depending on litigation-stage evidence. That concern has real force, since building an evidentiary record is costly and, as *Kadrey* shows, can fail even where a plausible theory of harm exists. The response is not that this concern is misplaced, but that requiring individual licenses for the full universe of training works would relocate the transaction-cost problem instead of eliminating it, risking the same market-concentration outcome the innovation-oriented camp warns against (Section 4). The reverse concern is equally real. An unqualified fair-use presumption risks ignoring the downstream substitution *Warhol* and *ROSS* recognized as significant. Section 7's framework does not split the difference. It assigns each concern to the pipeline stage where it is decidable. The collective-registry mechanism addresses consent at Phase 1 without individual licensing, while the three Phase 2 showings, made provable through transparency obligations, address speculative harm without ignoring genuine substitution.

c) Implications for Kazakhstan and what remains open

For Kazakhstan, Article 23(5), evaluated against Phase 1 concerns alone, is a defensible design choice, not the underdeveloped provision it is sometimes taken to be. Its real deficiency is the absence of a Phase 2 layer and of confirmation that the institutional infrastructure the Law already contains in general form, such as the Article 22 procedure and the Article 46-2 accreditation mechanism, has been connected to the Article 23(5) signal specifically. This reframes the legislative task facing Kazakhstan as completing Article 23(5), not replacing it, in the ways detailed in Section 8.

I do not claim that the three Phase 2 showings are exhaustive, or that courts applying them would reach uniform results; *Kadrey* itself shows how much turns on the adequacy of a specific evidentiary record. Nor do I claim that a machine-readable opt-out, however well standardized, can solve the identification problems that make individual consent difficult to obtain at scale. A rightsholder who never learns a registry exists cannot use it. These are acknowledged limits of the framework, not defects to be argued away.

Conclusion

This article asked how the fourth fair use factor should be structured to distinguish AI training uses causing cognizable market harm from those that do not, now that training-data licensing markets have begun to emerge, and what the answer means for Kazakhstan's own AI training exception. The disagreement among courts and scholars is best explained not as one about whether AI training is lawful, but as one produced by applying a single standard to a use occurring in two doctrinally distinct phases. Read individually, four of the six cases examined can be read as already tracking this distinction in substance, even though none articulates it as a general rule, while *Getty* and the pending *New York Times* litigation show how easily a holding can be overstated and how much remains unresolved.

My contribution is the phase-based framework developed in Section 7, proposed as an

analytical synthesis of the comparative and case-law analysis, not as a rule already settled in any jurisdiction's case law. Collective licensing and transparency obligations are not peripheral to it; they make the phase distinction administrable by giving rightsholders a realistic way to exercise the Phase 1 opt-out and giving both rightsholders and courts the evidentiary basis the Phase 2 standard requires. For Kazakhstan, Article 23(5) is a workable Phase 1 mechanism already in place, closely resembling the EU's Article 4(3), but it operates without confirmation that Article 22 extends to it, without a settled institutional assignment for the registry function, and without a Phase 2 counterpart; Section 8's recommendations use institutions Kazakhstan already has, though implementing regulation, and in some respects legislative clarification, would still be needed to connect them.

What remains uncertain is not a minor residue: the evidentiary threshold for market dilution remains unsettled even in the United States, as *Kadrey* shows; the territorial reach of any Kazakhstani rule over foreign-trained models raises jurisdictional problems UK courts have not resolved domestically, as *Getty* illustrates; and the pending *New York Times* litigation may yet reshape how downstream substitution is analyzed. Future research should test the proposed Phase 2 showings against evidentiary records as such litigation develops, examine whether an Article 22 implementing regulation is adopted and how it defines its scope, and assess empirically whether Kazakhstan's collective-management sector has the capacity to operate the registry function proposed here. A phase-sensitive, evidence-based framework does not remove these uncertainties; it offers a more defensible place to locate them than either an undifferentiated fair-use presumption or an undifferentiated licensing requirement.

References

- Akshalova, R.D., & Muhammad, I. (2024). Subjects of intellectual property rights, created by artificial intelligence. *Eurasian Journal of International Law (EAJIL)*, 2024, #1, 51-58. <https://www.doi.org/10.32523/2791-0954-2024-8-1-51-58>
- Andersen et al v. Stability AI Ltd. et al. (2024) No. 3:2023cv00201 - Document 166. United States District Court northern District Of California <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/california/candce/3:2023cv00201/407208/166/>
- Andy Warhol Foundation for Visual Arts, Inc. v. Goldsmith, 598 U.S. (2023). Docket No.21-869. Supreme Court Of The United States. <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/598/21-869/>
- Aronov A. K. & Idrysheva S. K. (2024). Copyright Protection On Works Generated By Artificial Intelligence. *Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the RK*, №2(77)-2024, 146-157. https://doi.org/10.52026/2788-5291_2024_77_2_146
- Authors Guild v. Google, Inc. (2015). No. 13-4829. United States Court Of Appeals For The Second Circuit. <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca2/13-4829/13-4829-2015-10-16.html>
- Buick, A. (2025). Copyright and AI training data – transparency to the rescue? *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, Volume 20, Issue 3, March 2025, Pages 182-192, <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpae102>
- Cal. Assemb. B. 2013 (Generative AI Training Data Transparency Act), 2024 Reg. Sess. (Cal. 2024) (effective Jan. 1, 2026). https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=202320240AB2013

- de la Durantaye, K. (2025). Control and Compensation. A Comparative Analysis of Copyright Exceptions for Training Generative AI. *International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC)*, 56, 737-770 (2025). <https://doi.org/10.1007/s40319-025-01569-6>
- Directive EU 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on Copyright and Related Rights in the Digital Single Market. <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj/eng>
- Directive 2014/26/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on Collective Management of Copyright and Related Rights and Multi-Territorial Licensing of Rights in Musical Works for Online Use in the Internal Market. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014L0026>
- Dornis, T. W., & Stober, S. (2025). Generative AI Training and Copyright Law. *Transactions of the International Society for Music Information Retrieval*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2502.15858>
- Fernandes, P. M. (2024). AI Training and Copyright: Should Intellectual Property Law Allow Machines to Learn?. *Bioethica*, 10(2), 8-21. <https://doi.org/10.12681/bioeth.39041>
- Ge, Ch. (2025). Beyond Fair Use and Opt-Out: Forging a Hybrid Copyright Path for Generative AI in China. *Innovative Applications of AI*, Vol.2 Issue 3(2025), 141-146. <https://doi.org/10.70695/10.70695/IAAI202503A9>
- Getty Images v. Stability AI, (2025). EWHC 2863 (Ch). Royal Courts of Justice. <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2025/11/Getty-Images-v-Stability-AI.pdf>
- Guadamuz, A. (2024). A Scanner Darkly: Copyright Infringement in Artificial Intelligence Inputs and Outputs. *GRUR International*, Volume 73, Issue 2, February 2024, Pages 111-127., <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4371204>
- Hardman, B. (2026). When Market Disruption Is Not Market Harm: AI Training, Causation, and the Boundaries of Fair Use (January 21, 2026). Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.6111926>
- Iskakova, J.T., & Kashkin, S.Y. (2020). Modern Copyright Law And The Problems Of Artificial Intelligence Development. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*, 2/2020, 43-52. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.66.2.043-052>
- Kadrey et al v. Meta Platforms, Inc., (2025). No. 3:2023cv03417 - Document 598. United States District Court northern District Of California. <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/california/candce/3:2023cv03417/415175/598/>
- Law of the Republic of Kazakhstan No. 6-I “On Copyright and Related Rights” (June 10, 1996, as amended). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z9600000006>
- Law of the Republic of Kazakhstan No. 230-VIII “On Artificial Intelligence” (November 17, 2025). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z25000000230>
- Liu, G. (2025) Generative Artificial Intelligence Generates Images: Copyright Infringement or Fair Use. *Advances in Education, Humanities and Social Science Research*, Volume 13, Issue 1, 59. <https://doi.org/10.56028/aehtsr.13.1.59.2025>
- Murray, M.D. (2023). Generative AI Art: Copyright Infringement and Fair Use. *SMU Science and Technology Law Review*, Vol.26/2, 258-316. <https://doi.org/10.25172/smustr.26.2.4>
- Opderbeck, D. W. (2024). Copyright in AI Training Data: A Human-Centered Approach. *Oklahoma Law Review*, Vol. 76, 2024 (Forthcoming), *Seton Hall Law School Legal Studies Research Forthcoming*, Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4679299>
- Quang, J. (2021). Does Training AI Violate Copyright Law? *Berkeley Technology Law Journal*, Volume 36, Issue 4, 1407-1436. DOI: <https://doi.org/10.15779/Z38XW47X3K>

- Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj>
- Rodriguez Maffioli, D. (2023). Copyright in Generative AI training: Balancing Fair Use through Standardization and Transparency. Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4579322>
- Rosati, E. (2025). Copyright Exceptions and Fair Use Defences for AI Training Done for “Research” and “Learning,” or the Inescapable Licensing Horizon. *European Journal of Risk Regulation*, Vol. 16, Issue 3, 961-984. <https://doi.org/10.1017/err.2025.10035>
- Samuelson, P. (2023). Generative AI meets copyright. *Science Journal*, Vol. 381/6654, 158-161. <https://www.science.org/doi/10.1126/science.adi0656>
- Samuelson, P. (2024) How to Think about Remedies in the Generative AI Copyright Cases. *Communications of the ACM*, Volume 67, Issue 7, 27-30. <https://doi.org/10.1145/3654699>
- Section 107, Title 17 of the United States Code (Limitations on Exclusive Rights: Fair Use). <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/107>
- Statement of Interest of the United States, *In re OpenAI, Inc., Copyright Infringement Litigation*, No. 1:25-md-03143-SHS-OTW (S.D.N.Y. Sept. 1, 2026). <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.nysd.640396/gov.uscourts.nysd.640396.1669.0.pdf>
- Tang, X. (2021). Can Copyright Holders Do Harm to Their Own Works? A Reverse Theory of Fair Use Market Harm. 54 U.C. Davis L. Rev. 1245 (2021), *UCLA School of Law*, Public Law Research Paper No. 21-13, Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3264238>
- Temirbekov, Zh. (2021). Artificial intelligence and law: brief overview. *Law and State*, 3(92), 2021-01-01, 142-156. DOI: 10.51634/2307-5201_2021_3_142
- The New York Times Company v. Microsoft Corporation et al. (2025). No. 1:2023cv11195 - Document 514 (S.D.N.Y. 2025). United States District Courtsouthern District Of New York <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-york/nysdce/1:2023cv11195/612697/514/>
- Thomson Reuters Enterprise Centre GmbH v. ROSS Intelligence Inc., (2025). No. 1:20-cv-613-SB, 2025 WL 458520 (D. Del. Feb. 11, 2025). <https://www.ded.uscourts.gov/opinion/thomson-reuters-enterprise-centre-gmbh-et-al-v-ross-intelligence-inc-5>
- Torrance, A. W., & Tomlinson, B. (2023) Training Is Everything: Artificial Intelligence, Copyright, and Fair Training. *ArXiv*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.03720>
- Turetskiy, N.N. (2025). About The Law Of The Republic Of Kazakhstan “On Artificial Intelligence”. *Bulletin Of Institute Of Legislation And Legal Information Of The Republic Of Kazakhstan*, Volume 80, No4-2025, 398-408. https://doi.org/10.52026/2788-5291_2025_80_4_398
- U.S. Copyright Office. (2025). *Copyright and artificial intelligence, part 3: Generative AI training* (Pre-publication version). <https://www.copyright.gov/ai/Copyright-and-Artificial-Intelligence-Part-3-Generative-AI-Training-Report-Pre-Publication-Version.pdf>

FTAMP: 10.41.29

ЖИ-ді оқыту деректерін лицензиялаудың дамуы: әділ пайдалану мен нарықтық зиянды қайта бағалау

Жақсылық Айша
СДУ Университеті, Қаскелең, Қазақстан
email: 251407001@sdu.edu.kz

Аңдатпа

Генеративті жасанды интеллект (ЖИ) жүйелерін оқыту үшін авторлық құқықпен қорғалатын туындыларды рұқсатсыз пайдалану – қазіргі авторлық құқықтағы ең даулы мәселелердің бірі. Соттар мен ғалымдар әділ пайдаланудың төртінші факторын деректерді жинау, модельді оқыту және коммерциялық енгізу кезеңдерін қамтитын процеске қалай қолдану керектігі туралы бірыңғай пікірге келе алмай отыр. Мақалада оқыту деректерін лицензиялау нарықтары қалыптасқан сайын әділ пайдаланудың төртінші факторы шеңберінде нарыққа келетін зиянды бағалау қалай құрылымдалуы тиіс екені және мұны машиналық оқылатын опт-аут ережесін қабылдаған Қазақстан үшін не білдіретіні зерттеледі. АҚШ пен ЕО авторлық құқығына доктриналық талдау, салыстырмалы-құқықтық әдіс және үш ғылыми ұстанымның сыни синтезін қолдана отырып, мақала соңғы алты сот шешімін, оның ішінде *Andy Warhol Foundation v. Goldsmith*, *Kadrey v. Meta* және *Thomson Reuters v. ROSS Intelligence* істерін, нақты немен шешілгені тұрғысынан қайта талдайды. Талдау көрсеткендей, қолданыстағы тәсілдер доктриналық тұрғыдан ерекшеленетін екі кезеңдегі пайдалануға бірыңғай стандарт қолданады. Сондықтан мақала кезеңдік модельді ұсынады: оқыту процесінің бастапқы кезеңіне қатысты неғұрлым икемді бағалау стандартын, ал коммерциялық енгізу кезеңінде қолданылатын қатаңырақ тексеру стандарттарымен ұштастырады, әрі бұл модель ұжымдық лицензиялау мен ашықтық міндеттемелерімен толықтырылады. Осы модельді Қазақстанға қолдана отырып, мақала Қазақстан Республикасының «Жасанды Интеллект туралы» Заңының 23-бабының 5-тармағында көзделген машиналық оқылатын опт-аут ережесін бағалайды және қолданыстағы ұжымдық басқару инфрақұрылымына негізделген институционалдық жүйе ұсынады.

Кілт сөздер: ЖИ оқыту, авторлық құқық, әділ пайдалану, нарықтық зиян, лицензиялау

МРНТИ: 10.41.29

Развитие лицензирования данных для обучения ИИ: переоценка добросовестного использования и рыночного ущерба

Жақсылық Айша
Университет СДУ, Каскелен, Казахстан
email: 251407001@sdu.edu.kz

Аннотация

Нелицензированное использование охраняемых авторским правом произведений для обучения генеративных систем искусственного интеллекта (ИИ) – один из наиболее спорных вопросов авторского права. Суды и исследователи расходятся во мнениях относительно того, как четвертый фактор добросовестного использования должен применяться к процессу сбора данных, обучения модели и коммерческого внедрения. В статье исследуется, как должен быть структурирован

анализ рыночного ущерба по четвёртому фактору в условиях формирования рынков лицензирования обучающих данных, и что это означает для Казахстана, принявшего норму об отказе (opt-out) от использования произведений для обучения ИИ без развитой доктринальной основы. На основе доктринального анализа права США и ЕС, сравнительно-правового метода и критического синтеза трёх научных позиций статья заново анализирует шесть недавних решений, включая *Andy Warhol Foundation v. Goldsmith*, *Kadrey v. Meta* и *Thomson Reuters v. ROSS Intelligence*, с точки зрения того, что было решено. Показано, что существующие подходы применяют единый стандарт проверки к использованию в двух доктринально различных фазах, и предлагается поэтапная модель: разрешительный стандарт оценки для начального этапа обучения и усиленный контроль для этапа коммерческого внедрения, дополненные коллективным лицензированием и прозрачностью. Применяя эту модель к Казахстану, статья оценивает машиночитаемый механизм отказа, предусмотренный пунктом 5 статьи 23 Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте», и предлагает институциональный механизм на основе существующей инфраструктуры коллективного управления.

Ключевые слова: обучение ИИ, авторское право, добросовестное использование, рыночный ущерб, лицензирование

Received: 28 April, 2026

DOI: <https://doi.org/10.47344/mb9nks55>

MPHTI: 10.79.01

Виктимблейминг как фактор нарушения прав потерпевших: правовые и социальные аспекты

Аманлык Гулимов¹, Аружан Төрехан^{2*}¹Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, Нукус, Узбекистан²Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре, Астана, Казахстан*email: torekhanaruzhan173@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена виктимблеймингу — возложению ответственности за преступление на пострадавшего — в социальных сетях и его влиянию на реализацию прав потерпевших в уголовном процессе. Актуальность обусловлена ростом влияния цифровых платформ на восприятие резонансных уголовных дел и отсутствием в казахстанской литературе системного правового анализа этого явления. Работа выполнена как доктринальное и сравнительно-правовое исследование, дополненное междисциплинарным анализом научной литературы. Рассмотрены психологические механизмы виктимблейминга (гипотеза справедливого мира, мифы об изнасиловании, эффект онлайн-растормаживания) и его связь с вторичной виктимизацией. Виктимблейминг разграничен с оценочными суждениями, распространением порочащих сведений, оскорблением и клеветой; проанализированы нормы УК, КоАП, ГК и УПК Республики Казахстан. Казахстанское регулирование сопоставлено с Директивой 2012/29/ЕС, Регламентом ЕС о цифровых услугах, практикой Европейского суда по правам человека, а также с опытом Республики Узбекистан и других государств СНГ. Установлено, что действующие нормы охватывают лишь те формы виктимблейминга, которые отвечают признакам оскорбления, клеветы или нарушения неприкосновенности частной жизни, и требуют установления конкретного автора высказывания, что затрудняет защиту от массового анонимного обвинения. Сформулированы предложения по совершенствованию УПК РК, законодательства об онлайн-платформах и практики органов прокуратуры.

Ключевые слова: виктимблейминг; права потерпевших; вторичная виктимизация; социальные сети; уголовный процесс

Введение

Развитие социальных платформ и цифровых медиа кардинально изменило то, как общество узнаёт о преступлениях и реагирует на них. Если ранее информация о правонарушении доходила до ограниченного круга лиц — семьи, соседей, местного сообщества, — то сегодня практически любой резонансный случай становится предметом открытого обсуждения тысяч, а иногда и миллионов пользователей. В этой публичной дискуссии наряду с сочувствием к пострадавшему всё чаще звучит и обратная реакция — виктимблейминг (от англ. victim blaming — «обвинение жертвы»), то есть перенос ответственности за совершённое преступление на самого пострадавшего: на его поведение, внешний вид, образ жизни, решения, принятые до или во время правонарушения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-

первых, виктимблейминг перестал быть маргинальным явлением бытового общения и приобрёл системный, массовый характер именно благодаря архитектуре социальных платформ: алгоритмы, поощряющие эмоционально заряженный контент, комментарии без модерации и анонимность пользователей создают среду, в которой обвинение жертвы распространяется быстрее и охватывает более широкую аудиторию, чем сама информация о преступлении (Brady et al., 2017; Stubbs-Richardson et al., 2018). Во-вторых, виктимблейминг не является безобидной формой общественной дискуссии: согласно исследованиям в области виктимологии, публичное обвинение пострадавшего усиливает вторичную виктимизацию — причинение ему дополнительного психологического вреда уже после самого преступления, на этот раз со стороны общества, правоохранительной системы или медиа (Campbell & Raja, 1999; Orth, 2002; Campbell, 2008). В-третьих, для правовой системы Республики Казахстан вопрос имеет практическое значение: потерпевший обладает процессуальными правами, гарантированными Уголовно-процессуальным кодексом РК, однако правовые механизмы защиты чести и достоинства (ст. 131 УК РК «Оскорбление», ст. 73-3 КоАП РК «Клевета») по своей конструкции охватывают лишь отдельные формы виктимблейминга в онлайн-пространстве, а практика их применения к высказываниям о пострадавших в казахстанской литературе не изучена. Тем самым сохраняется значительный разрыв между декларируемой защитой прав пострадавших и её практической реализацией — особенно на фоне того, что Конституция Республики Казахстан, принятая на референдуме 15 марта 2026 года и вступившая в силу 1 июля 2026 года, усилила гарантии достоинства личности, неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных.

Исследовательский вопрос. В какой мере нормы действующего законодательства Республики Казахстан по своей конструкции охватывают различные формы виктимблейминга в социальных сетях и какие правовые меры, в том числе с учётом опыта государств СНГ и международных стандартов, способны снизить связанный с ним риск вторичной виктимизации пострадавших?

Цель статьи — провести правовой и социальный анализ виктимблейминга в социальных сетях как фактора вторичной виктимизации пострадавших, определить, какими правовыми инструментами располагает Республика Казахстан для защиты их прав в этом контексте, сопоставить их с международными стандартами и опытом государств СНГ, прежде всего Республики Узбекистан, и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Основной аргумент работы заключается в том, что виктимблейминг в социальных сетях представляет собой не только этическую, но и юридически значимую проблему: он способен причинять пострадавшему самостоятельный вред, в отдельных своих формах соприкасается с составами, защищающими честь и достоинство личности, и должен рассматриваться правоприменительными органами и институтами (прокуратурой, судом, службами поддержки пострадавших) как фактор, требующий проактивного реагирования, а не как «естественная» реакция общественности.

Далее в статье последовательно рассматриваются: психологические механизмы виктимблейминга (гипотеза справедливого мира М. Лернера, мифы об изнасиловании), его проявления в цифровой среде, институциональные формы и исследовательский пробел применительно к казахстанскому контексту (раздел «Анализ научных подходов и исследовательский пробел»); методология исследования, основанная на доктринальном и сравнительно-правовом анализе (раздел «Методологическая основа исследования»); разграничение виктимблейминга и смежных правовых категорий, результаты анализа

законодательства РК и его сопоставление с международными стандартами, практикой ЕСПЧ, а также с опытом Республики Узбекистан и других государств СНГ (раздел «Результаты проведённого анализа»); обсуждение и предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики (раздел «Обсуждение результатов и практические предложения»); итоговые выводы и направления дальнейших исследований (раздел «Заклучение»).

Анализ научных подходов и исследовательский пробел

Психологические механизмы обвинения потерпевшего

Сам термин «обвинение жертвы» (blaming the victim) ввёл в научный оборот американский психолог У. Райан, который в одноимённой книге критиковал распространённую практику объяснять социальные проблемы недостатками самих пострадавших, а не структурными причинами (Ryan, 1971). Фундаментальное психологическое объяснение этого феномена американский социальный психолог Мелвин Лернер в теории веры в справедливый мир (just-world hypothesis). Согласно Lerner (1980), люди психологически нуждаются в вере в то, что мир устроен справедливо и каждый получает то, что заслуживает. Когда эта вера сталкивается со свидетельством незаслуженного страдания невинного человека, наблюдатель испытывает когнитивный диссонанс, который разрешается одним из двух способов — либо реальной помощью жертве, либо переоценкой ситуации так, чтобы жертва оказалась частично ответственной за произошедшее. Именно второй, более простой путь чаще реализуется в анонимной и эмоционально дистанцированной среде социальных сетей, где у комментирующего нет ни возможности, ни мотивации оказать реальную помощь.

Экспериментальную основу этой теории заложило исследование Lerner и Simmons (1966): участники, наблюдавшие за человеком, который якобы получал болезненные удары током, и не имевшие возможности прекратить его страдания, оценивали «жертву» ниже, чем те, кто мог ей помочь. Обзор Hafer и Bègue (2005), обобщивший несколько десятилетий экспериментальных работ, подтвердил, что склонность обесценивать невинную жертву усиливается именно тогда, когда наблюдатель не может восстановить справедливость иным способом. Более поздние работы уточнили, от чего зависит интенсивность обвинения. Niemi и Young (2016) показали, что приверженность так называемым «связующим» ценностям (лояльность, послушание, «чистота») предсказывает склонность видеть в жертве ответственного за произошедшее, а смещение языкового фокуса с жертвы на преступника в описании события снижает уровень обвинения. Harber, Podolski и Williams (2015) установили, что наблюдатели, находящиеся в состоянии эмоционального напряжения, обвиняют жертву сильнее, а возможность выговориться (эмоциональное раскрытие) снижает эту реакцию. Для правоприменителя последние два вывода имеют прямое практическое значение: формулировки официальных сообщений влияют на то, насколько общество склонно обвинять пострадавшего.

Последующие эмпирические исследования детализировали этот механизм применительно к преступлениям против личности, прежде всего к сексуальному насилию. Понятие «мифов об изнасиловании» (rape myths) — широко распространённых ложных убеждений, оправдывающих насилие и перекладывающих вину на жертву, — ввела Burt (1980); Lonsway и Fitzgerald (1994) систематизировали его содержание и методы измерения.

Метаанализ Suarez и Gadalla (2010), охвативший 37 исследований, показал устойчивую связь между принятием таких мифов, враждебными установками в отношении женщин и оправданием насилия. Обзор Grubb и Turner (2012) выявил, что характеристики самой жертвы (употребление алкоголя, стиль одежды, поведение до нападения) систематически используются наблюдателями как основание для приписывания ей ответственности, несмотря на отсутствие причинно-следственной связи между этими характеристиками и виновностью преступника. Van der Bruggen и Grubb (2014) предложили таксономию «латентных» и «явных» мифов, позволяющую различать открытое обвинение («сама виновата») и скрытые формы сомнения в достоверности слов пострадавшей.

Цифровая среда как усилитель виктимблейминга

Особенности онлайн-коммуникации объясняют, почему социальные сети не просто воспроизводят, а усиливают обвинение жертвы. Suler (2004) описал эффект онлайн-растормаживания (online disinhibition effect): анонимность, невидимость собеседника и отсутствие немедленной обратной связи снижают внутренние ограничители и повышают вероятность грубых и категоричных высказываний. Brady и соавторы (2017), проанализировав более полумиллиона сообщений в Twitter на остро дискуссионные темы, установили, что каждое дополнительное морально-эмоциональное слово в сообщении увеличивало вероятность его распространения примерно на 20%. Тем самым алгоритмическая логика платформ, ориентированная на вовлечённость, объективно благоприятствует эмоционально заряженным обвинительным комментариям.

Прямое подтверждение этому получено в исследованиях, посвящённых именно виктимблеймингу. Stubbs-Richardson, Rader и Cosby (2018), проведя качественный контент-анализ твитов о трёх резонансных делах о сексуальном насилии (включая дела в Стьюбенвилле и Торрингтоне), выявили, что пользователи, публиковавшие обвиняющие жертву сообщения, чаще получали ретвиты и имели больше подписчиков, чем пользователи, выражавшие поддержку пострадавшим. Citron (2014), анализируя онлайн-травлю, показала, что её жертвами непропорционально часто становятся женщины, а последствия — уход из публичного пространства, психологический вред, профессиональные потери — вполне сопоставимы с последствиями офлайн-преследования, что требует правового, а не только этического ответа.

Вторичная виктимизация как результат обвинения потерпевшего

Особое значение для юридического анализа имеет связь виктимблейминга с вторичной виктимизацией — причинением потерпевшему дополнительного вреда не самим преступлением, а последующей реакцией окружения, включая правоохранительные органы, медиа и общество в целом. Campbell и Raja (1999) на материале опроса специалистов, оказывающих помощь пострадавшим от сексуального насилия, показали, что обвиняющий или недоверчивый отклик институций способен причинить травматизацию, сопоставимую по интенсивности с самим преступлением. В обзорной работе Campbell (2008) обобщены данные о том, что негативный опыт взаимодействия с правовой и медицинской системами связан с усилением посттравматической симптоматики, а сами пострадавшие нередко описывают его как «второе изнасилование». Maier (2008) на основе интервью с адвокатами-консультантами пострадавших зафиксировала типичные формы такой ревиктимизации: вопросы о поведении и одежде, сомнения в достоверности показаний, отказ в регистрации заявления.

Не менее важны данные о влиянии неформальной, «бытовой» реакции окружения.

Ullman (1996) установила, что негативные социальные реакции на раскрытие факта насилия (обвинение, неверие, попытки контроля) связаны с более тяжёлыми последствиями для психологической адаптации пострадавших и с усилением самообвинения. Ahrens (2006) показала, что негативная реакция первых собеседников нередко приводит к тому, что пострадавшие полностью прекращают рассказывать о случившемся, а значит, не обращаются и в полицию. Orth (2002), исследуя переживания потерпевших в ходе уголовного процесса, подтвердил, что субъективное восприятие несправедливого или обвиняющего отношения со стороны участников процесса коррелирует с ухудшением психологического состояния независимо от исхода дела. Herman (2005), обобщив интервью с пострадавшими, пришла к выводу, что для них ключевое значение имеют не столько суровость наказания, сколько публичное признание причинённого вреда и отказ общества от обвинения жертвы. Перенос этих выводов в контекст социальных сетей логичен: публичный, тиражируемый и постоянно доступный характер обвиняющих комментариев делает вторичную виктимизацию не единичным эпизодом, а растянутым во времени процессом, от которого пострадавший практически не может защититься самостоятельно.

Виктимблейминг в русскоязычной научной литературе

В постсоветской литературе, близкой к казахстанскому контексту по языку и правовой традиции, виктимблейминг изучен значительно меньше, чем в англоязычной. Традиционно отечественная виктимология концентрировалась на виктимном поведении самой жертвы как одном из факторов механизма преступления (Христенко, 2004), что при некорректной интерпретации рискует смещаться в сторону возложения на пострадавшего ответственности за произошедшее. Лофиченко и Колесник (2018) рассматривают виктимблейминг как социокультурное явление современного российского общества, а Майдикова (2019) — как проблему, непосредственно затрагивающую положение жертв преступлений. Социально-психологические основания обвинения жертвы, связанные с межгрупповыми установками и атрибуцией ответственности, анализируются в работах по психологии межгрупповых отношений (Гулевич, 2017). Социально-правовой аспект проблемы раскрывается в исследованиях домашнего насилия (Ершова & Айвазова, 2013) и в дискуссии о декриминализации побоев в Российской Федерации, где авторы связывают смягчение уголовно-правовой реакции с устойчивыми патриархальными традициями и терпимостью общества к насилию в семье (Ворошилова & Музыканкина, 2019). Эти работы свидетельствуют о том, что для постсоветского пространства характерны сходные культурные установки, однако в них, как и в казахстанской литературе, практически не рассматривается онлайн-измерение виктимблейминга и его соотношение с процессуальными правами потерпевшего.

Специфика казахстанского правового контекста

В Республике Казахстан специализированные эмпирические исследования виктимблейминга в социальных сетях остаются немногочисленными, что само по себе указывает на пробел в отечественной юридической и социологической литературе. Имеющиеся материалы казахстанских правозащитных организаций (в частности, ресурсного центра drfl.kz) фиксируют распространённость обвиняющих реакций в комментариях к резонансным делам о бытовом и сексуальном насилии, но носят преимущественно описательный характер и не сопровождаются системным правовым анализом того, какие инструменты действующего законодательства применимы к подобным ситуациям.

Самостоятельного рассмотрения требует трансформация уголовно-правовой защиты чести и достоинства: клевета (ранее — ст. 130 УК РК) была декриминализована Законом РК от 27 июня 2020 года и переведена в разряд административных правонарушений (ст. 73-3 КоАП РК), тогда как оскорбление (ст. 131 УК РК) сохраняет статус уголовно наказуемого деяния; норма действует по состоянию на 2026 год в редакции Закона РК от 19 июня 2024 года № 94-VIII. Эта асимметрия — при том что виктимблейминг по своей юридической природе чаще ближе к оскорблению или распространению порочащих сведений, чем к классической клевете, — не получила отражения в казахстанской академической литературе применительно к защите пострадавших от вторичной виктимизации в онлайн-пространстве.

Показательным примером сосуществования виктимблейминга и институциональной реакции на него служит широко освещавшееся дело об убийстве Салтанат Нукуновой, в котором обвиняемым выступил её супруг Куандык Бишимбаев. Наряду с волной сочувствия наблюдалось значительное число публичных высказываний, ставивших под сомнение поведение потерпевшей и фактически перекладывавших на неё часть ответственности за произошедшее (factcheck.kz, 2024). Одновременно именно этот резонансный случай ускорил принятие 15 апреля 2024 года так называемого «Закона Салтанат» — Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей», усилившего ответственность за бытовое насилие и вступившего в силу в июне 2024 года (informburo.kz, 2024). Этот пример демонстрирует, что обвинение жертвы в публичном пространстве может сосуществовать с одновременной законодательной реакцией на первопричину проблемы.

Адвокат Султан Сахариев обращает внимание на то, что за сами по себе виктимблеймские высказывания в казахстанском законодательстве не предусмотрено специальной ответственности: *de lege lata* такие комментарии, как правило, остаются вне сферы действия норм о защите чести и достоинства, пока не достигают порога оскорбления конкретного лица. Примерами публичных высказываний, которые наблюдатели расценили как виктимблейминг, послужили заявления депутатов Анаса Баккожаева и Жаркынбека Амантая (factcheck.kz, 2024). Масштаб проблемы подтверждается и статистикой МВД РК, согласно которой от 70 до 90 процентов пострадавших от бытового насилия не обращаются с заявлением в правоохранительные органы (данные за 2021 год) — показатель, который исследователи и правозащитники связывают в том числе со страхом общественного осуждения (informburo.kz со ссылкой на Human Rights Watch, 2024). Этот вывод согласуется с зарубежными данными о том, что негативная реакция окружения снижает готовность пострадавших обращаться за защитой (Ahrens, 2006; Ullman, 1996).

Медиа и институциональные формы виктимблейминга: сравнительный аспект

Как свидетельствуют зарубежные исследования, виктимблейминг не ограничивается стихийной реакцией анонимных пользователей, а воспроизводится и усиливается институционально — через средства массовой информации и работу самой системы уголовного правосудия. Thacker и Day (2017), анализируя освещение резонансного дела об изнасиловании в Стьюбенвилле (США), установили, что медиа систематически акцентировали внимание на биографии, алкогольном опьянении и «репутации» потерпевшей, одновременно выражая сочувствие обвиняемым, что закрепляет дихотомию «хорошей» и «плохой» жертвы. Поскольку для значительной части аудитории медиа остаются основным источником представлений о преступности, подобные фреймы формируют восприятие виктимблейминга как социально приемлемой реакции.

Более того, виктимблейминг проявляется и внутри системы уголовного правосудия: полиция, прокуроры, судьи и присяжные — как участники того же общества — демонстрируют скептицизм в отношении пострадавших от сексуального насилия, задают вопросы об их прошлом сексуальном поведении и алкогольном опьянении, что фактически переносит бремя доказывания добросовестности на саму жертву (Allison & Wrightsman, 1993, как цит. в Thacker & Day, 2017; Maier, 2008). Такая реакция сохраняется, несмотря на данные о том, что доля заведомо ложных заявлений об изнасиловании составляет лишь от 2 до 10 процентов (Lisak et al., 2010), то есть предположение о массовой недобросовестности пострадавших эмпирически не подтверждается. Самостоятельного рассмотрения требует практика назначения потерпевшим психологических экспертиз не столько для оценки причинённого вреда, сколько для проверки достоверности их показаний, что усиливает у пострадавших ощущение «повторного насилия» уже со стороны системы правосудия (Mazza, 2012, как цит. в Thacker & Day, 2017).

Применительно к Казахстану из этих данных следуют два вывода. С одной стороны, они свидетельствуют о том, что институциональный виктимблейминг — явление не специфически казахстанское, а структурное, свойственное системам уголовного правосудия в целом, что усиливает аргумент в пользу целенаправленной подготовки правоприменителей, а не точечного реагирования на отдельные случаи. С другой стороны, они обнаруживают неразработанное в отечественной литературе направление — эмпирическое изучение того, воспроизводится ли аналогичная динамика (вопросы потерпевшим об их поведении, одежде, состоянии опьянения) в казахстанской следственной и судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности.

Модерация цифрового контента и процедурные ограничения

Помимо материально-правового регулирования, отдельного анализа заслуживает архитектура самой цифровой среды. Для отдельных категорий контента — экстремистских и террористических материалов, детской порнографии, заведомо ложной информации, создающей угрозу общественному порядку, — законодательство Республики Казахстан и внутренняя политика крупных платформ предусматривают относительно оперативные механизмы блокировки или удаления. Комментарии, обвиняющие пострадавшего, такого специального режима не имеют. Формально они могут подпадать под общие нормы о защите чести и достоинства, но на практике их удаление требует либо индивидуального обращения самого пострадавшего к администрации платформы, что для человека в состоянии посттравматического стресса затруднительно, либо судебного разбирательства в отношении конкретного, установленного автора, что редко достижимо при множестве анонимных комментаторов.

Из этого структурного различия следует, что проблема не сводится к содержанию материально-правовых норм, а затрагивает и процедурно-технический уровень — отсутствие быстрого и доступного пострадавшему механизма реагирования на массовое обвиняющее комментирование, аналогичного механизмам для других категорий вредоносного контента. Ни один из действующих в Республике Казахстан нормативных актов не содержит специального механизма взаимодействия государственных органов с операторами социальных платформ применительно к виктимблеймингу и защите пострадавших. Для сравнения: в Европейском союзе Регламент (ЕС) 2022/2065 о цифровых услугах (Digital Services Act) обязывает платформы создать доступный механизм уведомления о незаконном контенте (ст. 16) и приоритетно рассматривать уведомления «доверенных сигнализаторов»

(trusted flaggers, ст. 22), к которым могут относиться и организации поддержки пострадавших. Таким образом, наряду с пробелом в материально-правовом регулировании существует и пробел в процедурном обеспечении защиты пострадавших на уровне платформ.

Исследовательский пробел

Сопоставление рассмотренных источников обнаруживает три взаимосвязанных пробела. Первый касается предмета исследований: психологическая и виктимологическая литература (Lerner, 1980; Hafer & Bègue, 2005; Suarez & Gadalla, 2010; Grubb & Turner, 2012; van der Bruggen & Grubb, 2014; Niemi & Young, 2016) убедительно описывает механизм и распространённость виктимблейминга, а русскоязычные работы (Лофиченко & Колесник, 2018; Майдикова, 2019) фиксируют его как социокультурное явление постсоветского общества, но ни те, ни другие не рассматривают его как объект правового регулирования в цифровой среде. Второй пробел имеет методологический характер: работы по вторичной виктимизации (Campbell & Raja, 1999; Orth, 2002; Campbell, 2008) сфокусированы на институциональном взаимодействии (полиция, суд, медицинские учреждения), тогда как исследования цифровой среды (Suler, 2004; Brady et al., 2017; Stubbs-Richardson et al., 2018) описывают механизмы распространения обвинения, но не оценивают применимые правовые средства защиты. Третий, ключевой для настоящей работы, пробел носит национально-правовой характер: применительно к правовой системе Республики Казахстан отсутствует работа, которая системно связала бы процессуальные права потерпевшего по УПК РК, действующее регулирование защиты чести, достоинства и деловой репутации (с учётом декриминализации клеветы), специфику цифровой среды как самостоятельного источника вторичной виктимизации и международные стандарты защиты пострадавших. Его восполнению и посвящена настоящая статья.

Методологическая основа исследования

Работа носит теоретико-прикладной характер и выполнена посредством доктринально-правового (doctrinal legal research) и сравнительно-правового методов, дополненных междисциплинарным анализом научной литературы на стыке права и социальной психологии. Статья позиционируется как доктринальное и сравнительно-правовое исследование: собственный эмпирический анализ публикаций в социальных сетях в её рамках не проводился. Выбор подхода обусловлен характером исследовательского вопроса: он требует не сбора первичных эмпирических данных, а системной интерпретации действующих правовых норм и их сопоставления с поведенческими закономерностями, установленными в зарубежной виктимологической литературе, и с международными стандартами защиты пострадавших.

Сбор и отбор источников. Первичный материал составили нормативные правовые акты Республики Казахстан: Конституция Республики Казахстан 2026 года в части защиты достоинства личности и неприкосновенности частной жизни, Уголовный кодекс РК (ст. 131 «Оскорбление»), Кодекс об административных правонарушениях РК (ст. 73-3 «Клевета»), Уголовно-процессуальный кодекс РК (ст. 71 — процессуальный статус потерпевшего), а также нормативное постановление Верховного Суда РК от 20 мая 2026 года № 3. Для сравнительно-правового анализа использованы Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (ООН, 1985), Директива 2012/29/ЕС о минимальных стандартах прав, поддержки и защиты жертв преступлений, Директива (ЕС)

2024/1385 о борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, Регламент (ЕС) 2022/2065 о цифровых услугах, Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция, 2011), а также постановления ЕСПЧ по делам *Y. v. Slovenia* (2015), *J.L. v. Italy* (2021) и *Delfi AS v. Estonia* (2015). Для анализа опыта государств СНГ привлечены Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия», Закон Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829, Уголовный кодекс и Кодекс об административной ответственности Республики Узбекистан, постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 20 ноября 2023 года № 30, Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия», Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 года № 17, а также модельный закон МПА СНГ «О противодействии семейно-бытовому насилию» (2026). Вторичный материал включил рецензируемые публикации по виктимологии, социальной психологии и исследованиям цифровых медиа на английском языке, отобранные по критерию тематической релевантности (гипотеза справедливого мира, мифы об изнасиловании, вторичная виктимизация, обвинение жертвы в онлайн-пространстве) и цитируемости. Дополнительно использованы открытые казахстанские источники (разъяснения о декриминализации клеветы, материалы ресурсных центров по защите прав пострадавших от насилия).

Методы анализа. Применены: (1) формально-юридический анализ — толкование норм УК РК, КоАП РК, ГК РК и УПК РК с целью определения того, какие формы высказываний о пострадавших охватываются их признаками; (2) метод разграничения понятий — отграничение виктимблейминга как социально-психологического феномена от оценочных суждений, распространения порочащих сведений, оскорбления и клеветы; (3) сравнительно-правовой анализ — сопоставление правового статуса клеветы до и после декриминализации 2020 года, а также казахстанского регулирования с законодательством Республики Узбекистан и других государств СНГ, с международными и европейскими стандартами защиты пострадавших от вторичной виктимизации; (4) междисциплинарный синтез — сопоставление юридических норм с выводами социальной психологии и виктимологии для оценки того, насколько действующий правовой инструментарий соответствует реальному механизму причинения вреда. Доступные данные правоприменительной практики (статистика по делам об оскорблении, опубликованные результаты изучения судебной практики в Республике Узбекистан, материалы по резонансным делам) используются как иллюстративный материал и не претендуют на репрезентативность.

Ограничения метода. Исследование не включает собственного контент-анализа публикаций в социальных сетях, социологического опроса или сплошного изучения судебной и прокурорской практики. Поэтому его выводы касаются не эффективности правоприменения, а нормативной пригодности действующих норм, то есть их способности по своей конструкции охватывать различные формы виктимблейминга. Примеры обвиняющих высказываний заимствованы из опубликованных источников (factcheck.kz, 2024; drfl.kz) и приводятся исключительно в качестве иллюстраций. Оценка эффективности правовых механизмов требует анализа судебных актов, материалов прокурорского надзора и обращений потерпевших и составляет задачу отдельного эмпирического исследования. Зарубежные правовые акты и решения ЕСПЧ используются как сравнительный и ориентирующий материал: Республика Казахстан не является членом Совета Европы и участником Стамбульской конвенции, поэтому указанные стандарты не имеют для неё

обязательной силы. Законодательство государств СНГ проанализировано по состоянию на 2026 год на основе официальных текстов и открытых аналитических материалов.

Раскрытие использования ИИ. При подготовке рукописи авторы использовали инструмент на основе генеративного искусственного интеллекта (Claude, Anthropic) для сбора и предварительного обобщения открытых источников, подбора зарубежной литературы, структурирования текста, а также для проверки грамматики, стилистики и оформления ссылок по стилю APA. Все юридические выводы, интерпретация нормативных актов, выходные данные источников и итоговые формулировки проверены и утверждены авторами лично, которые несут полную ответственность за содержание рукописи в соответствии с рекомендациями COPE и редакционной политикой SDU Law Journal.

Результаты проведённого анализа

Разграничение виктимблейминга и смежных правовых категорий

Прежде чем оценивать применимость конкретных норм, необходимо развести понятия, которые в публичной дискуссии нередко смешиваются. Виктимблейминг не является правовой категорией: он не закреплён ни в УК РК, ни в КоАП РК, ни в гражданском законодательстве, и его автоматическое отождествление с правонарушением создавало бы риск расширительного толкования юридических норм. Для целей настоящего анализа выделяются пять категорий.

(а) *Виктимблейминг как социально-психологический феномен.* Это родовое понятие, обозначающее перенос ответственности за преступление на пострадавшего (Ryan, 1971; Lerner, 1980). Оно описывает направленность высказываний и их совокупный эффект, но само по себе не содержит признаков состава правонарушения и не может служить основанием юридической ответственности.

(б) *Оценочные и критические суждения о поведении потерпевшего.* Высказывания вроде «зачем она туда пошла» или «надо было думать раньше» выражают субъективное мнение, которое невозможно проверить на соответствие действительности. Такие суждения находятся под защитой конституционной свободы выражения мнения: даже будучи этически порицаемыми и травмирующими, они не образуют ни клеветы, ни оскорбления, если не выражены в неприличной форме. К этой категории относится основная масса виктимблеймющих комментариев.

(в) *Распространение порочащих сведений.* Речь идёт об утверждениях о фактах (например, о якобы аморальном поведении пострадавшей или о том, что заявление о преступлении подано ради выгоды), которые не соответствуют действительности и умаляют честь и достоинство лица. Критерием отграничения от категории (б) служит возможность проверить высказывание на истинность. Защита осуществляется в гражданско-правовом порядке (ст. 143 ГК РК) — путём опровержения сведений и компенсации морального вреда; осведомлённость автора о ложности сведений для этого не требуется.

(г) *Оскорбление (ст. 131 УК РК).* Состав образует унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме; публичное оскорбление, в том числе с использованием сетей телекоммуникаций, квалифицируется по ч. 2 ст. 131 УК РК. Решающее значение имеет не содержание, а форма высказывания: суждение, негативное по смыслу, но корректное по форме, состава не образует. Дела данной категории относятся к делам частного обвинения и возбуждаются по жалобе потерпевшего.

(д) *Клевета (ст. 73-3 КоАП РК)*. Под клеветой понимается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица. От категории (в) она отличается субъективным признаком — осознанием автором ложности сведений, от категории (г) — тем, что лицо порочится ложным фактом, а не неприличной формой выражения.

Самостоятельное значение имеет разглашение без согласия пострадавшего сведений о его частной жизни, в том числе позволяющих установить его личность, которое может образовывать состав нарушения неприкосновенности частной жизни и законодательства о персональных данных (ст. 147 УК РК) независимо от того, сопровождается ли оно обвиняющими оценками.

Из проведённого разграничения следует, что юридически значимыми являются лишь те формы виктимблейминга, которые одновременно отвечают признакам категорий (в)–(д) либо нарушают неприкосновенность частной жизни. Преобладающая часть обвиняющих высказываний относится к категории (б) и остаётся в пределах свободы выражения мнения. Следовательно, задача состоит не в конструировании нового состава «виктимблейминг», а в том, чтобы обеспечить реальную применимость существующих норм к высказываниям, отвечающим их признакам, и снизить вредный эффект правомерных, но травмирующих суждений процессуальными и организационными средствами.

Пределы действующего правового регулирования

Анализ действующего законодательства Республики Казахстан показывает, что специального состава «виктимблейминг» в уголовном или административном законодательстве не существует. Защита пострадавшего от публичного обвинения опосредуется тремя группами норм, каждая из которых охватывает лишь отдельные из выделенных выше категорий высказываний.

Первая группа — нормы о защите чести, достоинства и деловой репутации. Ст. 131 УК РК («Оскорбление») устанавливает уголовную ответственность за унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, — категория, под которую могут подпадать наиболее агрессивные комментарии в адрес пострадавших. Ст. 73-3 КоАП РК («Клевета») охватывает распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство, но с 27 июня 2020 года влечёт лишь административную ответственность (в действующей редакции Закона РК от 19 июня 2024 года № 95-VIII), что существенно снижает сдерживающий эффект нормы в быстротечной и анонимной среде социальных сетей. Нормативное постановление Верховного Суда РК от 20 мая 2026 года № 3 «О применении судами законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации» исходит из того, что практика применения этих норм ориентирована на индивидуализированные случаи посягательства с установленным автором. Гражданско-правовая защита чести и достоинства (с правом на компенсацию морального вреда) остаётся доступной, но требует от пострадавшего самостоятельного обращения в суд, что в состоянии посттравматического стресса реализуется редко.

Доступные данные о практике применения ст. 131 УК РК свидетельствуют об ограниченности этого механизма даже в его прямой сфере. По опубликованным сведениям, за девять месяцев 2019 года было зарегистрировано 5 816 заявлений об оскорблении, тогда как приговоры вынесены лишь по 253 делам, из которых 93 обвинительных и 160 оправдательных (Русакова, 2020). Поскольку такие дела относятся к делам частного обвинения, бремя инициирования преследования и представления доказательств лежит на

самом потерпевшем, что для пострадавшего от тяжкого преступления, находящегося под давлением публичного обсуждения, существенно затрудняет защиту. Приведённые данные относятся к оскорблению в целом, а не к высказываниям о пострадавших, и используются лишь как ориентир.

Вторая группа — процессуальные гарантии по УПК РК. Ст. 71 УПК РК закрепляет за потерпевшим комплекс прав, включая право знать о ходе расследования, участвовать в следственных действиях, обжаловать действия и бездействие должностных лиц. Перечень этих прав продолжает расширяться: в частности, он дополнен правом на получение специальных социальных услуг в рамках законодательства о противодействии торговле людьми (Закон РК от 5 июля 2024 года № 111-VIII) и уточнён изменениями от 16 июля 2025 года № 210-VIII и от 11 июня 2026 года № 307-VIII. Однако эти гарантии регулируют отношения потерпевшего с органами, ведущими уголовный процесс по конкретному делу, и не распространяются на его взаимодействие с анонимными пользователями социальных сетей, которые участниками процесса не являются.

Третья группа — регулирование контента социальных платформ и деятельность правоохранительных органов. Здесь наблюдается наиболее выраженный пробел: законодательство не содержит специальных механизмов реагирования на массовое, распределённое между множеством анонимных пользователей обвинение жертвы. Правоприменительная реакция (возбуждение дел, внесение прокурором актов надзора, административное производство) возможна лишь в отношении конкретных, установленных авторов высказываний. Для иных категорий вредоносного онлайн-контента — экстремистских и террористических материалов, призывов к насилию, заведомо ложной информации, угрожающей общественной безопасности, — в казахстанском законодательстве выработаны относительно оперативные процедуры ограничения доступа к информации. Для контента, содержащего виктимблейминг, аналогичного механизма не существует: пострадавшему остаются лишь индивидуальная жалоба администрации платформы или гражданский иск к установленному автору. Закон РК от 10 июля 2023 года № 18-VIII «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» закрепил общее право пользователя обращаться к владельцу онлайн-платформы с жалобой на контент и действия других пользователей (ст. 11), однако не предусматривает для пострадавших от уголовных правонарушений ни приоритетного порядка рассмотрения таких жалоб, ни участия организаций поддержки пострадавших. Возможности прокурорского надзора также ограничены, поскольку прокуратура реагирует преимущественно на признаки конкретного правонарушения, а не на совокупный эффект множества формально малозначительных высказываний.

Сопоставление юридической и психологической картины

Сопоставление результатов правового анализа с психологическими данными выявляет структурное несоответствие: правовая система ориентирована на защиту от единичных, идентифицируемых актов посягательства, тогда как виктимблейминг, согласно теории справедливого мира и данным Grubb и Turner (2012), чаще проявляется как распределённая, кумулятивная практика множества участников, каждый из которых вносит небольшой, но в совокупности значимый вклад. Как установлено в исследованиях цифровой среды, этот кумулятивный эффект дополнительно усиливается алгоритмами распространения (Brady et al., 2017; Stubbs-Richardson et al., 2018). Существующие составы (клевета, оскорбление) плохо приспособлены к такой диффузной виновности: отдельное высказывание может не достигать порога, необходимого для возбуждения дела, хотя совокупный эффект сотен

комментариев соответствует признакам вторичной виктимизации, описанным Campbell и Raja (1999) и Orth (2002).

Правоприменитель как средство предупреждения вторичной виктимизации

Там, где правовая норма не достигает источника обвинения, значимую роль играет правоприменительная практика: позиция следственных и прокурорских органов при допросе потерпевшего, формулировки процессуальных документов, тон публичных заявлений. Прокурор как участник уголовного преследования, обеспечивающий законность и обоснованность процессуальных решений, занимает особое место в предотвращении вторичной виктимизации: корректная формулировка вопросов к потерпевшему, отсутствие оценочных суждений о его поведении и своевременное разъяснение процессуальных прав способны частично компенсировать отсутствие специального законодательного регулирования. Данные Niemi и Young (2016) о том, что смещение языкового фокуса с жертвы на преступника снижает уровень обвинения, дают этому тезису эмпирическую опору: формулировки официальных сообщений о преступлении («он совершил насилие», а не «она подверглась насилию после того, как...») влияют на общественную реакцию.

Сопоставление норм УК, КоАП и УПК РК, применимых к виктимблеймингу

Для наглядности ниже приведено сопоставление рассмотренных норм по четырём критериям: правовая природа ответственности, необходимость установления конкретного автора высказывания, применимость к массовому обвинению со стороны многих комментаторов и практическая доступность механизма для самого пострадавшего.

Таблица 1

Сопоставление норм законодательства Республики Казахстан, применимых к виктимблеймингу в социальных сетях

Норма	Правовая природа	Нужен ли идентифицированный автор	Применима ли к массовому виктимблеймингу	Доступность для потерпевшего
Ст. 131 УК РК «Оскорбление»	Уголовная	Да	Практически нет — рассчитана на единичный акт	Низкая: требует заявления в отношении конкретного лица
Ст. 73-3 КоАП РК «Клевета»	Административная (с 27.06.2020)	Да	Нет	Средняя: административная процедура проще уголовной, но также требует установления автора
Ст. 71 УПК РК (права потерпевшего)	Процессуальная	Не применимо — регулирует статус потерпевшего в деле	Нет — касается участников процесса, комментаторов	Высокая внутри дела, но не распространяется на соцсети

Норма	Правовая природа	Нужен ли идентифицированный автор	Применима ли к массовому виктимблеймингу	Доступность для потерпевшего
Гражданско-правовая защита чести и достоинства	Гражданско-правовая	Да	Нет — иск подаётся конкретному ответчику	Низкая: требует самостоятельного обращения в суд и издержек

Примечание. Составлено авторами на основе Уголовного кодекса Республики Казахстан (ст. 131), Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (ст. 73-3), Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (ст. 71) и Гражданского кодекса Республики Казахстан (ст. 143) по состоянию на 2026 год.

Как видно из таблицы, все четыре доступных правовых инструмента объединяет одно структурное ограничение — необходимость установления конкретного автора высказывания. Именно это ограничение, а не отсутствие норм как таковых, составляет основной практический барьер для пострадавших от виктимблейминга в социальных сетях, что согласуется с выводом, сформулированным в подразделе «Пределы действующего правового регулирования».

Отдельного разбора заслуживает буквальная формулировка ст. 131 УК РК: уголовно наказуемым признаётся «унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». Ключевым элементом состава является неприличная форма высказывания — грубая, нецензурная или оскорбительная по стилистике. Отсюда следует, что подавляющее большинство типичных виктимблеймющих комментариев («сама виновата», «о чём она думала, когда так одевалась», «зачем вообще туда пошла») формально не образуют состава ст. 131 УК РК, поскольку по форме являются оценочными суждениями (категория (б)), а не оскорблением в уголовно-правовом смысле: они порицаемы этически, но данной нормой не преследуются. Этот вывод не следует расценивать как пробел уголовного закона: ограничение ответственности неприличной формой высказывания отражает сознательный баланс между защитой достоинства личности и свободой выражения мнения. Он означает лишь, что вред от правомерных оценочных суждений должен предупреждаться не уголовно-правовыми, а процессуальными и организационными средствами.

Международные стандарты защиты от вторичной виктимизации и практика ЕСПЧ

Сравнительный анализ позволяет констатировать, что в международном и европейском праве защита от вторичной виктимизации сформулирована как самостоятельная обязанность государства. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (ООН, 1985) требует обращаться с жертвами с состраданием и уважением к их достоинству (п. 4) и принимать меры по защите их частной жизни (п. 6 d). Директива 2012/29/ЕС закрепляет право жертв на защиту от вторичной и повторной виктимизации (ст. 18), обязывает государства защищать их частную жизнь и поощрять саморегулирование СМИ в этой сфере (ст. 21), а также обеспечивать подготовку полицейских, прокуроров и судей по вопросам обращения с жертвами (ст. 25). Стамбульская конвенция (2011) допускает использование в суде сведений о сексуальном прошлом и поведении жертвы лишь в случаях, когда это относимо и необходимо (ст. 54). Директива

(ЕС) 2024/1385 впервые на уровне ЕС установила уголовную ответственность за отдельные формы кибернасилия — в том числе киберпреследование и кибердомогательство — и предусмотрела меры по оперативному удалению соответствующих онлайн-материалов.

Европейский суд по правам человека последовательно рассматривает вторичную виктимизацию в рамках позитивных обязательств государства по ст. 8 Конвенции (право на уважение частной жизни). В деле *Y. v. Slovenia* (2015) Суд признал нарушение ст. 8 в связи с тем, что заявительница, на момент событий несовершеннолетняя, была лично допрошена обвиняемым, который задавал ей унижительные вопросы, а национальные органы не обеспечили защиту её личной неприкосновенности в ходе процесса. В деле *J.L. v. Italy* (2021) Суд впервые прямо квалифицировал как нарушение ст. 8 формулировки самого судебного акта: апелляционный суд, оправдав обвиняемых в групповом изнасиловании, приводил не относящиеся к делу суждения о личной жизни, сексуальности и «нелинейном» образе жизни заявительницы. ЕСПЧ указал, что суды обязаны избегать воспроизведения гендерных стереотипов и не подвергать жертв вторичной виктимизации через язык судебных решений. Наконец, в деле *Delfi AS v. Estonia* (2015) Большая палата признала совместимой со ст. 10 Конвенции ответственность крупного новостного портала за явно противоправные анонимные комментарии пользователей, которые он своевременно не удалил. Из этого решения вытекает, что возложение на операторов платформ обязанностей по модерации очевидно незаконного контента не противоречит свободе выражения мнения при соблюдении принципа соразмерности.

Хотя эти стандарты не являются для Казахстана обязательными, они ценны как ориентир по двум причинам. Прежде всего, в них защита от вторичной виктимизации закреплена как самостоятельная обязанность государства, а не только как этическое пожелание. Помимо этого, они смещают акцент с наказания отдельных комментаторов на процедурные меры: подготовку правоприменителей, требования к языку процессуальных документов, механизмы уведомления платформ. Как раз такие меры проще всего реализовать в казахстанских условиях без расширения репрессивного инструментария.

Опыт Республики Узбекистан и государств СНГ

Не менее ценен для казахстанского правоприменителя опыт государств, близких по правовой традиции, языку и социокультурным установкам. В отличие от стандартов Совета Европы, решения, выработанные в государствах СНГ, формировались в сопоставимых институциональных условиях и потому легче поддаются адаптации.

Наиболее последовательную реформу в регионе провела Республика Узбекистан. Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия» закрепил за жертвой право на бесплатную правовую, социальную, психологическую и медицинскую помощь, на получение охрannого ордера и на возмещение материального и морального вреда с освобождением от уплаты государственной пошлины (ст. 4), предусмотрел создание специальных центров помощи жертвам (ст. 27) и отдельную гарантию конфиденциальности сведений о пострадавшей (ст. 30). Для темы настоящей статьи существенно, что закон прямо включает в понятие преследования действия, совершаемые посредством сетей телекоммуникаций, в том числе сети Интернет (ст. 3), то есть признаёт цифровую среду самостоятельным пространством причинения вреда.

Законом Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829 реформа была продолжена: введена уголовная ответственность за домашнее насилие (ст. 126-1 УК Республики Узбекистан), охватывающая, помимо физического насилия, унижение,

запугивание и изоляцию пострадавшей, а также за распространение изображений интимного характера без согласия лица или угрозу такого распространения (ст. 141-3 УК); установлена административная ответственность за сексуальные домогательства (ст. 41-1 КоАО) и за менее тяжкие формы домашнего насилия (ст. 59-2 КоАО); срок действия охрannого ордера по решению суда увеличен с 30 дней до одного года (Gazeta.uz, 2023). Разъяснения по применению новых норм даны постановлением Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 20 ноября 2023 года № 30. Особый интерес представляет ст. 141-3 УК: она криминализирует одну из наиболее тяжёлых форм цифровой вторичной виктимизации — публичное «разоблачение» пострадавшей через распространение интимных материалов, — которая в казахстанском праве охватывается лишь общими нормами о неприкосновенности частной жизни.

Иначе, чем в Казахстане, решён в Узбекистане и вопрос о защите чести и достоинства. Клевета (ст. 139 УК Республики Узбекистан) и оскорбление (ст. 140 УК) сохранили уголовно-правовой характер, хотя в декабре 2020 года лишение свободы было исключено из их санкций; при этом размещение порочащих или оскорбительных сведений в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или сети Интернет прямо выделено в качестве квалифицирующего признака (Gazeta.uz, 2020). Такая конструкция признаёт повышенную общественную опасность онлайн-высказываний, но, подобно казахстанской модели, предполагает установление конкретного автора и потому не решает проблему массового анонимного виктимблейминга.

Опыт Узбекистана высвечивает и пределы чисто законодательного решения. Шамсидинов и Холмирзаев (2024), проанализировав 10 462 административных и уголовных дела за апрель–декабрь 2023 года, установили, что суды нередко расценивают насилие как «семейное дело», в 28% случаев освобождают правонарушителя от ответственности со ссылкой на малозначительность, а в ряде дел к ответственности за домашнее насилие привлекаются сами пострадавшие, ответившие обидчику оскорблением или защищавшиеся физически. Перед нами наглядная форма институционального виктимблейминга: норма, созданная для защиты пострадавшей, в правоприменении оборачивается против неё, что согласуется с зарубежными данными о воспроизводстве обвиняющих установок внутри системы правосудия (Maier, 2008; Campbell, 2008).

В других государствах СНГ акценты расставлены иначе. Кыргызская Республика Законом от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия» предоставила право сообщать о насилии любому лицу, которому о нём известно, что снимает с пострадавшей бремя единоличного обращения и ослабляет давление со стороны окружения, а также ввела программы коррекции поведения лиц, совершивших насилие (UN Women, 2017). В Российской Федерации специальный закон о профилактике семейно-бытового насилия так и не принят, а побои в отношении близких лиц в 2017 году декриминализованы (Ворошилова & Музыканкина, 2019); защита потерпевшего от вторичной виктимизации обеспечивается преимущественно процессуальными средствами — возможностью закрытого судебного разбирательства по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы (п. 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), сохранением в тайне данных о личности потерпевшего (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), а также разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 года № 17 о гарантиях участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

На наднациональном уровне важной вехой стал модельный закон МПА СНГ «О противодействии семейно-бытовому насилию», разработанный по инициативе Сената

Парламента Республики Казахстан, одобренный Постоянной комиссией МПА СНГ по правовым вопросам в ноябре 2025 года в Душанбе и принятый 22 мая 2026 года (Tengrinews.kz, 2025; Межпарламентская Ассамблея СНГ, 2026). Не обладая обязательной силой, модельный акт тем не менее формирует общую для региона понятийную основу и может служить площадкой для согласованного закрепления в национальном законодательстве гарантий недопущения вторичной виктимизации, в том числе в её онлайн-формах.

Проведённое сопоставление приводит к трём выводам. Общим для региона является то, что ни одно из рассмотренных государств СНГ не выделяет виктимблейминг в самостоятельный объект регулирования: защита строится через общие нормы о чести и достоинстве, специальное законодательство о насилии и процессуальные гарантии. В то же время узбекистанский опыт — прямое упоминание сети Интернет в определении преследования, криминализация распространения интимных изображений без согласия, гарантия конфиденциальности сведений о пострадавшей и длительный охранный ордер — демонстрирует точечные решения, учитывающие цифровое измерение вреда без введения широкого состава, способного ограничить свободу выражения мнения, и может рассматриваться как ориентир для Казахстана. Наконец, узбекистанская правоприменительная практика служит предостережением: без изменения установок самих правоприменителей даже прогрессивные нормы воспроизводят виктимблейминг, а значит, подготовка следователей, прокуроров и судей приобретает первостепенное значение.

Обсуждение результатов и практические предложения

Полученные результаты подкрепляют основной аргумент статьи: правовой инструментарий Республики Казахстан сформирован для защиты от традиционных, идентифицируемых форм посягательства и недостаточно адаптирован к распределённому, массовому и анонимному характеру виктимблейминга в социальных сетях. Речь идёт не о правовом вакууме, а о структурном несоответствии между природой вреда и устройством доступных средств защиты.

Новизна исследования заключается в том, что в нём впервые систематизирован действующий правовой инструментарий РК применительно к виктимблеймингу в социальных сетях, проведено разграничение виктимблейминга и смежных правовых категорий, соединены юридический и психологический подходы в единую аналитическую рамку, а казахстанское регулирование сопоставлено с международными стандартами, практикой ЕСПЧ и опытом государств СНГ, в первую очередь Республики Узбекистан. Практическая значимость работы состоит в возможности её использования сотрудниками правоохранительных органов, и в первую очередь органов прокуратуры, при выработке позиции по обращениям пострадавших, подвергшихся обвинению в онлайн-пространстве.

По мнению авторов, зарубежная литература (в частности, Campbell & Raja, 1999; Orth, 2002) справедливо описывает вторичную виктимизацию как результат институционального взаимодействия, однако недооценивает специфику горизонтальной вторичной виктимизации. В отличие от полиции, суда или медицинского учреждения, анонимный комментатор в социальной сети не обладает над пострадавшим ни процессуальной, ни фактической властью, а его высказывание причиняет вред не через отказ в помощи или недоверие должностного лица, а через простое умножение однотипных реакций. Именно этот количественный, кумулятивный механизм — подтверждаемый данными о приоритетном распространении эмоционально заряженных и обвиняющих сообщений (Brady et al., 2017;

Stubbs-Richardson et al., 2018) — образует специфику цифрового виктимблейминга и должен рассматриваться отдельно от классической модели вторичной виктимизации. Отсюда практический вывод: меры противодействия должны быть направлены не на пресечение отдельных высказываний (что при их анонимности и множественности малоэффективно), а на снижение совокупного эффекта — модерацию потока комментариев, оперативную поддержку пострадавшего и просветительскую работу.

Сопоставление с механизмами противодействия иным формам вредоносного контента

Показательным для оценки зрелости правового регулирования является сравнение с тем, как казахстанское законодательство реагирует на иные категории вредоносного онлайн-контента. В Республике Казахстан сформирован относительно развитый инструментарий противодействия экстремистским и террористическим материалам, заведомо ложной информации, а также контенту, посягающему на права несовершеннолетних, включающий административные механизмы ограничения доступа и взаимодействие уполномоченных органов с операторами платформ. Следовательно, государство обладает институциональными и технологическими возможностями для оперативного реагирования на определённые категории онлайн-контента, когда это признаётся приоритетом.

Виктимблейминг в этот круг приоритетов пока не включён, хотя его последствия для конкретного пострадавшего, согласно рассмотренной литературе, могут быть не менее травматичными. Это расхождение представляется не столько сознательным решением законодателя, сколько следствием того, что виктимблейминг долгое время воспринимался как побочный эффект свободной общественной дискуссии, а не как самостоятельная проблема. Именно в изменении этой оптики — от «естественной реакции общественности» к «фактору, требующему проактивного реагирования» — состоит ключевая рекомендация работы.

Вместе с тем перенос механизмов ограничения доступа, созданных для противодействия экстремизму и терроризму, на сферу виктимблейминга не может быть автоматическим: такие механизмы предполагают высокую степень вмешательства в свободу выражения мнения и оправданы исключительной общественной опасностью соответствующего контента. Для виктимблейминга, представляющего собой преимущественно оценочные высказывания, более соразмерным представляется не расширение репрессивного инструментария, а развитие облегчённых, ориентированных на пострадавшего процедур — упрощённой жалобы на платформе, институциональной поддержки при обращении к администрации ресурса, разъяснительной работы — в сочетании с точечным применением существующих норм о защите чести и достоинства в наиболее грубых случаях. Европейская модель, основанная на механизме уведомления и «доверенных сигнализаторах» (Регламент (ЕС) 2022/2065, ст. 16, 22), и логика решения ЕСПЧ по делу *Delfi AS v. Estonia* доказывают, что такой баланс достижим без избыточных ограничений свободы слова.

Отдельного внимания заслуживает роль органов прокуратуры. В отличие от специализированных подразделений по противодействию экстремистскому контенту, в структуре прокуратуры Республики Казахстан не выделено направление, ответственное за реагирование на случаи публичного обвинения пострадавших в резонансных делах. Формирование соответствующей практики — даже без введения нового состава — могло бы включать методические рекомендации нижестоящим прокуратурам по внесению актов прокурорского надзора в адрес медиаресурсов и операторов платформ в наиболее вопиющих случаях, а также по формулировкам собственных процессуальных документов и публичных

комментариев. Подход ЕСПЧ в деле *J.L. v. Italy*, распространивший требование недопущения вторичной виктимизации на язык судебных актов, может служить ориентиром и для формулировок обвинительных документов.

Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики

С учётом проведённого разграничения предложения сформулированы так, чтобы не превращать виктимблейминг в самостоятельный состав правонарушения, а усилить правовые гарантии потерпевшего там, где действующие нормы уже применимы либо где пробел носит процедурный характер.

1. Гарантия недопущения вторичной виктимизации в УПК РК. Предлагается дополнить ст. 71 УПК РК правом потерпевшего на защиту от вторичной виктимизации в ходе уголовного процесса, а нормы о допросе потерпевшего — правилом о недопустимости вопросов о его прошлом сексуальном поведении, внешнем виде и образе жизни, если они не имеют прямого отношения к обстоятельствам дела (по образцу ст. 54 Стамбульской конвенции и с учётом подхода ЕСПЧ в деле *Y. v. Slovenia*). Такой запрет обладает процессуальными последствиями: вопрос, заданный вопреки ему, подлежит снятию председательствующим, а действия должностного лица — обжалованию.

2. Конфиденциальность сведений о личности потерпевшего. Возможность закрытого судебного разбирательства (ч. 2 ст. 29 УПК РК) предлагается дополнить прямым запретом для органов, ведущих уголовный процесс, раскрывать в официальных сообщениях без согласия потерпевшего сведения, позволяющие установить его личность, по делам о насильственных преступлениях и преступлениях против половой неприкосновенности — по аналогии со ст. 30 Закона Республики Узбекистан № ЗРУ-561 и ст. 21 Директивы 2012/29/ЕС. Применительно к наиболее тяжёлой форме цифровой вторичной виктимизации — распространению интимных изображений пострадавшей — заслуживает изучения опыт ст. 141-3 УК Республики Узбекистан.

3. Разъяснения Верховного Суда РК. Нормативное постановление Верховного Суда РК от 20 мая 2026 года № 3 предлагается дополнить разъяснением критериев разграничения оценочных суждений, утверждений о фактах, оскорбления и клеветы применительно к высказываниям о потерпевших, в том числе в сетях телекоммуникаций, а также указанием на недопустимость воспроизведения в судебных актах гендерных стереотипов и оценочных суждений о поведении потерпевшего (*J.L. v. Italy*).

4. Процедура для пострадавших в законодательстве об онлайн-платформах. Закон РК «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» предлагается дополнить нормой о приоритетном рассмотрении владельцами онлайн-платформ обращений потерпевших от уголовных правонарушений (их представителей) в отношении контента, содержащего порочащие сведения, оскорбления или сведения о частной жизни потерпевшего, с возможностью подачи таких обращений аккредитованными организациями поддержки пострадавших по модели «доверенных сигнализаторов» (ст. 22 Регламента (ЕС) 2022/2065). Предложение касается исключительно контента категорий (в)–(д) и не затрагивает правомерных оценочных суждений.

5. Правовая помощь по делам частного обвинения. Поскольку дела об оскорблении относятся к делам частного обвинения, предлагается закрепить право потерпевшего по делу

о насильственном преступлении на гарантированную государством юридическую помощь при подаче жалобы по ст. 131 УК РК или иска о защите чести и достоинства в связи с высказываниями о нём, связанными с этим делом.

6. *Ведомственное регулирование в органах прокуратуры.* В пределах полномочий Генеральной прокуратуры предлагается закрепить в ведомственных актах требования к языку процессуальных документов и публичных сообщений по делам о насилии — исключение оценок поведения потерпевшего и языковой фокус на действия обвиняемого (Niemi & Young, 2016), — а также включить в программы профессиональной подготовки прокуроров и следователей модуль о вторичной виктимизации и технике допроса потерпевших (ст. 25 Директивы 2012/29/ЕС).

Просветительские меры — развитие медиаграмотности и культуры комментирования — остаются необходимым дополнением к перечисленным предложениям, однако правовых гарантий не заменяют и потому в их число не включены.

Заключение

Проведённый анализ показал, что виктимблейминг в социальных сетях представляет собой устойчивый, психологически объяснимый феномен, который, будучи усиленным архитектурой платформ, способен причинять пострадавшему реальный, юридически значимый вред. Правовая система Республики Казахстан располагает инструментарием для защиты чести, достоинства и процессуальных прав потерпевших, однако он был сформирован для иных, доцифровых форм посягательства и потому охватывает явление лишь частично.

Отвечая на исследовательский вопрос, можно заключить: нормы действующего законодательства Республики Казахстан по своей конструкции охватывают лишь те формы виктимблейминга, которые отвечают признакам распространения порочащих сведений, оскорбления или клеветы либо нарушают неприкосновенность частной жизни. Преобладающие оценочные суждения о поведении пострадавшего остаются за пределами правового регулирования, что отражает оправданный баланс со свободой выражения мнения, но не устраняет их травмирующего эффекта. Сравнение с международными стандартами (Директива 2012/29/ЕС, практика ЕСПЧ, Регламент ЕС о цифровых услугах) и с опытом государств СНГ (в особенности Республики Узбекистан) позволяет утверждать, что снижение риска вторичной виктимизации требует не новых запретительных норм, а процессуальных гарантий потерпевшего, конфиденциальности сведений о нём, разъяснений высшей судебной инстанции, процедур взаимодействия с онлайн-платформами и подготовки правоприменителей.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: эмпирическое изучение распространённости виктимблейминга в казахстанском сегменте социальных сетей методами контент-анализа; анализ правоприменительной практики (судебных актов, материалов прокурорского надзора, обращений потерпевших) для оценки эффективности рассмотренных правовых механизмов; углублённое сравнительно-правовое изучение правоприменительной практики государств СНГ, в частности Республики Узбекистан и Кыргызской Республики, и оценка возможности адаптации их решений, а также модельного закона МПА СНГ, в казахстанском законодательстве; анализ эффективности институциональных практик (в том числе внутриведомственных регламентов

коммуникации правоохранительных органов); а также изучение того, как воспринимают своё процессуальное положение сами пострадавшие, столкнувшиеся с публичным обсуждением своего дела.

Список литературы

- Ahrens, C. E. (2006). Being silenced: The impact of negative social reactions on the disclosure of rape. *American Journal of Community Psychology*, 38(3–4), 263–274. <https://doi.org/10.1007/s10464-006-9069-9>
- Brady, W. J., Wills, J. A., Jost, J. T., Tucker, J. A., & Van Bavel, J. J. (2017). Emotion shapes the diffusion of moralized content in social networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 114(28), 7313–7318. <https://doi.org/10.1073/pnas.1618923114>
- Burt, M. R. (1980). Cultural myths and supports for rape. *Journal of Personality and Social Psychology*, 38(2), 217–230. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.2.217>
- Campbell, R. (2008). The psychological impact of rape victims' experiences with the legal, medical, and mental health systems. *American Psychologist*, 63(8), 702–717. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.63.8.702>
- Campbell, R., & Raja, S. (1999). Secondary victimization of rape victims: Insights from mental health professionals who treat survivors of violence. *Violence and Victims*, 14(3), 261–275.
- Citron, D. K. (2014). *Hate crimes in cyberspace*. Harvard University Press.
- Council of Europe. (2011). Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (CETS No. 210).
- Delfi AS v. Estonia, No. 64569/09 (Eur. Ct. H.R. [GC], June 16, 2015).
- Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime. (2012). *Official Journal of the European Union*, L 315, 57–73.
- Directive (EU) 2024/1385 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on combating violence against women and domestic violence. (2024). *Official Journal of the European Union*, L 2024/1385.
- Gazeta.uz. (2020, 21 декабря). Сенат одобрил отмену тюремного заключения за клевету. <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/21/libel/>
- Gazeta.uz. (2023, 12 апреля). Как новый закон усилит защиту женщин и детей. Обзор документа. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/04/12/women-and-children/>
- Grubb, A., & Turner, E. (2012). Attribution of blame in rape cases: A review of the impact of rape myth acceptance, gender role conformity and substance use on victim blaming. *Aggression and Violent Behavior*, 17(5), 443–452. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2012.06.002>
- Hafer, C. L., & Bègue, L. (2005). Experimental research on just-world theory: Problems, developments, and future challenges. *Psychological Bulletin*, 131(1), 128–167. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.1.128>
- Harber, K. D., Podolski, P., & Williams, C. H. (2015). Emotional disclosure and victim blaming. *Emotion*, 15(5), 603–614. <https://doi.org/10.1037/emo0000056>
- Herman, J. L. (2005). Justice from the victim's perspective. *Violence Against Women*, 11(5), 571–602. <https://doi.org/10.1177/1077801205274450>
- J.L. v. Italy, No. 5671/16 (Eur. Ct. H.R., May 27, 2021).
- Lerner, M. J. (1980). *The belief in a just world: A fundamental delusion*. Plenum Press.

- Lerner, M. J., & Simmons, C. H. (1966). Observer's reaction to the "innocent victim": Compassion or rejection? *Journal of Personality and Social Psychology*, 4(2), 203–210. <https://doi.org/10.1037/h0023562>
- Lisak, D., Gardinier, L., Nicksa, S. C., & Cote, A. M. (2010). False allegations of sexual assault: An analysis of ten years of reported cases. *Violence Against Women*, 16(12), 1318–1334. <https://doi.org/10.1177/1077801210387747>
- Lonsway, K. A., & Fitzgerald, L. F. (1994). Rape myths: In review. *Psychology of Women Quarterly*, 18(2), 133–164. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1994.tb00448.x>
- Maier, S. L. (2008). "I have heard horrible stories . . .": Rape victim advocates' perceptions of the revictimization of rape victims by the police and medical system. *Violence Against Women*, 14(7), 786–808. <https://doi.org/10.1177/1077801208320245>
- Niemi, L., & Young, L. (2016). When and why we see victims as responsible: The impact of ideology on attitudes toward victims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 42(9), 1227–1242. <https://doi.org/10.1177/0146167216653933>
- Orth, U. (2002). Secondary victimization of crime victims by criminal proceedings. *Social Justice Research*, 15(4), 313–325. <https://doi.org/10.1023/A:1021210323461>
- Ryan, W. (1971). *Blaming the victim*. Pantheon Books.
- Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). (2022). *Official Journal of the European Union*, L 277, 1–102.
- Stubbs-Richardson, M., Rader, N. E., & Cosby, A. G. (2018). Tweeting rape culture: Examining portrayals of victim blaming in discussions of sexual assault cases on Twitter. *Feminism & Psychology*, 28(1), 90–108. <https://doi.org/10.1177/0959353517715874>
- Suarez, E., & Gadalla, T. M. (2010). Stop blaming the victim: A meta-analysis on rape myths. *Journal of Interpersonal Violence*, 25(11), 2010–2035. <https://doi.org/10.1177/0886260509354503>
- Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*, 7(3), 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
- Tengrinews.kz. (2025). Инициированный Казахстаном закон о семейно-бытовом насилии одобрили в МПА СНГ. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/iniitsirovannyiy-kazakhstanom-zakon-semeyno-byitovom-nasilii-585686/
- Thacker, L. K., & Day, L. (2017). Rape culture, victim blaming, and the role of media in the criminal justice system. *Kentucky Journal of Undergraduate Scholarship*, 1(1), Article 8. <https://encompass.eku.edu/kjus/vol1/iss1/8>
- Ullman, S. E. (1996). Social reactions, coping strategies, and self-blame attributions in adjustment to sexual assault. *Psychology of Women Quarterly*, 20(4), 505–526. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1996.tb00319.x>
- UN Women. (2017). В Кыргызстане принят новый прогрессивный закон о борьбе с бытовым насилием. <https://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2017/05/news-new-progressive-law-on-domestic-violence-adopted-in-kyrgyzstan>
- United Nations General Assembly. (1985). Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power (A/RES/40/34).
- Van der Bruggen, M., & Grubb, A. (2014). A review of the literature relating to rape victim blaming: An analysis of the impact of latent and manifest rape myths on rape victim blaming through the perspective of a new taxonomy. *Aggression and Violent Behavior*, 19(5), 523–531. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2014.07.008>

- Y. v. Slovenia, No. 41107/10 (Eur. Ct. H.R., May 28, 2015).
- Верховный Суд Республики Казахстан. (2026). Нормативное постановление от 20 мая 2026 года № 3 «О применении судами законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации».
- Верховный суд Республики Узбекистан. (2023). Постановление Пленума от 20 ноября 2023 года № 30 «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан по административным и уголовным делам...». <https://lex.uz/ru/docs/6683556>
- Ворошилова, С. В., & Музыканкина, Ю. А. (2019). Декриминализация побоев: старые традиции и современные реалии. Вестник Саратовской государственной юридической академии, 4(129), 15–22.
- Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). (1994). С изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 год.
- Гулевич, О. А. (2017). Психология межгрупповых отношений: учебник для бакалавриата и специалитета.
- Ершова, Е. Н., & Айвазова, С. Г. (2013). Домашнее насилие: социально-правовой аспект: учебно-методическое пособие (3-е изд.).
- Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия». (2017).
- Закон Республики Казахстан от 10 июля 2023 года № 18-VIII «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе». (2023). С изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 год.
- Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 года № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия». (2019). <https://lex.uz/docs/4494712>
- Закон Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей». (2023). <https://lex.uz/docs/6430278>
- Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях № 235-V. (2014). С изменениями и дополнениями по состоянию на 20 августа 2026 года, включая ст. 73-3 «Клевета» в редакции Закона РК от 19 июня 2024 года № 95-VIII.
- Конституция Республики Казахстан. (2026). Принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года, вступила в силу 1 июля 2026 года.
- Лофиченко, О. П., & Колесник, И. И. (2018). Виктимблейминг как социокультурное явление в современной России. В Материалы научной конференции с международным участием «Неделя науки СПбПУ». Гуманитарный институт (с. 253–255). Издательство Политехнического университета.
- Майдикова, А. И. (2019). О проблеме виктимблейминга в отношении жертв преступлений. Виктимология, 4(22), 94–99.
- Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ. (2026). Модельный закон «О противодействии семейно-бытовому насилию» (принят 22 мая 2026 года). https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni
- Пленум Верховного Суда Российской Федерации. (2010). Постановление от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».
- Ресурсный центр по защите прав жертв насилия. (б. г.). Материалы по защите прав жертв

- насилия в Казахстане. <https://drfl.kz>
- Русакова, В. (2020, 8 сентября). В Казахстане существует уголовная статья за оскорбления. Как она работает? Masa Media. <https://masa.media/ru/site/azastanda-orlaua-atysty-ylmysty-bap-bar-ol-ay-kezde-oldanylady>
- Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан № 231-V. (2014). С изменениями и дополнениями по состоянию на 12 августа 2026 года.
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ. (2001). С изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 год.
- Уголовный кодекс Республики Казахстан № 226-V. (2014). С изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 год, включая Закон РК от 27 июня 2020 года о декриминализации клеветы и Закон РК от 19 июня 2024 года № 94-VIII.
- Христенко, В. Е. (2004). Психология поведения жертвы. Феникс.
- Шамсидинов, З., & Холмирзаев, У. (2024, 13 мая). Закон, призванный защищать женщин от насилия, одновременно служит и для их наказания. Gazeta.uz. <https://www.gazeta.uz/ru/2024/05/13/domestic-violence/>
- drfl.kz. (б. г.). Цифровой виктимблейминг против женщин. <https://drfl.kz>
- factcheck.kz. (2024). «Спровоцировала»: как казахстанцы обвиняют жертв насилия в соцсетях. <https://factcheck.kz>
- Human Rights Watch. (2024). «Закон Салтанат»: что изменится для жертв домашнего насилия в Казахстане.
- informburo.kz. (2024). «Закон Салтанат», или Почему в Казахстане ужесточили законодательство о домашнем насилии. <https://informburo.kz/cards/zakon-saltanat-ili-pocemu-v-kazaxstane-uzestocili-zakonodatelstvo-o-domasnem-nasilii>

References

- Ahrens, C. E. (2006). Being silenced: The impact of negative social reactions on the disclosure of rape. *American Journal of Community Psychology*, 38(3–4), 263–274. <https://doi.org/10.1007/s10464-006-9069-9>
- Brady, W. J., Wills, J. A., Jost, J. T., Tucker, J. A., & Van Bavel, J. J. (2017). Emotion shapes the diffusion of moralized content in social networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 114(28), 7313–7318. <https://doi.org/10.1073/pnas.1618923114>
- Burt, M. R. (1980). Cultural myths and supports for rape. *Journal of Personality and Social Psychology*, 38(2), 217–230. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.2.217>
- Campbell, R. (2008). The psychological impact of rape victims' experiences with the legal, medical, and mental health systems. *American Psychologist*, 63(8), 702–717. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.63.8.702>
- Campbell, R., & Raja, S. (1999). Secondary victimization of rape victims: Insights from mental health professionals who treat survivors of violence. *Violence and Victims*, 14(3), 261–275.
- Citron, D. K. (2014). *Hate crimes in cyberspace*. Harvard University Press.
- Council of Europe. (2011). Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (CETS No. 210).
- Delfi AS v. Estonia, No. 64569/09 (Eur. Ct. H.R. [GC], June 16, 2015).

- Directive (EU) 2024/1385 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on combating violence against women and domestic violence. (2024). Official Journal of the European Union, L 2024/1385.
- Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime. (2012). Official Journal of the European Union, L 315, 57–73.
- drfl.kz. (b. g.). Cifrovoj viktimblejming protiv zhenshhin. <https://drfl.kz>
- Ershova, E. N., & Ajvazova, S. G. (2013). Domashnee nasilie: social'no-pravovoj aspekt: uchebno-metodicheskoe posobie (3-e izd.).
- factcheck.kz. (2024). «Sprovocirovala»: kak kazahstancy obvinjajut zhertv nasiliya v socsetjah. <https://factcheck.kz>
- Gazeta.uz. (2020, 21 dekabrja). Senat odobril otmenu tjuremnogo zakljuchenija za klevetu. <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/21/libel/>
- Gazeta.uz. (2023, 12 aprelja). Kak novyj zakon usilit zashhitu zhenshhin i detej. Obzor dokumenta. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/04/12/women-and-children/>
- Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast'). (1994). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 2026 god.
- Grubb, A., & Turner, E. (2012). Attribution of blame in rape cases: A review of the impact of rape myth acceptance, gender role conformity and substance use on victim blaming. *Aggression and Violent Behavior*, 17(5), 443–452. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2012.06.002>
- Gulevich, O. A. (2017). Psihologija mezhgruppovyh otnoshenij: uchebnik dlja bakalavriata i specialiteta.
- Hafer, C. L., & Bègue, L. (2005). Experimental research on just-world theory: Problems, developments, and future challenges. *Psychological Bulletin*, 131(1), 128–167. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.1.128>
- Harber, K. D., Podolski, P., & Williams, C. H. (2015). Emotional disclosure and victim blaming. *Emotion*, 15(5), 603–614. <https://doi.org/10.1037/emo0000056>
- Herman, J. L. (2005). Justice from the victim's perspective. *Violence Against Women*, 11(5), 571–602. <https://doi.org/10.1177/1077801205274450>
- Hristenko, V. E. (2004). Psihologija povedenija zhertvy. Feniks.
- Human Rights Watch. (2024). «Zakon Saltanat»: chto izmenitsja dlja zhertv domashnego nasiliya v Kazahstane.
- informburo.kz. (2024). «Zakon Saltanat», ili Pochemu v Kazahstane uzhestochili zakonodatel'stvo o domashnem nasilii. <https://informburo.kz/cards/zakon-saltanat-ili-pocemu-v-kazaxstane-uzestocili-zakonodatelstvo-o-domasnem-nasilii>
- J.L. v. Italy, No. 5671/16 (Eur. Ct. H.R., May 27, 2021).
- Kodeks Respubliki Kazahstan ob administrativnyh pravonarushenijah № 235-V. (2014). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 20 avgusta 2026 goda, vkljuchaja st. 73-3 «Kleveta» v redakcii Zakona RK ot 19 ijunja 2024 goda № 95-VIII.
- Konstitucija Respubliki Kazahstan. (2026). Prinjata na respublikanskom referendume 15 marta 2026 goda, vstupila v silu 1 ijulja 2026 goda.
- Lerner, M. J. (1980). The belief in a just world: A fundamental delusion. Plenum Press.
- Lerner, M. J., & Simmons, C. H. (1966). Observer's reaction to the “innocent victim”: Compassion or rejection? *Journal of Personality and Social Psychology*, 4(2), 203–210. <https://doi.org/10.1037/h0023562>
- Lisak, D., Gardinier, L., Nicksa, S. C., & Cote, A. M. (2010). False allegations of sexual assault: An

- analysis of ten years of reported cases. *Violence Against Women*, 16(12), 1318–1334. <https://doi.org/10.1177/1077801210387747>
- Lofichenko, O. P., & Kolesnik, I. I. (2018). Viktimblejming kak sociokul'turnoe javlenie v sovremennoj Rossii. V *Materialy nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Nedelja nauki SPbPU»*. Gumanitarnyj institut (s. 253–255). Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta.
- Lonsway, K. A., & Fitzgerald, L. F. (1994). Rape myths: In review. *Psychology of Women Quarterly*, 18(2), 133–164. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1994.tb00448.x>
- Maier, S. L. (2008). “I have heard horrible stories . . .”: Rape victim advocates’ perceptions of the revictimization of rape victims by the police and medical system. *Violence Against Women*, 14(7), 786–808. <https://doi.org/10.1177/1077801208320245>
- Majdikova, A. I. (2019). O probleme viktimblejminga v otnoshenii zhertv prestuplenij. *Viktimologija*, 4(22), 94–99.
- Mezhparlamentskaja Assambleja gosudarstv — uchastnikov SNG. (2026). Model'nyj zakon «O protivodejstvii semejno-bytovomu nasiliyu» (prinjat 22 maja 2026 goda). https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni
- Niemi, L., & Young, L. (2016). When and why we see victims as responsible: The impact of ideology on attitudes toward victims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 42(9), 1227–1242. <https://doi.org/10.1177/0146167216653933>
- Orth, U. (2002). Secondary victimization of crime victims by criminal proceedings. *Social Justice Research*, 15(4), 313–325. <https://doi.org/10.1023/A:1021210323461>
- Plenum Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. (2010). Postanovlenie ot 29 ijunja 2010 goda № 17 «O praktike primenenija sudami norm, reglamentirujushhih uchastie poterpevshego v ugovnom sudoproizvodstve».
- Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). (2022). *Official Journal of the European Union*, L 277, 1–102.
- Resursnyj centr po zashhite prav zhertv nasilija. (b. g.). Materialy po zashhite prav zhertv nasilija v Kazahstane. <https://drfl.kz>
- Rusakova, V. (2020, 8 sentjabrja). V Kazahstane sushhestvuet ugovnaja stat'ja za oskorblenija. Kak ona rabotaet? *Masa Media*. <https://masa.media/ru/site/azastanda-orlaua-atysty-ylmysty-bap-bar-ol-ay-kezde-oldanylady>
- Ryan, W. (1971). *Blaming the victim*. Pantheon Books.
- Shamsidinov, Z., & Holmirzaev, U. (2024, 13 maja). Zakon, prizvannyj zashhishhat' zhenshhin ot nasilija, odnovremenno sluzhit i dlja ih nakazanija. *Gazeta.uz*. <https://www.gazeta.uz/ru/2024/05/13/domestic-violence/>
- Stubbs-Richardson, M., Rader, N. E., & Cosby, A. G. (2018). Tweeting rape culture: Examining portrayals of victim blaming in discussions of sexual assault cases on Twitter. *Feminism & Psychology*, 28(1), 90–108. <https://doi.org/10.1177/0959353517715874>
- Suarez, E., & Gadalla, T. M. (2010). Stop blaming the victim: A meta-analysis on rape myths. *Journal of Interpersonal Violence*, 25(11), 2010–2035. <https://doi.org/10.1177/0886260509354503>
- Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*, 7(3), 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
- Tengrinews.kz. (2025). Iniciirovannyj Kazahstanom zakon o semejno-bytovom nasilii odobrili v

- MPA SNG. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/itsirovannyiy-kazakhstanom-zakon-semeyno-bytovom-nasilii-585686/
- Thacker, L. K., & Day, L. (2017). Rape culture, victim blaming, and the role of media in the criminal justice system. *Kentucky Journal of Undergraduate Scholarship*, 1(1), Article 8. <https://encompass.eku.edu/kjus/vol1/iss1/8>
- Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan № 231-V. (2014). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 12 avgusta 2026 goda.
- Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii № 174-FZ. (2001). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 2026 god.
- Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan № 226-V. (2014). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 2026 god, vključaja Zakon RK ot 27 ijunja 2020 goda o dekriminalizacii klevety i Zakon RK ot 19 ijunja 2024 goda № 94-VIII.
- Ullman, S. E. (1996). Social reactions, coping strategies, and self-blame attributions in adjustment to sexual assault. *Psychology of Women Quarterly*, 20(4), 505–526. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1996.tb00319.x>
- UN Women. (2017). V Kyrgyzstane prinjat novyj progressivnyj zakon o bor'be s bytovym nasiliem. <https://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2017/05/news-new-progressive-law-on-domestic-violence-adopted-in-kyrgyzstan>
- United Nations General Assembly. (1985). Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power (A/RES/40/34).
- Van der Bruggen, M., & Grubb, A. (2014). A review of the literature relating to rape victim blaming: An analysis of the impact of latent and manifest rape myths on rape victim blaming through the perspective of a new taxonomy. *Aggression and Violent Behavior*, 19(5), 523–531. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2014.07.008>
- Verhovnyj Sud Respubliki Kazahstan. (2026). Normativnoe postanovlenie ot 20 maja 2026 goda № 3 «O primenении sudami zakonodatel'stva o zashhite česti, dostoinstva i delovoj reputacii».
- Verhovnyj sud Respubliki Uzbekistan. (2023). Postanovlenie Plenuma ot 20 nojabrja 2023 goda № 30 «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye postanovlenija Plenuma Verhovnogo suda Respubliki Uzbekistan po administrativnym i ugolovnym delam...». <https://lex.uz/ru/docs/6683556>
- Voroshilova, S. V., & Muzykankina, Ju. A. (2019). Dekriminalizacija poboev: starye tradicii i sovremennye realii. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii*, 4(129), 15–22.
- Y. v. Slovenia, No. 41107/10 (Eur. Ct. H.R., May 28, 2015).
- Zakon Kyrgyzskoj Respubliki ot 27 aprelja 2017 goda № 63 «Ob ohrane i zashhite ot semejnogo nasilija». (2017).
- Zakon Respubliki Kazahstan ot 10 ijulja 2023 goda № 18-VIII «Ob onlajn-platformah i onlajn-reklame». (2023). S izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 2026 god.
- Zakon Respubliki Uzbekistan ot 11 aprelja 2023 goda № ZRU-829 «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Uzbekistan v svjazi s dal'nejšim sovershenstvovaniem sistemy nadezhnoj zashhity prav, svobod i zakonnyh interesov zhenshhin i detej». (2023). <https://lex.uz/docs/6430278>
- Zakon Respubliki Uzbekistan ot 2 sentjabrja 2019 goda № ZRU-561 «O zashhite zhenshhin ot pritesnenija i nasilija». (2019). <https://lex.uz/docs/4494712>

Виктимблейминг және жәбірленушілердің құқықтарын қорғау: құқықтық және әлеуметтік талдау

Аманлык Гулимов¹, Аружан Төрехан^{2*}

¹Бердақ атындағы Қарақалпақ мемлекеттік университеті, Нукус, Өзбекістан

²Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы, Астана, Қазақстан

*email: torekhanaruzhan173@gmail.com

Аннотация

Мақала әлеуметтік желілердегі виктимблеймингке — қылмыс үшін жауапкершілікті жәбірленушіге артуға — және оның қылмыстық процестегі жәбірленушілер құқықтарын жүзеге асыруға әсеріне арналған. Тақырыптың өзектілігі цифрлық платформалардың резонанстық қылмыстық істерді қоғамның қабылдауына ықпалының артуымен және қазақстандық әдебиетте бұл құбылысқа жүйелі құқықтық талдаудың болмауымен түсіндіріледі. Жұмыс ғылыми әдебиетті пәнаралық талдаумен толықтырылған доктриналық және салыстырмалы-құқықтық зерттеу ретінде орындалды. Виктимблеймингтің психологиялық механизмдері (әділ әлемге сену гипотезасы, зорлау туралы мифтер, желідегі тежеусіздік әсері) және оның қайта виктимизациямен байланысы қарастырылды. Виктимблейминг жәбірленушінің мінез-құлқы туралы бағалаушы пікірлерден, абыройды түсіретін мәліметтерді таратудан, қорлаудан және жала жабудан ажыратылып, Қазақстан Республикасының Қылмыстық, Әкімшілік құқық бұзушылық туралы, Азаматтық және Қылмыстық-процестік кодекстерінің нормалары талданды. Отандық реттеу 2012/29/ЕО Директивасымен, ЕО-ның Цифрлық қызметтер туралы регламентімен, Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық соттың практикасымен, сондай-ақ Өзбекстан Республикасы мен басқа да ТМД елдерінің тәжірибесімен салыстырылды. Қолданыстағы нормалар виктимблеймингтің тек қорлау, жала жабу немесе жеке өмірге қол сұғылмаушылықты бұзу белгілеріне сәйкес келетін нысандарын ғана қамтитыны және пікір авторын нақты анықтауды талап ететіні, бұл жаппай анонимді айыптаудан қорғауды қиындататыны анықталды. ҚР Қылмыстық-процестік кодексін, онлайн-платформалар туралы заңнаманы және прокуратура органдарының практикасын жетілдіру бойынша ұсыныстар тұжырымдалды.

Кілт сөздер: виктимблейминг; жәбірленушілердің құқықтары; қайта виктимизация; әлеуметтік желілер; қылмыстық процесс

Victim-Blaming and the Protection of Victims' Rights: A Legal and Social Analysis

Amanlyk Gulimov¹, Aruzhan Torekhan^{2*}

¹Karakalpak State University, Nukus, Uzbekistan

²Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office, Astana, Kazakhstan

*email: torekhanaruzhan173@gmail.com

Abstract

This article examines victim-blaming—attributing responsibility for a crime to its victim—on social media and its effect on victims' rights in criminal proceedings. Its relevance stems from the growing

influence of digital platforms on public perceptions of high-profile criminal cases and the lack of systematic legal analysis of the phenomenon in Kazakhstani scholarship. The study is doctrinal and comparative legal research supplemented by an interdisciplinary literature review. It considers the psychological mechanisms of victim-blaming (the just-world hypothesis, rape myths, and the online disinhibition effect) and their link to secondary victimization. Victim-blaming is distinguished from evaluative opinions, the dissemination of defamatory information, insult, and defamation, and the relevant provisions of Kazakhstan's criminal, administrative, civil, and criminal procedure legislation are analyzed. Kazakhstani regulation is compared with Directive 2012/29/EU, the EU Digital Services Act, European Court of Human Rights case law, and the experience of Uzbekistan and other CIS states. Existing provisions are shown to cover only forms of victim-blaming amounting to insult, defamation, or invasion of privacy and to require identifying a specific author, which hinders protection against mass anonymous blaming. Proposals are offered for improving criminal procedure legislation, the law on online platforms, and prosecutorial practice.

Keywords: victim-blaming; victims' rights; secondary victimization; social media; criminal procedure

Дата поступления: 28 Сентябрь, 2026